ISSN 0131—0097
НОЯБРЬ № 45 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 45 (3355)
2 — 9 ноября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Сильвии ПЕКОТА.
(См. в номере материал «У истоков великой Вандеи».)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 14.10.91. Подписано к печати 29.10.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 970. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

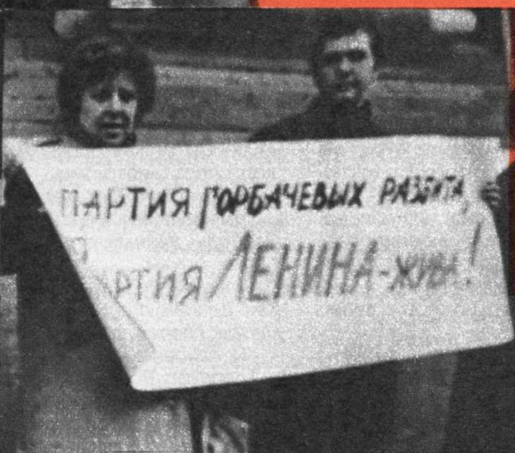
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОЙ ВАНДЕИ

Инар МОЧАЛОВ

Вот уже без малого три четверти XX столетия каждый год осенью приходит к нам очередная — 15-я, 20-я, 45-я, 70-я и т. д.— годовщина события, традиционно обозначавшегося словосочетанием «Великая Октябрьская социалистическая революция». В такой именно комбинации из этих четырех слов оно было освящено нашей официальной идеологией, внедрено в массовое сознание и надолго укоренилось в нем.

Однако «надолго» — совсем не то же самое, что «навечно», а «освящение» далеко не всегда совпадает с «освещением». В нашей земной греховной жизни чаще происходит как раз обратное: чем ярче свет, тем больше спадает «святых» покровов, «возвышенное» нередко предстает низменным, то есть тем, чем оно и было в действительности, «вечное» обретает свой истинный лик временного и преходящего, а действительно великое, оставаясь таковым, меняет свой «знак качества» на противоположный. Последнее — как раз наш случай.

Начавшись 25 октября 1917 года в Петрограде и закрепив затем свои успехи в Москве, Великий Октябрь три четверти столетия победно шествовал по просторам нашей страны, вблизи и далеко за ее пределами. Где-то на рубеже 70—80-х годов резервы оказались исчерпанными. Началась агония. Были предложены два способа лечения тяжело, но, как, вероятно, казалось врачевателям, далеко не смертельно больного. Первый способ — терапевтический: прием таблеток и микстур, инъекции, втирания, вливания и т. п. Это — перестройка, вялая и нерешительная псевдореволюция, действительно нечто менявшая, но оставившая нетронутыми основания тоталитарного режима. Когда неэффективность этого способа лечения стала очевидной (агония продолжалась и уже захватывала главные жизненные центры тоталитарного монстра), объявились новые врачеватели и предложили куда более радикальный метод спасения — хирургический.

Но именно августовский путч НАКОНЕЦ-ТО ПОДВЕЛ ЛОГИЧЕСКИ НЕОБХОДИМУЮ И ИСТОРИЧЕСКИ НЕИЗБЕЖНУЮ ЧЕРТУ ПОД ВЕЛИКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, ВАНДЕЕЙ, начавшейся в октябрьские дни 1917-го и охватившей целую историческую эпоху, равной которой по масштабам воистину планетарных потрясений, людских жертв и страданий сотен миллионов история еще не знала и, даст Бог, никогда больше не узнает.

Октябрь 1917-го — август 1991-го... Пожалуй, здесь более чем уместен заезженный штамп: колесо истории действительно завершило свой оборот, сомкнулись начала и концы, прошлое вошло в настоящее, стало им. Вспомним же мудрые слова Сергея Петровича Мельгунова, который в предисловии к своей книге «Красный террор в России: 1918—1923» (Берлин, 1923 г.) писал: «Не надо забывать, что только СОВРЕМЕННИКИ могут изобразить для потомства правду не ложную».

Как сейчас уже можно считать окончательно доказанным самой историей, эта «не ложная правда» была представлена в первую очередь либерально-демократическим направлением нашей отечественной мысли, науки и культуры, и потому столь старательно игнорировалась она нашей «марксистской историографией». Вспомним, что развивавшие это направление российские интеллигенты, бывшие современниками Мельгунова и духовно ему близкие, теперь, как никогда ранее, являются также и НА-

ШИМИ современниками. Обратимся к свидетельствам и оценкам хотя бы немногих из них. Они помогут нам осмыслить наше настоящее, а отчасти, пожалуй, и будущее.

* * *

Петр Константинович Губер (псевдоним — П. Арзубьев) (1886—1941) — писатель, историк, литературовед, публицист, переводчик, в 1917 году постоянный сотрудник центрального органа Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) — газеты «Речь», издававшейся в Петрограде. Жертва большевистского террора.

П. АРЗУБЬЕВ

УВЕНЧАНИЕ ЗДАНИЯ

Нам угрожает контрреволюция... Неправда,— контрреволюция уже совершилась.

Какова, если так можно выразиться, программа-минимум контрреволюции? — Уничтожение гражданских свобод, разгром демократических партий, разгон представительных органов, избранных всеобщей подачей голосов, изгнание, заточение и дискредитирование всех авторитетных вождей революционного движения.

Раз эти условия достигнуты, формальное торжество контрреволюции под ее собственным именем уже не представляет никакой трудности. Забитой, запуганной, разоренной и политически дезорганизованной стране можно навязать любую форму правления, подчинить ее любому игу, до неограниченной монархии включительно.

Народные комиссары выполнили эту программу-минимум до конца.

Где те люди, которые свергли Николая II? Одни сидят под арестом, другие в бегах, третьи устранены от всякого влияния на государственные дела, взяты под надзор, потеряли возможность общения с народными массами.

В распоряжении политически организованной части общества более не остается орудий для противодействия деспотизму. И что гораздо хуже, многие утратили веру, сделались жертвами усталости и апатии.

Когда контрреволюция сбросит, наконец, маску, ни у кого не останется больше сил для борьбы. Никакого выбора не останется, как склонить покорно спину перед торжествующей реакцией.

И как в сущности мало осталось сделать настоящим реакционерам, которые захотят володеть и править от своего собственного имени, а не от имени армии, пролетариата и рабочих! Во главе большевизма стоит буквально горсть людей с настоящим революционным прошлым. Остальные — зилоты большевизма, это — либо беспринципные проходимцы, либо люди с типичной психологией старого режима, для которых реставрация будет лишь возвращением в привычную обстановку.

Ждать осталось недолго: лишь только солдатские толпы разочаруются в тех немедленных благах, которые им обещаны (а они и теперь, на исходе первого месяца большевистского господства, начинают разочаровываться), путь для зреющего черносотенного заговора будет расчищен.

И только одна преграда отделяет нас от этой опасности: Учредительное Собрание должно на днях открыться. Но уже глубоко продуманный подкоп ведется под Учредительное Собрание. Шансов на нормальную работу Собрания уже нет. И лишь только оно разойдется под давлением насильников, здание контрреволюции будет увенчано. Менять заведенных порядков не придется. Надо будет дать лишь другое, более подходящее название существующему режиму.

«Новая Речь», 28 ноября (10 декабря) 1917 г., № 1, стр. 2.

Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957) — художник, публицист. С 1925 года жил в эмиграции.

М. ДОБУЖИНСКИЙ

РАССТРЕЛЯННОЕ ИСКУССТВО (Мысли художника)

Мы, поглощенные настоящим, забываем, что живем в истории и нам не дано понять совершающееся в общей картине жизни, потому что мы задавлены злобой дня и наши и без того близорукие глаза ослеплены вихрем совершающихся событий. Можем ли особенно мы, сегодняшние люди, отупевшие от безумия войны и ужаса жизни, понять цепь следствий и причин, оценить значительность или ничтожность происходящего, предугадать, что пройдет бесследно, что разовьется и останется в веках? Разве мы вспоминаем когда-либо, что каждый наш шаг — это ступень вверх или вниз в историческом ходе событий, что все запишется беспристрастной рукой времени и все наши дела станут историей для потомков; но о них наши современники, за дурманом лозунгов и туманом грубых формул, забывают как о будущих живых людях, которым мы должны будем дать отчет в наших делах. Наши внуки,— если они еще и не увидят «небо в алмазах», быть может, будут счастливы иметь возможность более спокойно и широко мыслить,— проклянут или благословят наше время, осудят или простят нашу слепоту и бессилие; и как отнесутся они к тому, что в дни революции мог произойти и мог быть допущен тот ужасающий факт, что во время политической борьбы за власть и во имя утверждения **насилием** «социальной» программы одной партии поднялась жестокая рука на пощаженный столетиями мировой памятник искусства и национальной истории — Кремль.

Нам еще трудно разобраться во всем ужасе самого этого факта, но пытаться понять смысл события — долг всякого, кому дорого то, что составляет высочайшую и вечную драгоценность культуры,— искусство.

Было бы лицемерием утешать себя тем, что разрушение могло быть еще большим, что погибло не все, и тем паче мещански оценивать убытки на деньги и облегченно вздыхать от итога. Дело не в размерах убытков и количестве разрушенного, а в моральном символе факта.

Перед всяким стихийным или случайным разрушением можно только молчать, ища примирения в великом трагизме бытия и неисповедимости судеб; перед разрушением от воли человека можно и преклониться, но лишь тогда, когда это совершается ради созидания более высшего блага. Тому же, что произошло, нет никаких оправданий.

В далекие эпохи и варваров удерживал иногда от разрушения воздвигнутого человеческим трудом некий бессознательный мистический страх перед величием и красотой созданного, удерживал и страх Бога (недаром преступник искал спасения в храмах). Людей же, живущих в культуре, должно останавливать одно уважение к истории и искусству. И вот когда нет стихии и не видно блага, которое оправдало бы хотя бы равноценность своей то, что принесено в жертву,— берет ужас от страшного предостережения перед будущим, которое грозит встать перед нами.

Если с легким сердцем можно было цинично попрать, как какой-то «буржуазный предрассудок», лучшее наследие ушедших в историю предков, если это наследие дел, мыслей, фантазии и веры народной, как вздорный хлам, обрекается в жертву ради торжества одних широковещательных слов, за которыми прячется узенький и самый мещанский идеал, утверждающий лишь эгоистическое материальное существование **и больше ничего,—** то разрушение является небывалым, сумасшедшим преступлением перед прошлым, настоящим и будущим, перед всей культурой. В этом — угроза всему, что не полезно, точно снова рождается жалкий нигилизм, отрицающий всякую красоту, даже природу, и вскрывается ужасающая тоскливая пустота скопческого «идеала» того, что носит гордое и несоответствующее имя Демократии и Социализма. Надо понять, что такая «демократия» и такой «социализм», исповедующие, что «только хлебом единым жив будет человек»,— не настоящая демократия и не истинный социализм, и ясно, что те, которые хотят строить человеческие отношения на одном куцем «равенстве», без Свободы и Братства, только компрометируют подлинный социализм. Конечно, стыдно сейчас вспомнить о Fraternité, между тем, это забытое слово, завещанное французской революцией, на которую так усердно оборачиваются наши «вожди народа»,— самое главное в великой троице слов. Ведь из этих понятий одно взаимно немыслимо без другого, и строить общественные отношения, забывая о братстве, значит узаконять право сильного, возвращая людей к первобытному животному эгоизму.

Но все это ныне творится,— творится вполне последовательно. Если те, кому дается в руки строить жизнь, все мерят только на свой аршин, то, естественно, все строится однобоко. Если в основу кладется один принцип обеспечения материального существования человека, если, как мы видели в наши дни, может сметаться все то, что стоит на дороге, только потому, что оно «бесполезно», и если искусство может вычеркиваться за ненадобностью в предстоящей жизни, грозящей нивелировать все на уровень узкополезного, то страх за самое существование нашей культуры встает во всем своем ужасе.

Но ужас растет оттого, что незаметно из злого угара событий показывается лик мелкого злобного беса, того русского черта Достоевского, который властен своей пошлостью, своей обыденностью, незаметностью и за которым стоит ужасающее Ничто. Он неприметно подменивает великое мелким, незаметно вливает злой яд все растущего эгоизма, лжи и равнодушия, соблазняет людей, только что освободившихся от цепей, безумием разрушения и осквернения, и, может быть, только в видимых результатах этого предельного безумия слишком уж явно выступает его гримаса, и, может быть, этим нам дается последнее предупреждение.

И вот мы стоим перед непроходимой бездной невежества, хамства, слепой человеческой мстительности, и остается одна надежда, что люди в массе инертны и ленивы, что души скоро устанут от длительной злобы и что, если еще далеко то время, когда на землю снизойдет любовь, на которой только и держится мир, то все же не может быть безумие вечным, ибо людские души живучи. Те же, кому не мерещится в будущем один только идеал всеобщей «столовки», а дороги вечные ценности искусства и память истории, и кто верит, что будущее человечество достойно будет более сложной, радостной, широкой и прекрасной социальной жизни, чем прокрустово ложе, уготованное ему фанатиками, проповедующими сегодняшнюю пародию на социализм,— все те не должны опускать рук в отчаянии, должны нести свет в несчастные, соблазненные мелким бесом души, потому что единственное, что остается, чтобы спасти культуру,— это медленный и тяжелый путь просвещения. Только этим можем искупить свой грех попустительства и бессилия перед потомством.

«Русские Ведомости», 21 ноября (4 декабря) 1917 г., № 255, стр. 7—8.

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866—1941) — писатель, публицист, историк, поэт. С 1920 года жил в эмиграции.

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ

УПЫРЬ

В приказе об удушении печати Ленин признается с удивительной наивностью, что свобода слова для него опаснее, чем террористические бомбы, яд и кинжал *.

Не раздумывайте, не разглядывайте, а закройте глаза и понюхайте, чем это пахнет. Неужели не узнаете? Ну, конечно, Николаем Вторым Романовым.

Николай Второй Романов и второй Николай Ленин. Два Николая, и у обоих один и тот же запах. Узнаю зверя по запаху.

Ленин прав: свободное слово для него опаснее, чем бомба, яд и кинжал. Перед свободным словом, безоружным и беззащитным, он сам, со своими миллионами штыков, безоружен и беззащитен. Пока оно живо, он мертв. Или он, или оно — им вместе быть нельзя.

Так было для Николая Второго Романова; так и сейчас — для второго Николая Ленина; так для всех тиранов.

Тираны знают, что свободное слово есть первое и последнее дыхание самой Свободы; с ним она рождается и с ним умирает. Вот почему они так боятся его. Водобоязнь — у собак, словобоязнь — у тиранов.

Да, свободное слово для них страшнее кинжала. Стальной кинжал тираноубийцы может промахнуться, но кинжал слова неотразим.

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий
кинжал,
Последний судия позора и обиды...
Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,—
И озираясь он трепещет...

Трепетал Романов — трепещет и Ленин. Карающий кинжал уже занесен над головой тирана; слово уже сказано — не социалистическое и не буржуазное, а всенародное свободное слово:

«Ленин — самодержец».

Слово прямо в лицо ему сказано, а он молчит и молча душит, убивает слово. Но берегись, тиран: прежде чем ты — его, оно тебя убьет.

Да, это не пустое слово, а неотразимый кинжал в сердце тирана, неотразимая истина, что самодержавие Ленина, в своей глубочайшей сущности, тождественно с самодержавием Романовским. Сущность обоих — **равенство без свободы —** социальное равенство без политической свободы.

По слову Пушкина: «Все Романовы суть террористы и уравнители». Политические террористы, социальные уравнители. Дух Пугачева, соединенный с духом Аракчеева. Социальное уравнение, как средство политического порабощения. Романовское самодержавие выдвигало дворянство и буржуазию; самодержавие ленинское выдвигает пролетариат и «беднейшее крестьянство».

*** Завоеванная Февральской революцией 1917 года свобода печати была закреплена Временным правительством 27 апреля в специальных постановлениях «О печати» и «Об учреждениях по делам печати» («Сборник указов и постановлений Временного Правительства». Выпуск 1. Пг., 1917, стр. 212—218). 27 октября подписанный В. И. Лениным первый декрет Совнаркома «О печати» эти постановления отменял, возвращая российскую печать к временам, худшим по сравнению с теми, какие были при царском режиме («Декреты Советской власти», т. 1, М., 1957, стр. 24—25). На следующий день Ленин и Сталин подписали также постановление о запрещении выхода газет, ранее закрытых петроградским Военно-революционным комитетом (Там же, стр. 539).**

Но это только минутное средство, а последняя цель — уравнение в рабстве. Все равны, потому что все рабы: все равны в ничтожестве, в небытии перед одним-единственным.

Романовское самодержавие основывалось на православии, на церкви вселенской; самодержавие ленинское основывается на социализме и тоже на своего рода «вселенской церкви» — Интернационале.

В обоих самодержавиях — одинаковое кощунство, попрание святынь: в романовском — святыни прошлой, в ленинском — будущей.

Оба самодержавия обманывают народ чудесами, «царством Божьим на земле» — теократическим или социалистическим. Чудеса разные — обман один.

Оба самодержавия хотят, поработив, осчастливить. Оба говорят: «Все дадим — мир, хлеб, землю, социализм, теократию, царство Божье на земле,— все, кроме свободы».

«Наш народ умен, потому что тих, а тих, потому что несвободен»,— говаривал Дубельт, жандармский генерал Николая I.

«Наш народ умен, потому что буен, а буен, потому что несвободен»,— мог бы сказать Ленин.

Оба самодержавия взывают к «воле народа»; но народ для них — слепая стихия,— не народ, а чернь, «черная сотня». Недаром на наших глазах Романовская черная сотня уже сливается с Ленинской. Единственно возможное действие такой «воли народной» — самосуд и погром.

Главнейший погром, по замыслу обоих самодержавий, обращен на русскую интеллигенцию. Интеллигенция — разум и свет народа. А разум и свет — силы освобождающие, низвергающие всякое рабство — революционные по преимуществу. Вот почему оба самодержавия так свирепо, так неутомимо ненавидят русскую интеллигенцию.

Для Романовского самодержавия русская интеллигенция есть русская революция, для самодержавия Ленинского — «контрреволюцией». Но ведь подлинная революция давно уже сделалась «контрреволюция», и наоборот. Тут вообще все наоборот, как в чертовом зеркале.

«Бей жидов, бей интеллигентов!» — этот погромный клич Романовский уже сливается с погромным кличем Ленинским: «Бей буржуев, бей интеллигентов!»

Избиение интеллигенции, угашение всех огней народного сознания и народной совести, кромешная тьма, «еремеевская ночь» — то, о чем Романовы только мечтали,— Ленин уже исполняет или вот-вот исполнит.

Николай Второй начал — второй Николай кончает. Круг замкнут, путь пройден — дальше идти некуда.

Романовское самодержавие жило в истории,— для него были времена и сроки; для самодержавия Ленинского наступил «конец времен», «Апокалипсис». И вот совершается перед нами воочию апокалипсическое видение — царство Зверя.

Но будем помнить, что это именно только видение, несуществующее марево.

Когда убивают колдуна, то из могилы его выходит упырь, чтобы сосать кровь живых. Из убитого самодержавия Романовского вышел упырь — самодержавие Ленинское.

Упырям нужна темнота ночи и беспамятство жертвы. Вот почему все огни потушены.

Огни потушить можно, но как потушить солнце?

Учредительное Собрание — солнце Русской земли. Когда оно взойдет,— исчезнут все призраки.

Или, может быть, упырь захочет потушить солнце? Ну что ж, пусть попробует.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что на Учредительном Собрании Ленин сломает себе голову.

«Новая Речь», 28 ноября (10 декабря) 1917 г., № 1, стр. 1.

В 1917—1918 гг. автор нижеследующего очерка постоянно публиковался в «Русских Ведомостях», вплоть до закрытия газеты. К сожалению, что-либо определенного сказать о нем пока можно очень мало (скудные сведения автобиографического характера содержатся в его публикациях). По некоторым косвенным данным (подробно на них останавливаться нет возможности), можно высказать весьма вероятное предположение, что это Евгений Сергеевич Синегуб, автор ряда работ по геологии и минералогии, сын С. С. Синегуба, известного социалиста-народовольца.

Е. СИНЕГУБ

СОЦИАЛИЗМ БЕСЧЕЛОВЕЧИЯ

Каин, что сделал ты
с братом своим?

Мученическая гибель Кокошкина и Шингарева недаром вызвала в русском мыслящем обществе взрыв чувства, близкого к отчаянию*. Она как будто впервые открыла многим всю глубину бездны, в которую свалилось несчастное наше отечество. До сих пор не умолкают и долго еще не умолкнут тоскливо-недоуменные отголоски страшного события, и видно в них, как пытается и не может потрясенная человеческая мысль совместить представление о двух благороднейших человеческих образах с невероятным бесчеловечием этого убийства. Тут, правда, есть что-то непонятно подавляющее, как мрачный бред помешанного. За что отданы лютой смерти эти люди, которыми гордилась бы всякая страна?

Не спрашивайте — за что. За то же, за что может быть убит каждый из нас в любой час, в любую минуту. Не надо искать в этом убийстве особенно сложных мотивов. Современная русская жизнь полна явлений, необъяснимых никакими **человеческими**, хотя бы трагическими, хотя бы болезненными мотивами. Эти явления ужасны именно своей голой, простой, **спокойной** лютостью, чуждой «эксцессов», бесстрастной и самодовлеющей.

В явлениях этого рода уже утрачены признаки того, что принято называть «классовой борьбой» или гражданской войной. На этих днях на Северной дороге разбились со всего размаха два встречных поезда. Вагоны были охвачены пламенем; множество людей,— почти сплошь солдаты и крестьяне,— сгорели, были раздавлены, исковерканы, погибали в страшных муках. Но когда еще догорали смрадные трупы, когда еще корчились, хрипели и вопили искалеченные, изуродованные люди,— к месту катастрофы со всех сторон сбегались толпы окрестных мужиков с подводами, и, обгоняя друг друга, бросались искать и шарить среди залитых кровью обломков, не осталось ли от разбитых поездов какой-нибудь поживы. Что-то такое тащили, наваливали на повозки и уезжали. Наконец, их отогнали, как отгоняют трупных мух, кружащихся над кровавой раной.

Когда зверье пожирает друг друга, когда волчья стая обкусывает, грызет и раздирает своего еще визжащего собрата, паук спокойно высасывает паука,— мы говорим: это — зверье. Мы даже не возмущаемся, так как знаем, что зверь невменяем. «Одна саламандра большего размера спокойно пожирала другую саламандру меньшего размера». Тут — не аффект, не трагедия, а обыкновенное, простое звериное дело, нормальный закон звериного существования. Зверь не ставит себе вопросов, идущих от «сочувственного опыта»; для него вопрос о взаимных отношениях есть вопрос аппетита и **силы**. Всё вообще пожирает друг **друга**.

Это самое, эта самая звериная простота взаимного пожирания, это спокойно лютое состояние, движущее человеческими саламандры, день за днем возвращается в нашу человеческую жизнь; оно все более определяет социальную психологию современной России. Никогда человек не был в такой степени **волком человеку, как ныне**; никогда еще в человеческом общежитии не устанавливалось такой круговой поруки бесчеловечия.

Преступление, приобретающее характер всеобщий, перестает быть преступлением и становится нормою жизни. «А главным образом,— пишут в военно-революционный Комитет солдаты, зверски разгромившие имение Сангушко,— мы все от первого и до последнего не виноваты, потому что в таковых действиях принимали участие все»*. Это **«главным образом»** замыкает цепь суждений о том, что растерзанный Сангушко был «капиталист-монархист». Но **главным образом** терзали все, и ни один в отдельности не виноват. Отойди он в сторону,— было бы то же самое. Каждый из мужиков, рыскавших среди обгорелых, корчащихся мужицких тел в поисках поживы, чувствовал то же самое: грабят мертвых и корчащихся в смертных мучениях **все**; дело, стало быть, одинаковое для всех. Кто-то гибнет, кто-то, по недавно слышанному мною выражению, «отжевался», неотжевавшиеся еще его дожевывают.

Это — одно из величайших и самых чудовищных завоеваний «социалистической» революции, это — погашение социального чувства в биологическом инстинкте. «Классовая борьба» теперь уже ни при чем. «Классовая борьба», провозглашенная в кликах ненависти, в площадной популяризации мотивов личного желудочного соревнования, была только началом пожирания человека человеком. Раз начавшись, оно, по самой глубине своего биологического естества, не могло локализироваться в каких-нибудь границах, ибо границы эти, мыслимые теоретически, на деле, в живой пестроте жизни, неопределимы. Я надеюсь как-нибудь поделиться с читателем материалами, рисующими современное состояние деревни, внутренние мужицкие взаимоотношения. Это сплошь и рядом такая оргия бесчеловечия, которая ставит происшествие на Северной дороге в ряд обыденных, типических явлений.

Они «не ведают, что творят»? Да, вероятно. Но дело в том, что неизуродованное, нормальное **человеческое** чувство само по себе является **вéдением** в известных вещах, главным и единственным ведением. Зверье, убившее Кокошкина и Шингарева и, грызясь, делившее их одежду, тоже не ведало, что творило, но не ведало именно в этом зверином смысле. Тут не заблуждение мысли, не ошибки разума, а просто распад чувства, полагающего первоначальное различие между человеком и зверем. Распад этого чувства и есть главное достижение «социалистической революции». Сожри того, кого тебе хочется сожрать, облизнись и предайся пищеварению, оглядываясь, однако, чтобы тебя с какого-нибудь конца не начала пожирать саламандра большего размера и большего аппетита. Пока голоден — пожирай, но более голодный может пожрать тебя и, в свою очередь, будет пóжран еще более голодным. Таков главнейший декрет, основной закон «социалистической революции», единственный не расклеенный на заборах, но всаженный огненным клеймом в обезумевшую душу народа.

«Общая жалость, не знающая конца» — так определялся социализм в одном из стихотворений Гюйо*. Общая безжалостность, общее бесчеловечие — таков социализм нынешних его возглавителей. Их социально-революционная концепция бесчеловечна, потому что построена на их субъективном бесчеловечии. Им **не жаль** народа, над которым они проделывают свои опыты социальной вивисекции. Бесчеловечие, служащее им внутренним, побуждающим стимулом, смотрит между строк всех их декретов, всех их прокламаций, всех их писаний. Они-то ведь **ведают**, что творят. Они знают, что ныне живущее поколение претерпит тяжкие муки, может быть, вымрет наполовину от их социалистических опытов, от голода, болезней, от развала всей жизни. Они пишут об этом иногда с эпическим спокойствием, о «грандиозной безработице», о «катастрофе», к которой приближает нас «каждый упущенный момент»; они с величайшим спокойствием сообщают, что в социалистическом Петербурге 30 000 рабочих подлежат выбрасыванию на улицу. Они шли на все это, на прямую гибель ныне живущих людей, на гибель их в зажженном ими пожаре; среди их обгорелых и исковерканных трупов они рассчитывают отыскать какую-то поживу для дальнейших социалистических преуспеяний.

И этот-то дух спокойного нечеловеческого окаянства, лежащий в основе их социалистических опытов, разносится от них, как от напоенного и текущего ядом дерева. Дождь стекает с его листьев смертной, все убивающей отравой. Все «законодательство», все призывы, все красноречие, текущее в народ из центра, утвержденного на принципиальном бесчеловечии, на презумпции о гибели целого поколения, несут народу нравственный распад, моральный идиотизм... Саламандра, пожирающая саламандру, отвратительна. Социализм, пожирающий живого человека, пожирающий народ, еще более ужасен, еще более отвратителен. Это не тот социализм, который несли миру наши отцы, и каждый из них, если бы мог встать из гроба, ужаснулся бы этому социализму, отступил бы перед ним с ужасом и горем... Что ты сделал с братом своим, Каин, Каин!..

«Русские Ведомости», 17(30) января 1918 г., № 9, стр. 5.

*** Федор Федорович Кокошкин (1871—1918), общественный и политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК, юрист и публицист, в июле — августе 1917 года входил в состав Временного правительства в должности государственного контролера, член Учредительного собрания.**

Андрей Иванович Шингарев (1869—1918) — экономист-аграрник, земский врач, политический деятель, публицист, член ЦК Конституционно-демократической партии, с марта по июль 1917 года министр земледелия, финансов и заведующий продовольствием Временного правительства, член Учредительного собрания, постоянный сотрудник газет «Речь» и «Русские Ведомости». 28 ноября 1917 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» Кокошкин и Шингарев были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость, откуда в связи с ухудшением здоровья были переведены на лечение в петроградскую Мариинскую больницу. В ночь на 7 января 1918 г. в больницу обманным путем проник отряд красногвардейцев и матросов численностью в несколько человек. Ими Кокошкин и Шингарев были в упор расстреляны на своих больничных койках, также были похищены принадлежащие им вещи. Смерть Ф. Ф. Кокошкина наступила мгновенно, смертельно раненный А. И. Шингарев в течение двух часов до своей кончины находился в полном сознании. Похороны обоих убитых в Петрограде вылились в многолюдные демонстрации протеста, а на панихиде в храме Христа Спасителя в Москве присутствовало около тысячи человек.

*** Сангушко, польский князь, владелец имения Славуты, представлявшего большую историческую и культурную ценность. 18 октября 1917 года Славута стала жертвой солдатского погрома. 86-летний Сангушко был исколот штыками и застрелен, замок сожжен, погибли архив, художественные и исторические коллекции.**

*** Жан Мари Гюйо (1854—1888) — французский философ и поэт.**

БЕЗУМИЕ?..

Однажды в одном кабинете на Старой площади я услышал фразу, до сих пор не дающую мне покоя. Отглаженный, будто вечно от брадобрея, селедочно-галстучный человек, депутатское лицо которого сегодня мелькает на телеэкранах с частотой, недоступной иным эстрадным «звездам», сказал тогда об одной из противоборствующих сторон в Нагорном Карабахе, сказал, как отрезал: «Нация больна. Нация сошла с ума!» Я был поражен простотой диагноза и легкостью приговора.

Тогда в стране был единственный конфликт. И на Старой площади, как я понимал, «искали» и находили виновных. И я услышал приватное мнение, которое выражало...

Впрочем, хватит о Старой площади и о ее людях, которые о себе позаботились. Давайте позаботимся о нас с вами, ослепленных и еще не ослепленных враждой, зараженных или еще не зараженных безумием.

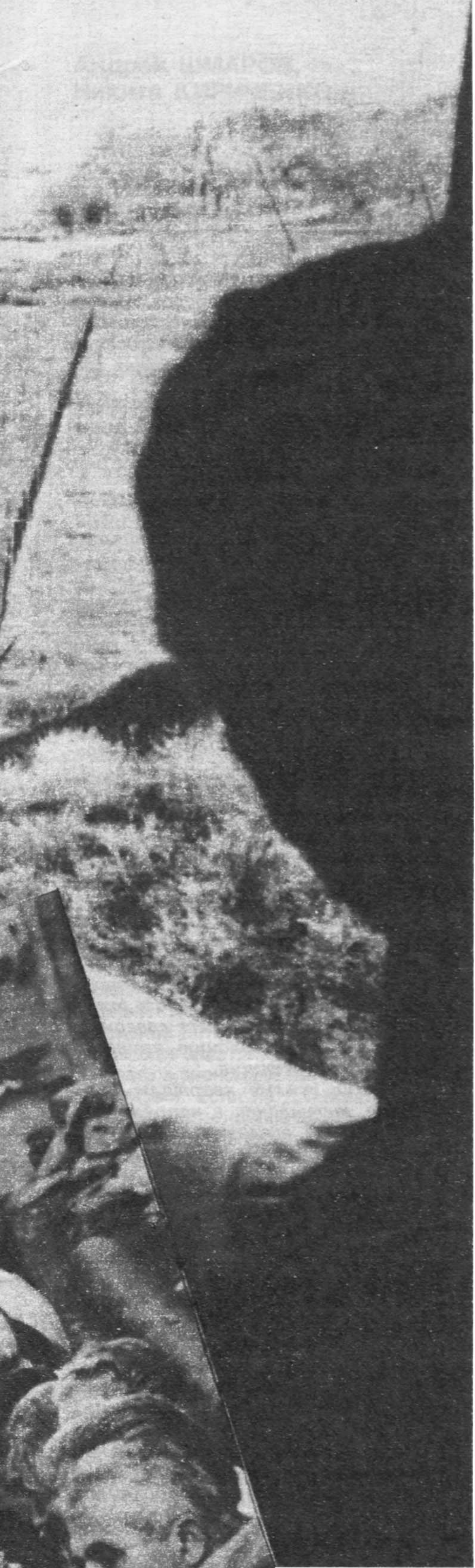
Армяне и азербайджанцы, молдаване и гагаузы, татары и русские, грузины и осетины... Кто из нас, каждый в отдельности, назовет нацию, разделенную в этом перечислении союзом «и» (а он, союз, как часть речи, соединительный), больной и безумной? Наверное, только тот, кто сам лишился возможности реально воспринимать этот мир и действует вопреки разуму и памяти. Неужто забыты прежнее добрососедство, взаимообогащение культур, общая земля, наконец, которая, мудрая, не спрашивая, какой ты крови, одаривала всех чем только могла?

Вглядитесь в эти снимки, сделанные в Цхинвали, в одной только точке кровавого противостояния народов.

Безумие?..

...И все-таки свадебный стол в это действительно безумное время оставляет огонек надежды. Нет только за свадебным столом прежних соседей...

Г. ЖУКОВЕЦ
Фото В. ВЕЛЕНГУРИНА

В ЧЕМ ПРИКАЖЕТЕ КАЯТЬСЯ?

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРЕСС-СЛУЖБЫ ПРЕЗИДЕНТА СССР ОБВИНИЛ «ОГОНЕК» В «ИЗВРАЩЕНИИ» ФАКТОВ.

ТАСС распространил сообщение о брифинге, состоявшемся в МИД СССР, на котором помощник, руководитель пресс-службы главы государства Андрей Грачев назвал «дезинформацией ряд публикаций в советских средствах массовой информации, относящихся к деятельности Президента СССР». Первым среди изданий, якобы допустивших «прямое и прискорбное извращение фактов», назван «Огонек».

В разосланной «тассовке» (ее, кстати говоря, проигнорировали большинство газет), к сожалению, не указывается ни статья из «Огонька», в которой были «извращены» факты, ни сами факты.

В связи с тем, что представители «Огонька» не были приглашены на брифинг, нам ничего не остается делать, как гадать, о какой публикации шла речь.

Судя по всему, неудовольствие вызвала статья Павла Никитина «Осторожно: ГэкаЧекисты!», в которой автор на основе фактов делился с читателями размышлениями: кому выгодна утечка информации из секретных архивов в журнал «Шпигель» и какие силы могли стоять за ней.

«Огонек» надеется получить от руководителя пресс-службы Президента СССР конкретный перечень фактов, которые якобы были «извращены» в статье. В противном случае редакция вправе считать заявление Грачева несостоятельным и впредь не тратить время и журнальную площадь на доказательство правоты.

■

Больно слышать, когда говорят, что только с помощью заграницы мы можем себя прокормить. Россияне могут не только себя обеспечить продуктами питания, но и продавать их за рубеж. И это не в далеком будущем, как нам говорят, а уже сейчас, сегодня. Вся беда не в том, как вырастить и собрать урожай, а как заинтересовать население в реализации продукции. Вся наша система заготовок поставлена с ног на голову, по принципу чем хуже, тем лучше.

Живу я в Ставрополье, климат, земля и другие условия позволяют производить здесь самой разнообразной продукции во много раз больше, чем производится сейчас. Но крестьянин потерял всякий интерес. Кому нужны эти бумажки, на которые нечего купить? Да и их получить тоже непросто — затратить времени нужно, пожалуй, столько, сколько и на производство самой продукции. Я, помимо основной работы, пчеловод-любитель, получил в этом году 500 кг товарного меда. Куда его деть? Продавать на рынке — нет времени, сдать заготовителю — целая проблема, да и цена в 3 раза ниже рыночной, а взамен ничего, кроме обесцененных бумажек. Пчеловоды нашего городского общества имеют несколько тысяч пчелосемей и могли бы продать несколько десятков тонн меда, но где хоть какие-либо товары взамен?

Был в Москве, по поручению группы пчеловодов обращался к администрации рынка, но куда там, условия еще более кабальные. Подобное положение с овощами, картофелем, зерном, мясом. К примеру, чтобы получить обыкновенную мужскую сорочку на нашем заготпункте, нужно сдать 100 кг мяса по ценам в 5 раз ниже рыночных. На кого рассчитан такой обмен, а точнее, обман?

Не могу поверить, что ничего нельзя сделать, ведь здесь и затрат никаких не требуется.

А. ЛЫХИН
Невинномысск, Ставропольский край

■

В принятом Законе о приватизации жилья заложена новая социальная несправедливость по отношению к миллионам жителей коммунальных квартир. Весь жилой фонд приватизируется бесплатно, по нормативам, частично выкупается — за исключением коммуналок. Итак, жители отдельных квартир получают их в собственность, а жители коммуналок остаются бесправными квартиросъемщиками. Это не означает, что коммуналки не становятся предметами торга. Освобождаемая площадь лихо распродается жилотделами, а деньги кладутся в карман. Если коммунальные квартиры не станут собственностью жильцов, они автоматически становятся собственностью исполкомов, жилотделов, всяческих чиновников, которые и будут торговать ими по собственному усмотрению. И никакими мерами этот торг не остановить.

Социально справедливой представляется следующая модель: житель коммуналки может по желанию выкупить свою комнату. Если в квартире освобождается площадь, он может ее откупить. Если освобождается вся квартира, он может ее выкупить. Если две, три семьи в коммуналке решат приватизировать квартиру, они ее совместно выкупят. Жильцы дома могут выкупить весь дом, и никакой исполком не сможет выселить их к черту на рога, а дом продать за валюту СП или фирме.

Пора понять, что комната в квартире имеет свою цену, и, выезжая из нее, человек не должен дарить ее коррумпированным чиновникам, предварительно оплатив ее ремонт. В случае оставления своей комнаты, переезда в другое место, вступления в жилищный кооператив и т. д. человек должен иметь право оставить за собой эту площадь. Он может продать ее и внести деньги за жилье в кооператив, либо вложить полученные деньги в индивидуальное строительство. Почему, покупая квартиру в кооперативе или уезжая совсем, человек должен отремонтировать и бесплатно сдать имеющуюся у него жилплощадь? За нее заплачено сполна годами рабского труда на государство, годами унизительной жизни, недостойной нормального человека.

В. БАЖЕНОВ
Москва

■

Именно сейчас, когда станет возможен доступ ко всей совокупности источников и над исследователем ничто не будет тяготеть, появляется возможность создания объективной истории РСДРП-КПСС. Свою историю, яко кащееву смерть, партия бдительно охраняла от ока непредвзятого историка. Стерегла до последнего часа, боясь разоблачительной правды, которая стерла бы ее с лица земли. Чтобы попасть в партархивы различного ранга и в различных республиках, необходимо было обязательное условие — членство в партии. Эта мера со всеми другими препонами (подписка о неразглашении почерпнутых из документов сведений, предоставление всех сделанных в архиве записей под «кастрирующие» ножницы бдительного чиновника и т. п.) должна была оградить от утечки информации.

В данном случае истинное, непредвзятое знание ценно не только само по себе, оно позволяет яснее представить выход из политического, нравственного и экономического тупика, в котором оказалась страна в результате деятельности «руководящей и направляющей...».

Последние события, я имею в виду разгром неудавшейся попытки реставрации партийной монополии на власть, должны внести свежую струю в «историко-партийную науку», как иногда величали историю правящей партии.

Могут раздаваться голоса: чего возиться с этой «мертвечиной», и так все известно и понятно. Однако без анализа научной истории РСДРП-КПСС, организации, пронизывающей все и вся, невозможно подлинное знание советского периода нашего государства, невозможен акт сродни Нюрнбергскому процессу, который бы окончательно развеял большевистские иллюзии части нашего населения и не позволил бы возродиться к жизни этому монстру — «партии нового типа».

А. И. Солженицын высказал такую мысль: «Западную Германию наполнило облако раскаяния прежде, чем там наступил экономический расцвет». И чем быстрее двери партархивов и архивов КГБ широко откроются для объективного исследователя, тем скорее начнется возрождение всех наших народов, задавленных пятой «идеологического рабства». История партии нуждается в еще одной переписке, и теперь уже окончательной.

Н. МАРЧЕНКО
Минск

■

Весной этого года я писал вам о колонии в жилой зоне Красноярска («Огонек» № 9, 1991 г.). Сегодня колония бунтует. Она отстояла нескольких своих товарищей, которых за провинность избили и пытались отправить в ШИЗО. Сейчас в колонии ни одного работника ИТУ, зато в достатке оружия и водки. Как я и говорил, предпринять ничего нельзя. В пяти метрах от забора жилые дома, дети, женщины, старики...

Начальника УИДа УВД крайисполкома С. М. Козеля, полгода назад высокомерно упрекавшего жильцов, недовольных соседством с зоной, в «групповом эгоизме», начальника УВД Г. В. Лукьянова, обещавшего решить в XIII пятилетке вопрос о выводе колонии за черту города,— их теперь не видно и не слышно. Зато паханы съезжаются со всего города: подкармливают друзей, дают указания, как вести себя,— все совершенно открыто. В колонию привозят даже на ночь женщин.

Вечерами жилые кварталы возле колонии застывают в напряженном ожидании. Не вселяют надежд редкие патрули тонкошеих солдат да и одинокие машины Свердловского РОВД. У людей одна мысль: что сегодня придет в голову зекам — пить водку, «разбираться» между собой или... Планов их не знает никто — ни крайсовет, ни крайисполком, ни тем более бравые полковники. Следом всколыхнулись и другие колонии...

Что будет с теми, кто живет здесь, с детьми, которые радостно хлебали вино, привезенное заключенным, и бегали по их поручениям... Что будет с ними, понявшими и принявшими превосходство блатного закона над всем остальным? Толкуйте им теперь о возрождении России, о святой вере и великих целях...

Собираются отдать под суд нескольких рядовых, избивавших заключенных. Молодцы зеки — отстояли свои права. А как быть с нашими правами, у кого просить защиты?

В. КУЗНЕЦОВ
Красноярск

■

Я отец-одиночка — слово-то какое унизительное! Да и моя просьба такая же. А прошу я любую благотворительную организацию в Союзе или за рубежом прислать моим детям посылку хотя бы с поношенными вещами. Сейчас осень, скоро зима, а я не могу купить детям курточек — их просто нет в магазинах. Да и денег мало, дотации хватает только на обувь. Сандалии стоят 16 рублей, а носит их ребенок две недели.

Воспитываю двоих детей — Женя, шести лет, и Данила, пяти. Мать спилась. Трудно. Но в детдом не сдаю — пока сил хватает. Если бы только государство помогло...

Немного о себе — 37 лет, стаж работы 20 лет.

В. ШАЛЯПИН
Рудный, Казахстан

Андрей ШМАРОВ,
Никита КИРИЧЕНКО

КАК БУДЕМ ЖИТЬ? ПОКА — ХУЖЕ

Если верить сводке Госкомстата СССР, всем нам придется подтянуть пояса потуже. Спад производства не прекращается. В январе — августе по сравнению с соответствующим периодом прошлого года национальный доход сократился на 12%. В оставшиеся четыре месяца падение продолжится.

Мало того — нынешней зимой мы обречены дрожать от холода. Ничего удивительного — достаточных запасов топлива как не было, так и нет.

Меньше становится импорта товаров народного потребления, сырья и материалов для легкой промышленности — нет валюты. Импорт обуви по состоянию на 1 сентября по сравнению с прошлым годом сократился, например, на 25 млн. пар, тканей — на 85 млн. метров, мясопродуктов — на 176 тыс. тонн, зерна — на 19 млн. тонн.

Труднее добывать и хлеб насущный. Собственное производство зерна в стране сократится, по прогнозам того же Госкомстата, до 165 млн. тонн. Гораздо меньше будет у нас и мяса.

Инфляция приобрела неуправляемый характер, и за последние три месяца наличная эмиссия была больше, чем за последние пять лет.

Никто не знает, как будут взаимодействовать в экономике ныне суверенные республики. Если не принимать в расчет экспортно-импортные операции с третьими странами, то «самодостаточными» в экономическом смысле можно считать только четыре из них. По расчетам специалистов, в России около 8% от того, что мы потребляем, составляет ввозимая продукция. Для Украины этот показатель равен 12%, для Казахстана и Азербайджана — 16%. Остальные республики гораздо сильнее зависят от межрегиональных связей, особенно в части поставки промышленной продукции. Поэтому либерализация цен в межреспубликанском обороте, приближение их к мировым и (как крайний случай) введение расчетов в СКВ приведут к значительному углублению различий в финансовом и экономическом положении регионов. Конечно, можно уйти от сложившейся (и во многом навязанной) специализации производства, но это и дороговато, и болезненно. Поступим мы так — придется закрыть тысячи мелких предприятий, сотни крупных и, возможно, десятки предприятий-гигантов. Взамен получим дальнейший спад производства, рост безработицы, бюджетного дефицита и в конечном счете все той же инфляции. В результате еще более резкое падение курса рубля и всех жестко «пристегнутых» к нему республиканских валют.

Если в России при переходе на мировые цены в торговле с республиками удастся поддерживать положительное сальдо торгового баланса (по оценкам, на уровне 13—15% от внешнеторгового оборота), другие республики тут же предъявят к обмену сотни миллиардов рублей из средств населения и предприятий. В этом случае нас ждет новый инфляционный взрыв во всем экономическом сообществе. Расчеты показывают, что при переходе на СКВ хронический дефицит платежного баланса республик по отношению к их внешнеторговому обороту по сравнению с «рублевым» вариантом увеличится для республик Средней Азии в 1,2 раза, Прибалтики — в 2,8 раза, Молдовы — в 3,6 раза, Закавказья — в 4,5 раза. Это грозит и для России, и для других республик невиданным обнищанием населения, безработицей. Как ни печально, но тогда единственной «козырной картой» экономики сообщества станет дешевый труд, и по этому критерию мы опередим не только Индию, но и Пакистан.

Да, население страны продолжает беднеть. И не будем себя утешать ростом денежных доходов. Всем, надеемся, ясно, что инфляционные деньги никакого реального «навара» не дают.

Вот вам показатель реальных доходов населения. Если взять за точку отсчета 1985 год, то окажется, что через пять лет среднестатистический житель страны стал гораздо беднее. В 1991 году реальное наполнение денежных выплат уменьшается еще быстрее. За полгода снижение составило, по предварительным оценкам, 2 процента, а к концу года его масштаб значительно возрастет.

И пусть никого не смущают небольшие, казалось бы, проценты. В действительности за ними развертывается весьма острая социальная коллизия. Она связана с растущим неравенством в жизненном уровне населения.

Нами регулярно рассчитывается стоимость жизни трех устоявшихся потребительских типов, групп людей, отличающихся возможностями в своем потребительском выборе.

Первый: группа населения, ориентирующаяся в силу ограниченности средств на потребление самых дешевых товаров по государственным розничным ценам. Отсутствие товара в торговле вынуждает представителей этого типа либо тратить значительное время на его поиски и стояние в очередях, либо отказаться от потребления. Потребительская «корзина» первого типа довольно скудна — в ней лишь 37 продовольственных товаров и 73 непродовольственных.

Второй: человек ориентируется на средние цены и качество товаров преимущественно в государственной торговле. В крайнем случае наиболее насущные товары могут приобретаться в магазинах потребкооперации или у кооператоров. Цены колхозного рынка, коммерческих магазинов и «черного» рынка для этого типа покупателей слишком высоки. «Корзина» включает 46 позиций продуктов и 75 — непродовольственных товаров.

Третий: высокодоходные группы людей, ориентирующиеся на качественный, прогрессивный и модный стандарт потребления. Эти люди способны приобретать предметы гардероба в коммерческих магазинах, сложную бытовую технику, мебель и автомобили — у частных лиц (спекулянтов), по ценам, в 3—5 раз превышающим государственные. В их «корзине» 50 наименований продуктов и 84 — непродовольственных товаров.

Так вот, расчеты показывают, что для того чтобы жить по весьма среднему второму уровню потребления, сегодня денег требуется все больше и больше. Стоимость его «корзины» за пять месяцев, прошедших с апрельского повышения цен, увеличилась на 150 руб. Впрочем, подорожала и бедная жизнь — за тот же срок на 50 руб. в месяц.

Другой емкой характеристикой жизненного стандарта, принятой в мировой практике, служит показатель прожиточного минимума (черты бедности). В последнее время мы часто сталкиваемся со ссылками на это понятие, однако не все ясно представляют себе, что это такое. Поэтому позволим себе небольшой теоретический экскурс.

Черта бедности — это, как правило, чисто расчетная величина суммы денег, требующейся в месяц на одного человека для поддержания минимально достойного существования. Подобное существование оценивается экспертами-специалистами в области питания и социальной гигиены прежде всего в натуральном выражении. Здесь определяется, сколько необходимо съедать в месяц мяса, хлеба и овощей, сколько пар обуви, брюк и пальто надо, чтобы не мерзнуть зимой и было во что переодеться летом. Затем за расчеты принимаются статистически. Они определяют, по каким реально существующим в торговле минимальным ценам можно купить то, что заложено в «корзину» бедности. Расчеты проводятся регулярно, скажем, ежемесячно. Тогда же, по мере роста цен, пересчитывается и черта бедности.

Казалось бы, все просто и ясно. Достаточно лишь квалифицированных экспертов и статистиков, чтобы с оценкой бедности все стало на свои места.

Однако это далеко не так. Слишком уж животрепещущая эта тема — бедность. И вполне естественно, что вокруг нее происходят довольно жесткие столкновения различных интересов, причем не только экономических, но и политических.

Дело в том, что категории людей за чертой бедности — это первоочередной объект социальной политики. Прожиточный минимум обусловливает состав и масштабы социальных программ, финансируемых из бюджета, и, следовательно, он в сфере интересов государства. Исходя из него, определяется законодательно устанавливаемый минимум зарплаты, а значит, он небезынтересен предпринимателям, обязанным выплачивать эту зарплату. Он тревожит налогоплательщиков, поскольку налоги в бюджет перечисляются из их доходов. Наконец, это «коронный номер» профсоюзов, претендующих на роль единственно последовательных и бескорыстных защитников интересов простых людей труда.

Сколько заинтересованных сторон — столько и подходов к расчету черты бедности. И надо сказать, что споры идут не без оснований. Действительно, есть ли резон включать в прожиточный минимум курево? Профсоюзы скорее всего будут настаивать, что да, надо, многолетнюю привычку не перешибешь, хоть пачку «Беломора» в день, да надо. У правительства другие аргументы. Денег и так нет. На всех уж точно не хватит. Не до курева, обойдутся.

Есть и более тонкие линии спора. Скажем, как учитывать витамин «С» в минимуме? Профсоюзы будут настаивать, что в виде апельсинов, яблок и капусты. Государство — что только в виде капусты. В конце концов могут прийти к компромиссу — для взрослых преимущественно за счет капусты, а для детей — за счет фруктов.

Вот и гуляют по страницам прессы различные цифры, а в парламентах разворачиваются дебаты. Подадим свой голос и мы.

Во-первых, понятие прожиточного минимума для Союза в целом себя исчерпало. С объявлением суверенитета республики вправе и в силах самостоятельно объявить черту бедности и вести соответствующую социальную политику. Поэтому мы ограничимся Россией.

Во-вторых, даже для одной республики, тем более такой большой, как Россия, для разных территорий минимум должен различаться. Наконец, в-третьих, минимум неодинаков для различных групп людей — мужчин и женщин, взрослых и детей. Считаем?

И оказывается, что к середине лета прожиточный минимум составил для взрослых, живущих в крупнейших городах (Москва, Санкт-Петербург),— 293 руб. в месяц, в европейской части России — 300 руб., на Урале — 290 руб., в Сибири и на Дальнем Востоке — 390 рублей. Разница, как видно, достигает 100 руб. в месяц. Для детей в этих регионах надо потратить от 195 до 255 руб. в месяц.

Если инфляция будет расти нынешними темпами, то к концу года минимум для взрослых составит по регионам величины от 360 до 490 руб. в месяц, для детей — от 235 до 305 руб. Но и это не

предел — ведь пик инфляционных темпов пока не пройден.

Что ж, и такой беспросвет общество еще бы стерпело, если б имелись деньги для помощи бедным. Но их нет и пока не предвидится, а потому все наши прожиточные минимумы условны и носят несколько академический характер. В самом деле, если проанализировать шкалу распределения населения России по уровню душевого денежного дохода, то выясняется, что доходы до 160 руб. в месяц — а это минимальная зарплата с учетом компенсации — имеют 23 процента населения, ниже прожиточного минимума живут 78% жителей, хуже, чем в соответствии со вторым потребительским стандартом,— 98% населения. Наконец, лишь более одного процента могут позволить себе жить по среднеевропейскому стандарту.

А раз так, то речь должна идти о пересмотре всей концепции прожиточного минимума. Поэтому придется ввести в оборот новую категорию — экономического минимума. Он позволит нам не умереть с голоду, но одеваться во что попало. Дорога в универмаги, а тем более в театры должна быть заказана.

Понятно, что величина экономического минимума заметно ниже социально приемлемой черты бедности. В Москве и Санкт-Петербурге его уровень составляет 184 рубля в месяц, в европейской части России — 190 рублей, на Урале — 182 рубля, в Сибири и на Дальнем Востоке — 240 рублей. К концу года эти траты возрастут от 216 до 285 рублей в месяц в зависимости от региона.

Ухудшение жизни людей связывают с переходом к рыночной экономике и отказом от социалистического выбора. Между тем в предшествующие годы дифференциация была если и несколько меньшей, то уж никак не более справедливой. И если сейчас распределение благосостояния все в большей мере зависит от квалификации и оборотистости людей, то прежде оно определялось преимущественно близостью к кормушке.

Впрочем, сегодняшний этап перехода к рынку сам по себе тоже не слишком привлекателен и больше всего похож на период первоначального накопления капитала эпохи романтического капитализма. Правда, тогда пиратствовали, грабили колонии, выжимали все мыслимые силы из наемных рабочих. Сегодня же пытаются правдами и неправдами что-нибудь приватизировать по дешевке или оттяпать от партийной собственности. Поэтому «коренная задача текущего момента» — попробовать воспрепятствовать развернувшейся вакханалии и перевести ее в относительно цивилизованное и социально приемлемое русло. Критерием же подобной приватизации может быть только одно — равные стартовые условия для всех.

Их можно создать за счет наделения всех граждан России так называемыми именными приватизационными вкладами. Всех, невзирая на возраст, предполагается одарить десятками тысяч рублей. Эти средства, зачисленные на личные счета граждан, уже к концу текущего года будут единственным платежным средством при распродаже государственной собственности республики. При этом каждый решает сам, куда вкладывать полученные «квазиденьги» — в покупку самолета или акций АвтоВАЗа. Более того, единые стартовые условия обеспечиваются едва ли не насильственно — эти вклады можно использовать только для приобретения приватизируемых предприятий на собственное имя, а перепродать или, скажем, пропить их нельзя.

Подобные «правила игры» при проведении экономической реформы заложены в программе, разработанной под руководством Евгения Сабурова. Здесь же и подробный сценарий выхода из исторического тупика, в который мы угодили семь десятков лет назад. Есть смысл познакомиться с ним подробнее. Скажем, как создать частный сектор?

Уже в этом году предполагается начать продажу за наличные муниципальной собственности (магазинов, точек общепита и бытового сервиса) через аукционы, конкурсы и аренду с правом выкупа. Федеральная собственность (объекты «большой приватизации») лишь готовится к распродаже. Вновь строящееся жилье предоставляется за деньги. Бесплатно обеспечивается лишь социальный минимум жилья. Создаются фермерские зоны, проводится приватизация всей сельскохозяйственной инфраструктуры. Коммерциализируются государственные предприятия. Их коммерческий успех будет контролироваться специально создаваемыми правительством холдинговыми компаниями.

В 1992 году местная (муниципальная) приватизация переходит на режим принудительных продаж и бесплатной передачи в собственность трудовым коллективам всего некупленного. Развертывается большая приватизация. За год предполагается распродать предприятий почти на 400 млрд. руб. Продавать будут за уже знакомые нам приватизационные чеки, то есть, образно говоря, «за так». Будет повышена плата за излишки жилья. Но если денег на излишки не хватит, то можно расплатиться теми же чеками.

Создаются так называемые холдинги. Это государственные или частные финансовые компании, которые будут собирать акции приватизируемых предприятий и контролировать финансовый успех акционеров и вкладчиков. То есть, если вы не знаете, куда поместить ваш личный вклад — отдайте его холдингу, а он им распорядится.

За 1993 год распродадут до 50% всех активов на территории России. В этом случае должен создаться новый предпринимательский климат.

В качестве главных мер по изменению такого климата сценарий Сабурова предполагает упрощение процедуры регистрации новых предприятий, обеспечение неизбежного банкротства в случае финансовой несостоятельности и как минимум неухудшение на первом этапе налогового режима.

Либерализуются цены. К концу этого года по свободным ценам должны продаваться до 70% промтоваров, а также птица, яйца, сыр, возможно, растительное масло, некоторые крупы. Подорожает водка. Весной 1992 г. может быть проведено административное повышение цен на мясо-молочные продукты и хлеб с полной компенсацией, а летом — осенью цены на эти продукты будут освобождены.

В области бюджетной политики правительство намерено до конца 1991 г. не принимать и не вносить на ВС решений, вызывающих дополнительные расходы из казны. В 1992 г. предполагается ввести налог на добавленную стоимость (вместо налога с оборота), налог на операции с ценными бумагами, налог на имущество, активы. Для ограничения инфляции при формировании бюджета на 1993 год предполагается рассмотреть вопрос об увеличении налога на прибыль до 35—40%.

Уже в этом году Россия начала квотирование и лицензирование экспорта — импорта. В ноябре будет выработан порядок обмена иностранной валюты на рубли, налогообложения экспорта и продажи части выручки государству. Будут пересматриваться таможенные порядки и пошлины. В ближайшее время предполагается двукратное изменение коммерческого курса инвалютного рубля (до 3,5 рубля за доллар) и его последующая регулярная корректировка в сторону курса валютных бирж. Предполагается проведение закрытых аукционов с более низким курсом доллара для обеспечения нормальной работы отдельных предприятий пищевой, легкой промышленности и бытового обслуживания. К концу 1992 года правительство намерено приблизить курс рубля к свободному, а также ослабить количественные ограничения на экспорт. Одновременно разрабатывается и программа социальной защиты.

Главной мерой снижения социальной напряженности называется законодательное определение порядка индексации доходов населения и прожиточного минимума. При этом авторы программы исходят из того, что программа индексации отнюдь не приведет к ослаблению инфляционной напряженности. В той или иной степени эти выплаты приведут к дальнейшему росту цен. По расчетам разработчиков, в течение следующего года индекс цен составит: в случае умеренной индексации 2,5—3,5 раза, в случае «щедрой» этот темп станет ежеквартальным.

Готовится отмена прописки, и тем самым стимулируется мобильность рабочей силы. В порядке борьбы с возможной безработицей организуют оплачиваемые общественные работы — как 60 лет назад в Америке. Все эти меры позволят нам яснее увидеть критические точки реформы.

Первая встряска ждет нас в ноябре 1991 года. К этому подведет ход малой приватизации — изменится уровень цен на предприятия. Антикризисные меры — налоговые льготы и кредиты.

Вторая кризисная точка — январь 1992 г. Мы будем зависеть от успехов (или неуспехов) работы холдингов по линии большой приватизации, а также от становления рынка жилья. В качестве стимула предполагается снять ограничения на количество квартир в собственности семьи и на перепродажу жилья.

Третья точка — апрель 1992 г. Приватизация на селе и связанное с ней нежелательное перепрофилирование фермерских хозяйств. В ответ — мягкие репрессивные меры типа отказа в налоговых льготах и гарантиях поставок.

Четвертая точка — июль 1992 года. Кризис в социальной сфере (цены, безработица). Возможен пересмотр программы экономической реформы.

Пятая точка — октябрь 1992 г. По результатам уборки урожая корректируются цены на продовольствие и промтовары.

В конечном счете успех реформы Евгения Сабурова связывается со стабилизацией цен к январю 1994 г. и оживлением жилищного строительства к весне того же года. В этом случае, по мнению разработчиков, можно считать, что правительственная программа реализована полностью и будет достигнута ее главная цель — сформируется класс собственников-инвесторов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Итак, еще одна антикризисная программа. При изложении ее основных положений на V съезде народных депутатов Российской Федерации она выглядела и более радикальной, чем предварительные проекты, и более конкретизированной. Будем надеяться, что «время практических действий» и впрямь настало.

■

Объявлен осенний призыв в армию, готовятся новые документы и постановления об армии. Именно поэтому социологическая служба благотворительного фонда «Право матери» считает важным сообщить следующее. Служба провела летом сего года опрос родителей, чьи сыновья погибли в армии в мирное время на территории СССР (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Литва, Россия и Украина) в период с 1963 по начало 1991 года; 79,1% погибло в период с 1985 по начало 1991 года.

37,2% погибших пошли служить с очень большим желанием, 40,5% — из чувства долга, с большой неохотой — 3,3%, категорически не хотели идти в армию — 1,1%.

Как видите, аргументация военных, что при введении альтернативной службы никто не пойдет в армию, неубедительна.

На момент призыва 14,2% погибших были студентами вузов, учились в техникумах и ПТУ—27,0%, рабочих — 41,6%, колхозников — 6,2%. Почти половина после армии хотели учиться в вузах.

Самыми жизненно опасными военными округами оказались Туркестанский, Среднеазиатский, Дальневосточный, Московский, Приволжско-Уральский, Ленинградский, группы войск за границей, Забайкальский.

При этом нет ни одного военного округа, флота или группы войск, где не произошли бы трагедии.

Руководство части или прокуратура объясняют гибель солдата чаще всего как несчастный случай, самоубийство или болезнь. При этом 91,9% родителей официальный ответ не удовлетворяет, но к услугам адвоката прибегали всего 30,5% опрошенных.

Что же, по мнению родителей погибших, надо сделать, чтобы в армии солдаты были живы и не становились инвалидами в мирное время?

Прежде всего речь идет о личной ответственности командиров и офицеров за жизнь и здоровье солдат (45,3% родителей); армия должна стать профессиональной (29,6%); службу перенести ближе к дому, в свой климатический регион (13,5%); искоренить «дедовщину» (12,8%).

Погибших детей не вернуть, но нужно помочь их родителям материально, выплачивая компенсацию за счет Министерства обороны. Надеемся, что новый министр Е. И. Шапошников услышит нас.

Всем, кто хочет помочь родителям погибших, сообщаем счет фонда «Право матери»: №700731 МФО 201865 в МГУ ВТБ РСФСР.

Вероника МАРЧЕНКО,
директор фонда «Право матери»
Москва

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ГАЛЕРЕИ СТРАНЫ

ЦЕНТР СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Леонид Бажанов. «ЗАХОДИТЕ!»

«ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО». **Работа школы-студии «Эдас» под руководством Владислава Кирпичева.**

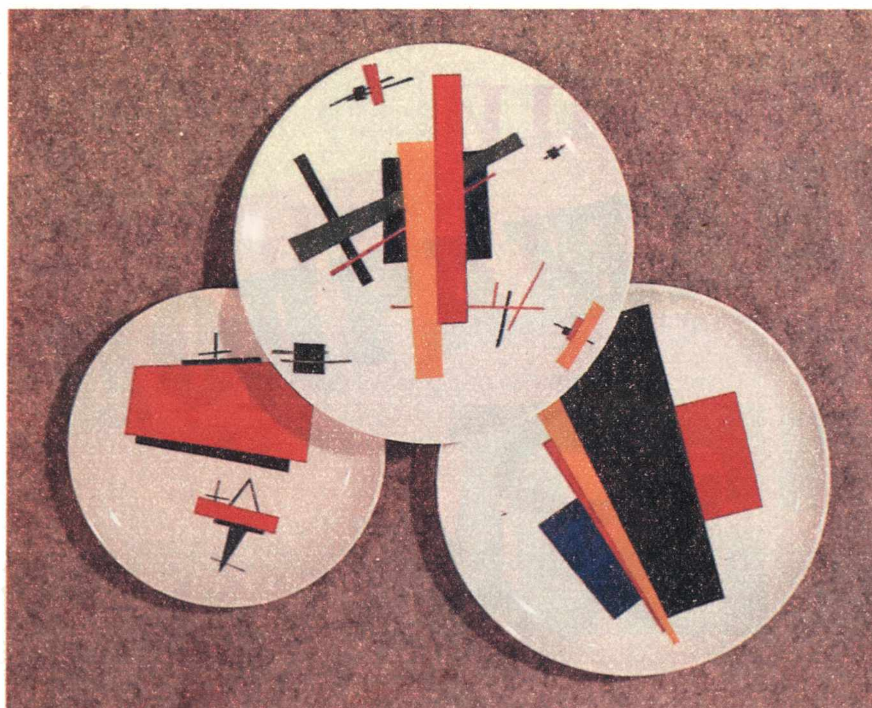
Леонид Баранов. Скульптура «ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ».

Согласитесь, нечасто в наше время можно услышать: «Мы — на уровне цивилизованных стран и можем адекватно с ними общаться». Между тем Леонид Бажанов, председатель координационного совета Центра современного искусства, утверждает это вполне серьезно.

Наше искусство — единственная конкурентоспособная, оплачиваемая валютой область деятельности в стране. Осознав это, продавцы и покупатели дружно вывозят на Запад все, что можно продать... Вот и задумали культурологи, искусствоведы, критики создать некоммерческую общественную организацию, объединяющую усилия тех, кто хотел бы сохранить современное искусство на Родине.

Еще в конце 1986-го возникло любительское объединение «Эрмитаж», попытавшееся сделать выставку независимого искусства с участием работ художников-эмигрантов. Вмешались «компетентные органы» и «посоветовали» эмигрантов не выставлять. Тем не менее выставка в Беляеве состоялась и имела скандальный «успех» в виде

разгромных статей у таких изданий, как «Советская Россия» и «Советская культура»...

После долгих мучений «Эрмитаж» был преобразован в Центр современного искусства. Это произошло 30 августа 1990 года. Центру, к счастью, помогают городские власти — три дома на улице Димитрова отданы ему бесплатно — и спонсоры, или, как говаривали в былые времена, меценаты. Причем и отечественные, и западные. Роберт Раушенберг готов подарить графическую мастерскую, которая стоит около трех миллионов долларов. Известные художники мира предлагают свои работы. Крупнейшие западные и отечественные искусствоведы намерены читать лекции. Центр объединяет лекторий, научно-информационный компьютерный банк данных, архитектурное бюро, учебные школы-студии.

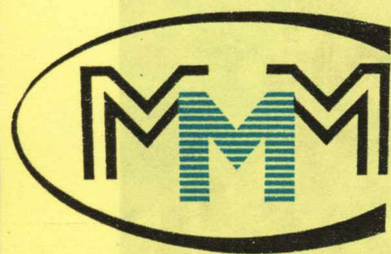
Франческо Инфанте. «ПОСВЯЩЕНИЕ МАЛЕВИЧУ».

Елена Волкова. БЕЗ НАЗВАНИЯ.

Центр современного искусства уже сейчас поддерживает много реальных проектов. Большинство из них представлены в выставочном зале на улице Димитрова. Вход свободный. Кто знает, где были бы все эти произведения, не будь создан этот Центр.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. **Оптовым покупателям предоставляется скидка.**

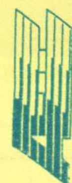
ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ–НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT–286 – 44000 руб.
IBM PC/AT–386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 – 31500–33000 руб.
Формат А1 – 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» – 51000 руб.
«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z–50» – 28000 руб.
«CANON FC–2» – 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE–M5» и «FI» – по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва,ул.Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171–03–97,173–44–15, 171–13–81, 171–06–90.

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06

Зуфар ГАРЕЕВ

РАССКАЗ

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕТУ

Я сразу его заметила, когда в электричку сели, еще в Москве. Красивый такой. Ежик короткий, как сейчас модно — светлый продолговатый, в общем, американский типаж. Штаны — светлая плащевка, на карманах — сеточки; долговязые щиколотки на три четверти выглядывают, белые носки...

И меня тоже кто-то может заприметить: вот, мол, девушка, лет семнадцати, хмурый ежик на голове, пиджак широкий,— тоже, в общем, в струе.

Если бы не глаза, я их знаю — какие они: тяжелые, несытые. Их бы убрать с лица — и ничего, хорошенькая была бы мордашка; девушка девушкиных лет, как звать — безразлично, одна из тысячи.

Не убрать. Можно припрятать, полуопустить. Рано или поздно всматривающиеся всмотрятся, поймут, закричат: а вот ты кто! Тебе здесь не место. Здесь весело, легко: покупаем мороженое, мелькаем вечерами у метро, скользим мимо стекол кафе...

Сижу, значит, и думаю: чей-то. Ну, конечно, чей-то. Не может же он ничьим быть, все чьи-то, все во что-то организованы, заплетены, как в коконы: кротко слушаются друг друга.

Действительно, рядом — мать, рядом какая-то девушка, наверное, старшая сестра. И еще одна женщина — по виду тетя. Рядом еще ребята его лет, с ними женщины, мужчины, они между собой знакомы,— едут, значит, семьями: наверное, по двухдневным путевкам в загородный профилакторий.

Мать его говорит:

— Дима, съешь бутерброд...— Сама термос открывает.— Хочешь? — Вздыхает.— Совсем ведь ничего не поел утром...

Копошится в сумках. Шуршит полиэтилен. Тетя — женщина солидная. Наверно, какой-нибудь крупный чиновник.

Читает газету, почтенно говорит:

— В Подмосковье двадцать — двадцать два, ветер восточный, с переходом на северный, постепенное понижение температуры... Аня, слышишь?

Диме мать надоела.

— Ты не суетись, слышишь?..

Она маленькая, шустренькая, как обезьянка; угодливая улыбка не сходит с лица.

— Тогда хоть яблочко. Или вот пирожки от бабы Веры, специально для тебя положила,— давай один, а?

А он мой взгляд поймал, покраснел, отвечает приглушенно и грубо:

— Отстань...

У нее полный рот белых искусственных зубов, парик огненно-рыжий, немыслимый, маленькие, жилистые руки, как у мужчины, много золота на пальцах, в ушах, во рту...

Я вышла в тамбур, чувствую — должен выйти. Выходит. Только не один; с ним толстый парень в очках. Встали напротив: толстячок мнет сигарету, а Дима во рту слабо карамельку ворочает... Я запах апельсина слышу.

— Девушка, наверно, далеко едет? — Дима спрашивает; небрежно, не то чтобы спрашивает, скорее утверждает с усмешкой.

Толстяк смутился и ушел. Перед тем как задвинуть дверь, обернулся — в глазах у него мелькнуло заметное напряжение. «Ах, вот как,— думаю,— неприятно ему, что так легко в мужскую дружбу вклинивается юбка...»

— Ты что — во Фряново? — спрашиваю я.— В дом отдыха?

— Да, во Фряново.— Он кисло улыбнулся.— Всей шумной родней...

— Все в порядке вещей.— Я пожала плечами.— Самый нормальный маразм,— говорю,— любовь на веки вечные друг к другу...

Промолчала, спрашиваю, имея в виду приятеля:

— Друзья?

— С Валерой, что ли? Не то чтобы...

Я догадалась — стесняется Валеры своего, хотя наверняка друзья. Тогда я насмешливо говорю:

— Он, наверное, еще не завтракал; ему часто хочется кушать?..

Дима покраснел, слегка растерялся — не ожидал такого вопроса. Сейчас, думаю, вспыхнет, не предаст. Скажет: послушай, фря болотная, какое твое дело, что у меня такой толстенький друг; если ты уважаешь меня, его тоже уважай.

Нет, подстраивается под мой насмешливый тон, старается быть непринужденным, ироничным:

— Да, без котлеточки ему трудно в жизни...

Предал за две девушкины улыбки.

— Он комплексует, интересно, на свой счет?

— Да ну! — Дима отмахнулся.— Хороший обед, и никакой печали...

— Он что — опять сейчас придет сюда?

— Я его отошлю.

— А если он захочет постоять?

— Я его запросто отошлю. Хотеть не вредно.

Теперь он улыбнулся с нескрываемым удовольствием, что выглядело просто глупо.

— Он всю дорогу ходит за мной, как привязанный,— надоел уже. Всяческие подарочки делает...

— Подарочки?

— Ну да. Говорит, у меня привычка такая делать всем подарки... Всех больше — мне...

— Пусть он постоит немножко с нами...

— Зачем? — Дима удивляется, мое желание ему кажется каким-то несуразным, наверно.

— Я так хочу,— хочу и все,— говорю я.

Пожал плечами. Заглянул в вагон, сделал знак.

Валера вполз неуклюже в тамбур, я отвернулась. Не было как будто с Димой у нас никакого разговора. Или так: Дима лип ко мне со всякими фразочками, девушка смущалась, а теперь уткнулась. Сразу тамбур наполнился его тяжелым сопением; он мнет и мнет сигарету, не решается закурить.

За окном индустриальный пейзаж: котлованы, трубы, пар и газ — не понять, ржавые ручьи и бетон. У Димы узкая такая мордашка — насмешливо покачивается за плечом Валеры.

— Валерочка, а теперь иди,— говорит Дима и похлопал его по плечу. У меня к Валере меньше злорадного чувства,— жалко мне его и даже очень.

Он выполз из тамбура. Дима говорит:

— Пусть он у мамы попросит котлеточку...

Чувствую, он немножко не в своей тарелке: как будто бы ему показалось, что Валера показался мне привлекательнее, чем в первый раз.

Поговорили еще немного о том о сем, а тут и Фряново. Я бросилась к автоматам. Думаю, сейчас быстренько позвоню бабушке в Москву: доехали, все нормально, встречаю тебя, как и договорились, в понедельник, больше звонить не буду, привет маме. Я так сейчас рассчитала: позвоню быстренько и успею за Валерой и Димой пойти, все равно к бабушкиному дому идти, то есть профилакторий (или это дом отдыха? — никогда не интересовалась, как это называется) в том же направлении.

Но очередь. Потом долго наш телефон занят. В общем, не успела, они уже ушли, я оглядывалась и оглядывалась. Потом думаю: в такую жару все равно они первым делом пойдут купаться на пруд, все так делают, а когда будут идти обратно — увижу.

Через полчаса из дому вышла, пошла вниз по улице, к пруду — сразу их увидела.

Несколько ребят купаются, им девушки не нужны сейчас, они с водой обнимаются. На траве валяются яркие предметы — кроссовки белые, футболки.

Лето мое. Не впрыгнуть мне. Зацеплюсь волосами, мыслями зацеплюсь, когда буду впрыгивать,— и одернет назад! Шею одернет сильным рывком, глаз застынет на лету. Не смей прыгать, сожми зубы покрепче, терпи, но прыгать не смей!

Встала у забора. «Жигуль» проехал, на меня пыль пошла рыжая.

Расстояние до пруда не то чтобы приличное, чтобы могли сказать: вон стоит недалеко, не случайно стоит, подглядывает, что ли. Жду, когда они обратно пойдут. Дай, пока, думаю, к палатке с квасом схожу, выпью, если будет, стакан сока. От палатки все равно будет видно, как они легкие футболки накинут и обратно пойдут. Пошла, не оглядываюсь, другой «Жигуль» навстречу, в мягких ухабах кувыркается вместе с рыжими дамами внутри. Меня еще покорежило: показалось, что все эти дамы в париках, в такую-то дикую жару, когда мозги плавятся. Но сока нет, я отошла. Киоскер, полненький, на пухлых пальцах печатки тускло поблескивают, влажные от кваса, с любопытством на меня посмотрел, краем глаза я уловила. Подумал, наверно: вот, мол, девушка, а хмурая такая. Хмурых девушек вообще-то не бывает, они одно из двух: или плачут, или смеются...

Смотрю, ребята уже вылезли из воды, одеваются, фигуры полусогбенные. Кто на одной ноге прыгает — воду из ушей так вытряхивает, кто уже к кроссовкам наклонился. Решила тогда возвратиться обратно; встала у забора, здесь дорога прогибается в мою сторону,— очень близко увидеть их смогу.

Они ленивые такие идут. Нестройная компания, разговора нет общего, случайными фразами, случайными словечками перебрасываются. Дима не в центре, а в скучной неприметности, а я радуюсь: нет как бы у меня соперников. Вот только Валера рядом тащится,— тревожно несколько раз в мою сторону посмотрел.

Не знаю, как встать. Отвернуться к забору — глупая ужимочка, да и не увижу ничего. Смотреть прямо — это как-то откровенно: что я — проститутка? дурочка? Как-то полубоком, вполглаза стою. Они не обратили внимания, когда проходили, кроме Валеры. Мне жалко стало его, ту глыбину неуклюжую: ведь

ты воздух охраняешь, разве можно поймать воздух в плен?

Дима сосет карамельку, теперь я понимаю — у него это привычка такая. Слышу ненавязчивый прохладный запах цитруса.

Прошли, кто-то из них отпустил ленивое словечко, недружно все засмеялись. Он украдкой обернулся: быстро, через плечо,— и отвернулся сразу.

Как это нравится мне! И в Москве такое часто бывает со мною.

Идешь по улице, навстречу компания, ребята и девушки, примерно твой возраст. Вдруг кто-нибудь из них, даже и не подумаешь на него, задержится почему-то глазами. Я думаю всегда: вдруг образ мой застрял почему-то у него в голове, не может сразу уложиться в мысли.

Прошли. Он мельком оборачивается, чтобы понять что-то. Только что? Не может он понять, почему я какая-то противная такая, что ли? Или...

Что-то осталось у него в голове. Однажды повернутся его мысли на один градус, на миллиметр не туда, куда нужно было, полетят не по тем рельсам. И в голове его вдруг однажды возникнет невероятное, фантастическое желание; разыскать меня, чтобы понять, что же произошло...

Я себя так понимаю: если любовь — хочу с улицы, случайно. Хочу с улицы! Она такая яркая, такая тайная! Она колеблется, она движется между зданиями к метро, растекается к автобусным остановкам; у нее тысячи глаз, тысячи рук и тысячи подавленных желаний — затяжных, долгих, которые трудно вычислить, о которых некому догадываться, кроме меня. Они пугливые, летучие, но метко стреляет мой глаз!

Обмануть его маму, его тетю.

Они сказали ему однажды: надо хорошо учиться. А зачем? — он спросил. Видишь ли, ответила тетя, которая осторожно повела гибкий разговор, хорошо надо учиться для того, чтобы поступить в хороший институт... при соответствующей, конечно, помощи. Тут его тетя тонко улыбнулась,— она как бы предложила ему вступить в некий заговор против жизни, и улыбка ее была очень интригующей. А потом устроиться на хорошую работу. Ну и чтобы дальше было все хорошо,— тут тетя чуточку покраснела. Вдруг мальчик недостаточно честолюбив, подумала, наверно, она: неправильно все поймет. В кино, по телевизору часто показывают другое: уезжает куда-то молодежь, гитары, рюкзаки, зима, дует ветер, тайга без конца, заледенелые бороды, изо рта валит пар...

А для того чтобы хорошо учиться, чтобы не сбиться с верно выбранной тропиночки, надо подавить много всяких дурных желаний. Не ходить в случайные компании, не дружить с сомнительными девочками, избегать непредсказуемых ситуаций. А для этого не надо бесцельно бродить по улицам: в общем, надо держаться осторожно, прислушиваться к ее советам и к советам матери...

И вот он хорошо-хорошо учился, он поступил. Вместе с ним поступили на факультет и другие племянники и племянницы, которые тоже хорошо учились. Они — особая стайка быстрых, пугливых рыбок. Они мчатся в светлой стерильной струе согласно успехам в учебе, в общественной деятельности. К хорошим работам и вообще ко всему хорошему, оставив плохие работы тем, кто плохо учится, кто не подавлял желаний и потом поступил в плохие институты, а может быть, в училища.

Вечером снова стою у забора. Профилакторий, или как это называется, хорошо вижу. Широкий освещенный вход, веранда тоже освещена, на ней столики, пустые сейчас. Рядом танцплощадка, там все сверкает: красное, желтое, фиолетовое. Может быть, взбредет ему в голову — решит, дай пройдусь по дороге, где днем меня видел. Жду, нет, не идет. Тогда сама к танцплощадке отправилась. Они новички, в стороне стоят, скептически на подмосковные нравы поглядывают, не могут пока раствориться.

Я невдалеке, где полутемно, прошлась. Они между собой какую-то ленивую возню затеяли. Дима заломил кому-то руку, тот пригнулся, другой из них пытается Диму зацепить ногой. Потом он меня увидел, а я уже отошла в тень. Думаю, достаточно этого. У него должна возникнуть мысль смыться от них. Ушла и стою точно в том месте, где днем переглянулись, где дорога к забору делает нежный изгиб. Стояла-стояла, потом стала сомневаться, спрашиваю себя насмешливо: наверно, жизнь изобретательнее, чем твоя логика. Он возник минут через двадцать, в отдалении возник. Я обрадовалась: с логикой все нормально, бедная, бедная жизнь! Он подходит, привет, говорит. Привет, я отвечаю, пойдем? Мы идем по направлению моего дома, он спрашивает чуть погодя,— и по тону: вдруг! — куда? Я говорю: ко мне, домой. Чувствую, слегка растерялся; хотя, конечно, вида не подает; бодренько, запросто так соглашается:

— Пойдем...

Его раскрепостить как-то надо, тебе нельзя его любить с умилением, как будто тебя в жизни больше потрепало. Он оскорбится, он занят самоутверждением, а если умиляться — можно наткнуться на агрессию.

Идем, спрашивает:

— Тебя как зовут?

Я отвечаю: Оксаной меня зовут, Оксана Сороченко.

— Очень приятно,— он отвечает.— А я Дима.

Я знаю. И так далее, идем, о какой-то чепухе треплемся. Пришли, я спрашиваю, думаю про светлую стерильную струю:

— Ты, наверно, учишься где-нибудь? В институте?

— Ага,— он отвечает.— А ты Штирлиц. А в каком, не знаешь?

— Знаю,— я говорю.— В хорошем... Я много еще чего про тебя знаю...

— Штирлиц,— снова шутит он.

Но потом вдруг стал сдержанный, и разговор сразу перестал клеиться. Чувствую, сейчас замкнется. Наверно, разглядел глаза мои тяжелые, странные.

Сел в бабушкино кресло-качалку, глаза полуприкрыты, хочет показать — ему это в удовольствие.

— Этому креслу шестьдесят лет,— сообщаю я как-то деланно, многозначительно.

— Отлично! — Он восклицает.— Все нормально...

— Ты что: уйти хочешь? — Я спрашиваю.

— Нет, с чего ты взяла?

— Значит, тебе не противно нисколько?

— Да нет, не противно...

Я не верю:

— Тебе противно на самом деле, только ты признаться не хочешь...

— Да брось ты! — Он убеждает.

Дотянулся до моего магнитофона, нажал клавишу, снова прикрыл глаза и покачивает головой под музыку.

А я не могу успокоиться: противно! противно!

Вот поцеловал бы. Оттолкнул бы точно. Чужая слюна: бр-р! Губы у нее влажные, как у коровы. Оттолкнуть, побежать в ванную, ополоснуться, насухо вытереться, вытянуться в сухой постели и уснуть. Руки поверх одеяла. Утром встать: выскользнуть из простыней. Они шуршат, путаются в ногах, тянутся за телом и опадают.

И — на речку! Бродить по гальке — ничей! Только солнца, воды, неба, прибрежной травы, чисто выполощенной ночным плеском. Ступать, сердито поглядывать на меня и соображать, как отвязаться.

Я очистила апельсин, протянула половинку, ест, ладошку под сок подставляет.

— А карамельку хочешь? — спрашиваю.

Он связи не улавливает:

— Карамельку?.. Нет, не надо...

А я — бух на диван вдруг и как зареву!

Поплакала-поплакала и говорю ему — самой не хочется ни оборачиваться, ни подниматься:

— Ты иди, пожалуйста, уходи... обо мне не думай... я одна останусь... мне нормально будет...

Так на животе и лежу: руки под себя поджала. Он выключил магнитофон, мне слышны теперь его звуки. Копошится, как будто ищет чего-то в карманах: звенит мелочь или ключи, пристегнутые карабинчиком к поясу. Блестящие такие, никелированные штучки. Я подняла голову: он уже наклонился к кроссовкам, перешнуровывает их, высовывает язычки длиннее. Все, все, все...

— Попить есть чего-нибудь? — спрашивает хрипло.— Горло совсем пересохло...

— Там, на кухне, посмотри...

Тоже пошла на кухню, за ним... Он свет включил, стоит щурится.

Попил, говорит:

— Я тебе позвоню. Давай телефон...

Я написала телефон, он записку сунул в карман. Видимо, жалкая я была в эту минуту; он улыбнулся:

— Не соскучишься без меня, Штирлиц? Будешь себя хорошо вести?

— Буду, а ты телефон свой дашь?

Он написал на обрывке газеты.

Вдруг в самом деле позвонит, скажет вдруг: салют, это Мюллер, все было отлично, давай встретимся?

Я в нежности тогда коснулась его ежика пальцами и говорю, и говорю:

— Позвонишь, позвонишь...

— Ну, я пошел,— он отвечает.

— Пойдем провожу; еще заблудишься, а сегодня такая опасная ночь...

Говорю, а саму раздирает идиотский смех,— кажется, перенервничала. Хохочу, руки откинула, стакан — дзинь со стола, вижу мимолетно лицо его изумленное. Иду впереди него, хохот не могу подавить: ни на минуту, пошатываюсь.

Вышли на дорогу, он говорит:

— Ты меня дальше не провожай.

— Почему? — Я спрашиваю.

— Ну так просто...— Он помялся.— Не провожай, и все...

Я пожала плечами:

— Иди...

Переждала, пока он скроется. Пошла к танцплощадке, там все те же фонарики, там под Леонтьева поют:

Над нами памяти туман.
Ты как во сне...

Посидела на скамеечке, какой-то парень прибился. Смешной, глаза круглые, очумелые: то спички просит, то время, то говорит, что встречал меня когда-то.

Вдруг вижу Диму с Валерой. Они к станции идут. Я так поняла — они сейчас в Москву. Пошла за ними — думаю, провожу незаметно. Они еле на электричку успели — заскочили, двери захлопнулись тут же. Ну и хорошо, что они в такой спешке уехали. Не заметили, что я их провожаю.

Вернулась домой, думаю: завтра же позвоню и увидимся, может быть. Значит, и мне надо в Москву завтра же. Весь день провести в городе, домой не заходить — вечером вернуться и в понедельник встретить бабушку, как и планировала.

Утром приезжаю в Москву, наглухо запираюсь в будке.

Сначала занято — ничего же никогда не бывает сразу. Подожду. Я бы могла, между прочим, вчера еще позвонить, правда, это был первый час ночи. «Диму можно?» «А кто его спрашивает, простите?» «Мы вместе учимся, меня зовут Оксана, да вы не беспокойтесь, пожалуйста: в той светлой стерильной струе я тоже мчалась, скользя глазами по сторонам, по предметам».

Еще раз звоню, все занято и занято.

Ему какой-нибудь Сережа или Андрей позвонил. Димыч, привет. А, салют! Ну и так далее: ненавязчиво, невосторженно. Так принято в этом лете: полуразговор под сигареточку, от нечего делать, поплевывая, зевая, поеживаясь в стоячем воротничке легкой курточки: уже переменился ветер, согласно газете, впереди холодные денечки. Ветер воротничок куртки рвет и рвет. И слова тоже рвет. И они улетают вместе с ветром за город, растворяются в природе, не причиняя ей никакого вреда, не обжигая ее: в них всего лишь чуточка сердца, чуточка дыхания, с самого краешка губ...

Наконец свободно. «Диму можно?» «Вы ошиблись,— отвечают.— Здесь таких нет».

И не было никогда, и никогда не будет.

Я вышла из автомата, постояла и пошла к бабкам, которые под перроном цветами торгуют. Не знаю даже, с какой целью пошла: захотелось мне сирени, наверно. Ну да, сирени. Там много всегда цветов, но я, как только увидела сирень, сразу поняла, что мне нужна сейчас именно сирень, не больше крохотного пучка. В общем, как только я увидела сирень, сразу же подошла к бабке. Еще удивилась, какая у нее: дымчатая, почти пепельная. Мне к этой сирени жутко как захотелось надеть белое платье. Вообще я без сантиментов, но тут захотелось плюнуть на все и напялить, честное слово. Хотя я белое на себе, а тем более платье, не люблю. В прошлом году на выпускной у нас некоторые девчонки надевали, но с какой-то ржачкой, как бы ради хохмы. Смотрю я, смотрю на сирень, а потом и говорю:

— Бабулечка, дорогая, дайте мне пучок на пятнадцать копеек.

— Ох и умная ты какая,— бабка отвечает.— Что же я тебе на пятнадцать копеек ломать, что ли, буду?

Стервоза, стервоза! Сунула ей пятнадцать копеек, быстро отломила крохотку — и на перрон! Она сзади кричит: — Ну бесстыжая хулиганка!

Бросилась к электричке, стою в тамбуре. Вагон заскрипел и тронулся, а я прикрепила пучок к волосам. Он маленький, а все равно от него прохладу чувствуют волосы. Есть в этой прохладе легкий запах апельсина.

«Девушка, наверно, далеко едет?» Ах ты узкий, продолговатый мальчик Дима.

Я посмотрела в боковое стекло и подняла руку к волосам.

Да, девушка едет далеко, очень далеко. Накануне она ходила и говорила всем: вы знаете, девушка уезжает далеко, очень далеко. Вот как, удивлялись все. Да-да, говорила девушка, я уезжаю, и уезжаю далеко. И мерила белое платье. Помилуйте, возражали ей, как же можно в наше время уехать далеко-далеко. Можно, отвечала девушка. И мерила белое платье. Как же можно ехать в белом платье, тем более далеко-далеко, недоумевали люди, многие даже сердились. Ну как вы не понимаете этого, убеждала всех девушка. И тогда многие обиженно поджимали губы.

А девушка всю ночь просидела над своим платьем,— сгорбившись, поглядывая в окно. И вот она вздрогнула — то розовая заря окрасила стекла. Она холодными пальцами стала застегивать пуговицы.

На завтрак она выпила всего лишь стакан холодного прозрачного воздуха с кубиком льда: у окна, высоко запрокинув голову, так что волосы ее упали глубоко вниз; а по звонкому стеклу стакана стучали ее зубы, от волнения.

Она поставила стакан на подоконник, пошла на вокзал и села в поезд.

Недоверчивые люди пришли проводить ее. Она махала им рукой, а они кричали ей с перрона и бежали за тронувшимся вагоном: где же этот далекий-далекий городок?

— Далекий этот городок,— кричала девушка,— за Уралом, за Тянь-Шанем, за Карпатами и за Альпами. Он очень маленький, этот городок: там кривые улочки, там низкие дома с красными и зелеными крышами.

— А много ли там сирени? — кричали люди и бежали по перрону.

Да, там много-много сирени!

Она воткнет в волосы маленький пучок, проходя по улицам. Она будет долго-долго идти по улицам, убирая со лба волосы. Ей не будет хотеться ни пить, ни есть, ни спать, ни заботиться о чем-либо — ведь у нее не будет ни чемодана, ни квартиры. Ведь она приехала издалека. И никто на нее не посмотрит с раздражением, никто не спросит, где она работает, с какого года рождения и чем вообще занимается в жизни.

— Неужели? — кричали люди.— Неужели так оно и будет? Неужели никто ничего не спросит и ничего не прикажет?

Они ужасались этому, они бежали по перрону и качали седовласыми головами:

— Ведь это невозможно, нет, это невозможно, о Боже! Нет, никогда, никогда, никогда...

Они бежали, все тяжелее становилось их дыхание.

Они, наконец, стали задыхаться, они стали рвать на себе одежды, они стали падать, цепляясь друг за друга слабеющими руками. Они визжали утробно, они топтали друг друга, они кричали от ужаса и от удовольствия и ничего-ничегошеньки уже не могли поделать в своей жизни, и каждому оставалось только прошептать:

— В добрый путь, дорогая девушка, в добрый путь...

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

ПОЗАБУДУ ВСЕ ОБИДЫ

Леониду Киселеву фантастически повезло. Повезло с родителями: в доме, где он рос, знали цену слову, и люди, приходящие сюда (а среди них — Виктор Некрасов, Иван Драч, Гелий Снегирев), учили тому, что синонимом сказанному слову бывает сама жизнь, а она немыслима без свободы. Повезло ему и с городом, в котором родился: Киев, с многоголосием цветного Подола и просторным дыханием Владимирской горки, еще хранящий память войны, наполнялся надеждами новых открытий, будоражащим шальным воздухом ранней «оттепели», и во взрывчатом этом воздухе все громче раздавались новые, молодые голоса. Киселеву посчастливилось с первым редактором — первое же письмо в толстый журнал, несколько тетрадных листочков, попало к Твардовскому, и в очередном номере «Нового мира» за 1963 год одноклассники увидели три стихотворения Лени, и, как настоящий автор «Нового мира», он в тот же день подвергся проработке в кабинете директора «за недостаток патриотических чувств». Впрочем, из кабинета он выходил уже с ощущением, похожим на ту гордость, какую испытывали более старшие собратья, выходящие «с ковра» в других кабинетах,— за то, что слово все-таки может пробивать гранит и бронзу, и никакие функционеры в начальственных креслах не в силах его снова распять... Больше при жизни в больших журналах его не печатали.

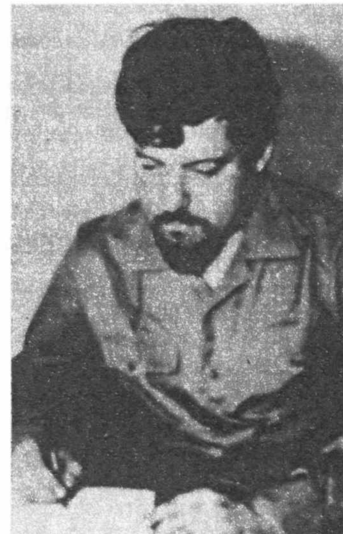
Странное дело — оглядываясь на биографию поэта, почти всегда удивляешься тому, как складно она выстраивалась; события самые тривиальные в наших глазах приобретают значительность, и кажется, что даже житейские неурядицы легли в строку, дав почву вдохновению, и то, что не печатали, и то, что девушки поэта не любили, и даже то, что поэты так часто умирают молодыми. Леня Киселев прожил всего двадцать два года. Он написал несколько десятков стихотворений, порой юношески неровных, порой удивительно зрелых. В стихах его величавая поступь «петербургской школы», школы не разрешенного еще к той поре Мандельштама встречается с полурасхлябанной походкой киевского наречия, литературные ассоциации — с бытописью очередей и многоквартирных дворов. И самое главное — в них проступает «лица необщее выраженье» самобытного автора, позднего ребенка оттепельной поры, которое характеризуют прежде всего обостренная независимость и чувство собственного достоинства. Качество это возникало в нашей литературе уже в конце 60-х, и многих сверстников Киселева увело в изгнание, в диссидентство, в «самиздат». Вероятно, Леонид был бы среди самых отчаянных. Незадолго до смерти, уже тяжело больной, он сказал подруге детства: «Жаль, что я не могу поехать сейчас в Прагу. Больше всего хотел бы быть чешским партизаном». Шло лето 1968 года.

В 1967 году он начал писать стихи на украинском языке. Как раз началась печально известная в Киеве пора грубой и насильственной русификации, плоды которой пожинаются по сию пору. Напечатанные в свое время очень скромно (и тут же высоко оцененные лучшими украинскими поэтами), стихи Киселева выходили больше за рубежом, канадский профессор Ярослав Розумный, написавший о Лене большую работу, называл его стихи вкладом в золотой фонд украинской литературы.

Те, кто знал и любил Леню, помнят, что и он был личностью легендарной. Что, впрочем, для поэта естественно.

И обо всем этом можно будет прочитать в книге, которая наконец выйдет в Киеве, в нее войдут русские и украинские стихи Киселева, проза и воспоминания. Правда, выйдет книжка очень маленьким тиражом.

Н. АЖГИХИНА

Леонид КИСЕЛЕВ

Я позабуду все обиды,
И вдруг напомнят песню мне
На милом и полузабытом,
На украинском языке.

И в комнате, где, как батоны,
Чужие лица без конца,
Взорвутся черные бутоны —
Окаменевшие сердца.

И постою у края бездны,
И вдруг пойму, сломясь в тоске,
Что все на свете — только песня
На украинском языке.

1963

* * *

Расковали Прометея,
Дали хлеба и вина.
К Прометею возвратилась
Старая жена.
— Я жила у винодела,
С гончаром жила,
Ну а в том, что так случилось,
Не моя вина.
Не кори меня.

Дни разматывались нитью,
Слушал сказки стариков
О царях и о героях,
О делах богов.
Он узнал, что бог Юпитер
Людям дал огонь.
И жилось ему на свете
Хорошо, легко.

Только печень пошаливала...

1963

* * *

Не верю в братство физиков,
Хотя
И говорят, что в современном мире
Есть десять или двадцать человек,
И только им теория Эйнштейна
Понятна до конца, и потому
Они договорятся меж собою
Над головами партий,
и правительств,
И генералов, и секретных служб,
И мир спасут от гибели —
Не верю.
Во-первых, слишком много платят им,
И слишком стильна мебель в их
квартирах.
А во-вторых, представьте
на мгновенье
Нелепую картину: тощий парень,
Распятый на реакторе своем,
Грехи людские кротко искупает,
Поблескивая стеклами очков.
Нам не помогут физики.
Но верю
В другое братство. Часто и охотно
Я перелистываю фолианты
И тоненькие томики стихов.
И радостно мне слушать перекличку
Поэтов всех народов, всех времен...

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ДУЛЬСИНЕИ ТОБОССКОЙ

В забытом Богом и людьми селенье,
Где умирали в основном от скуки,
И умирающих цирюльник местный
Кровопусканьем к жизни возвращал,
Единственным служили
развлеченьем
Ходившие о Дульсинее слухи.
Мамаши глупым дочерям-невестам
Внушали, от волненья трепеща:

Она когда-то путалась с Кеханой,
И без церковного благословенья...
Сначала дочки глазки потупляли,
Потом алели, словно маков цвет.
Все сверстники ее давно женаты,
Но ей не отыскать в родном селенье
Вовеки мужа. Жизнь ее печальна,
И после смерти ей в аду гореть.

Зимою Дульсинея простудилась
И умерла. Священник деревенский
Примчался причащать ее, надеясь
Пикантные подробности узнать,
Но опоздал, и брел назад уныло,
О резком ветре отзываясь резко.
А, впрочем, много женщин, вдов
и девиц
Участье приняли в похоронах.

1967

* * *

На деревенском кладбище кресты —
Граненые дубовые поленья.
Глубокие, похожие на шрамы,
Кривые буквы скупо сообщают:
Иван, Петро, Христина, Евдокия.
Стоят две даты по краям креста.
И все кибернетические коды,
Громоздкие расчеты траекторий
Для бомб и баллистических ракет
Поместятся в коротком промежутке
Меж этих двух четырехзначных чисел.
Я пробую представить эту смерть —
В углу, под образами, а сорочка
Бела, как сахар, и чиста, как снег.
И все село приходит хоронить,
И все село приходит помянуть
Стаканом самогона. Я припомнил
Особый терпкий привкус самогона,
И понял я, что это — привкус горя,
Неповторимый аромат беды.

1967

МАРИЯ-МАГДАЛИНА

Чужим потом пропитано тело твое,
женщина из Магдалы.
Чужими губами раздавлены твои губы,
женщина из Магдалы.
Чужой лаской выжжено твое сердце,
женщина из Магдалы.

Я люблю тебя, и я тебя ненавижу,
женщина из Магдалы.
Нас заключили в мир, где нет воскресения.
Нас распинают деревья, и нет воскресения.
Все перекрестки — распятия, и нет
воскресения.
Живые мертвы, и для мертвых нет
воскресения.

Что мне делать с именем нежным твоим,
Мария?
Что мне делать с печальным сердцем твоим,
Мария?
Что мне делать с мертвой жизнью твоей,
Мария?
Я люблю тебя, и я ненавижу тебя, Мария.

1968

* * *

Что-то стал я выпадать
Из игры по вашим правилам.
Не лгала и не лукавила,
И тотчас дала понять:
Дескать, начал выпадать
Из игры по нашим правилам.

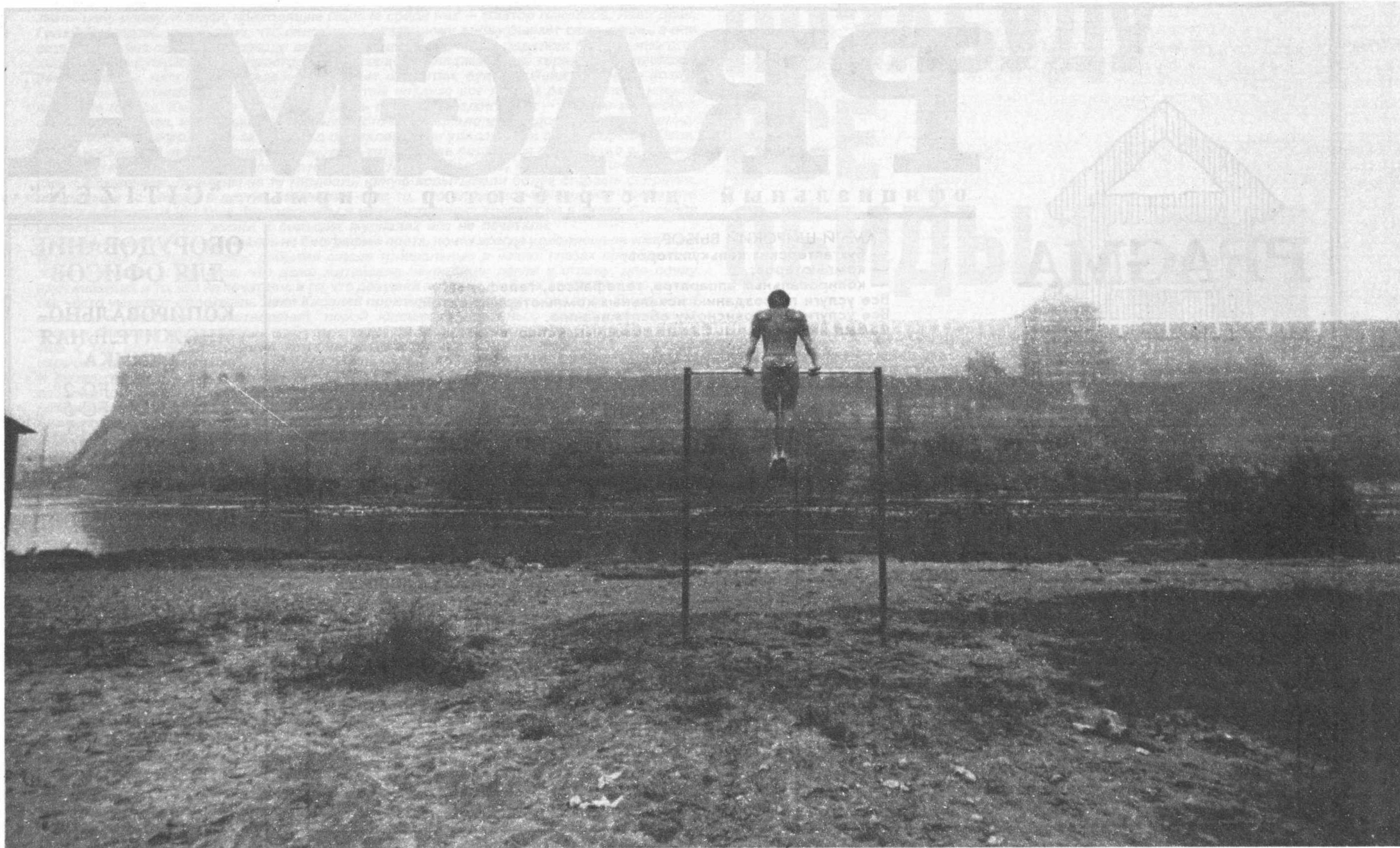
Не пойму я ваших дел:
Все вы пишете и строитесь,
И все время беспокоитесь,
Будто есть такой предел,
Что успеешь — схватишь втрое здесь,
Не успеешь — прогорел.

Ну, спасибо за хлеб-соль
И покамест до свидания.
Может, свидимся. Заранее
Кто предскажет нашу роль —
Всхлип трехрядного страдания
Или брамсовская боль.

Мне вас не за что любить.
Огляделся я — и вдруг
Вижу — нету основания
И девятый Дантов круг.
Пеленает синий бред
Синий сон и белый страх,
Белый ужас! — Потолок еще,
Небо — белое полотнище
На заборах и домах.

1968

Публикация Сергея КИСЕЛЕВА

Фотографии Павла КРИВЦОВА из серии «Один день Эстонии» и Ромуальдаса РАКАУСКАСА

ПРЕДСТАВЛЯЕМ РУБРИКУ «ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА»

Принцип «золотого сечения», детище Леонардо, указывает на зависимость гармонии от математики, восторга от логики.

Прекрасное, однако, не разоблачено. Тайна продолжает ускользать. Поражением наказаны попытки положиться на закон и принцип в творчестве. Тайна красоты ускользает, как если бы сама жизнь указывала ей спасительное пространство н а р у ш е н и я нормы.

Гудящее пространство свободы.

Но дух Леонардо торжествует и там.

«Золотое сечение» проступает в неправленой жизни, как лик да Винчи на портрете Моны Лизы.

Мания править действительность — трудно лечима.

Зараза переходит на человека.

Невероятно тяжело не встать в позу портретируемого.

...читателю все еще хочется знать приговор.

«Суд жизни», «суд истины», как и назначение правого и виноватого, не имеют ничего общего с з о л о т ы м с е ч е н и е м, проступающим в нашей судьбе тогда лишь, когда мы сколько-нибудь приближаемся к тому, ЧТО мы есть.

Попытками приближения тяжко терзается Дух.

Кто он, Новенький?

Ему не понравилось выражение «очевидно богатый». Он попросил заменить на «очевидно преуспевающий». Выглядеть богатым пошло. Он выглядит иначе.

— Мы, хозяева жизни, не ходим, а летаем. На губах наших — легкая улыбка хозяина. Это не сытость, это прекрасный обмен веществ. Надеюсь, разница ясна?

Он говорил как ненормальный.

Вдруг впал в графоманию: попросил вписать в свой монолог фразу: «Я был прострелен любовью навылет, как бубновый валет». Желание быть узнанным было слишком очевидно в нем. Узнаваемый, но неуязвимый. Он наверняка самому себе казался обаятельным воплощением зла.

Я гадала: сделался бы он настолько откровенен, будь не настолько богат?

Возможно, богатство или преуспеяние, на котором он настаивал, было блефом. Все это вызывает жуткую скуку.

Общение с ним было неприятным. Не вообразил ли он, что заказывает парадный портрет?.. Наконец он оскорбился и бросил трубку — там, в моем любимом нерусском городе, центре искусств, прибежище нерусских уязвленных муз, где за мостом через «немецкую» реку стояли две чугунные пары трудящихся. Теперь их, несомненно, снимут, как Ленина.

Любопытной чертой в нем было раздражение,— как если бы окружающие плохо знали законы любезного обращения с ним.

Если он новенький, если он сегодняшний... следовательно, покамест нам «честных коммерсантов», «благородных купцов» и незапятнанных хозяев брать неоткуда. Первый миллион, как и первый миллион хозяев, не будет чистым. Честь у нас не товар.

Пока поиграем в честных и благородных. Может быть, понакупим себе дворянских званий... га-спа-да!

Это не страшно. Нам ли бояться новых господ.

Есть страх иного рода...

Лицо человека к старости застывает маской победившей страсти. Это предупреждение о. Флоренского.

Победившая страсть бродит в нас анонимно, пока мы видим себя героями или хозяевами. Иногда хочется вывернуться наизнанку, чтобы вытрясти ее, обнаружить, прижать к ногтю, как вошь.

Страх, о котором он побоялся даже заикнуться, мирит меня с ним.

И — роднит меня с ним.

Что до любви...

Н. Ч.

Я ЗНАЮ, ЧЕГО ТЫ БОИШЬСЯ!

Нина ЧУГУНОВА

«Мне не в первый раз звонила девушка поздно ночью. Я не говорю любовь, но всегда влюбленность. В меня влюблялись, часто довольно жестоко. Ой, моя первая история, напоминающая эту только слегка, но тоже мучительная! В шестом, наверное, классе. Или в седьмом. Я решил, что мне пора завести себе девочку. Кстати, механизм возникновения этих двух романов один и тот же: я решил, что мне необходимо завести себе девочку. В шестом или в седьмом. Мне было необходимо утвердиться в положении мальчика, у которого есть девочка. Я помню, что я стеснялся того, что у меня нет девочки, хотя далеко не у всех в классе они были. Позже мне всегда были нужны женщины для самоутверждения. Вот так вот. Вот такой я. И послал записку одной девочке, которая показалась мне наиболее симпатичной. Она мне немедленно ответила! Была трогательная история. Я помню, что, когда она меня взяла под руку, я задрожал, как трансформатор под напряжением. Это был страх. Она безумно в меня влюбилась. Она любила меня много лет, и я ей расстроил две свадьбы, сам того не желая: всего лишь я приезжал в город П., где она жила, в канун ее очередной свадьбы и ничего не предпринимал: мы только виделись с ней — и она отменяла свадьбу. Так она отменила две свадьбы, после чего я поклялся никогда с ней не встречаться — ради нее самой — и исполнил это. И вот наконец я узнаю, что она давно замужем и родила двойню, и я вздыхаю свободно. Но даже это не заставит меня увидеться с ней, не рискуя сломать ее жизнь. Она меня любила много лет, возможно, и теперь любит, это так трагично, поскольку безответно. Только иногда я обольщался, считая, что меня любят, а процентов в девяносто это так и было. И я это узнавал мгновенно, по интонации, по тому, как я могу вести... то есть следовало начать бросать пробные камни, на которые невлюбленная женщина не просто не реагировала, но возмутилась бы. Я был настолько всегда уверен, что в меня влюбляются женщины, что мне их всех бывало немножко жаль, поскольку я же сказал, что истинное чувство трагично само по себе, безответность почти не меняет его, а только усиливает трагическую ноту, это меня всегда очень трогает в них.

Она позвонила мне и что-то принялась объяснять по телефону. (Выяснилось, что она приходила в контору с подругой. Я ее не помнил.) Поздно вечером она позвонила мне — в кабинет шефа одной конторы, которую я сторожил. Я ночевал в кабинете несколько месяцев, не имея другого пристанища в городе, куда приехал, отбыв работу по распределению. С разрешения шефа я устраивался шикарно на диване, придвигая его к двери, чтобы уборщица, которой было удобнее убирать среди ночи, не врывалась ко мне без стука. Я сушил вещи на батарее. И вот ночью звонит девочка и говорит: «Можно, я буду иногда вам звонить?» Такая тихая девочка.

В том прежнем, ничтожном городе, где я отрабатывал распределение после института и Москвы, я оставил несчастную любовь, а также там у меня были две любовницы. Одна меня жутко терзала, а другая зато была художница. С любовью все было кончено, и в этом столичном славном мертвом для меня городе я был один, и я не мог подойти к женщине на улице, я всегда выжидал, но здесь одиночество было уже совершенно безнадежным. То есть я подходил, конечно, на улице. Я некоторое время боролся, пытался. Потом затих. Я писал рассказы и вел дневник. Был ужасно беден.

Она сказала, что заходила с подругой. Я ее не мог вспомнить. Она училась на медичку в училище.

«Можно, я буду вам вечером иногда звонить?» Это была забавная, что ли, игра, она довольно долго продолжалась, игра по телефону. Я разговаривал с этой странной девочкой, лежа среди развешанных носков, развалясь в служебном кабинете.

Медичка, предпоследний курс! Я сказал ей сразу, что не хочу знать ее фамилию, ничего. Она сразу хотела знать обо мне все. Пусть будет девочка, которая звонит по телефону. Она нисколько меня не занимала, нет, нет! Это было соблюдением приличий. Мне всегда трудно... неудобно отказать человеку, который тебе звонит. Я не могу сказать: сейчас я занят, перезвоните. Я лучше не стану поднимать трубки. Когда я поднял, я схвачен и могу говорить лишь: «Да, конечно». Как ни странно, мне трудно оттолкнуть человека.

Другу я рассказал абстрактную историю... ведь я искал женщину, теперь я только понимаю, что это было похоже на то, что я испрашивал совета. Она звонила каждый вечер. Друг как бы пожал плечами, удивляясь мне, и в ближайшем телефонном разговоре я пригласил ее прийти. В десять, не то в одиннадцать. Это не вечер, это уже ночь.

Мой приятель сказал: «Училище, предпоследний курс, ты понимаешь, что это такое?»

Возможно, он-то и подтолкнул меня.

Она пришла.

Это была девочка, не знающая правил игры.

Если бы я мог открутить эту историю назад. Мне нужна была женщина, других вариантов не было, знакомства, повторяю, проходили тяжело в этом выжженном городе. Где-то жили две мои любви... у меня не было никого. Кроме нее. Мне так долго казалось, что мне достаточно появиться, пройтись этакой блесной...

А ведь уже по телефону я мог бы заметить что-то неприятное, что-то отталкивающее, отвратительное. Это была любовь. Я был поначалу всего лишь разочарован. Вот еще одна девочка, которую удалось уговорить. Я думаю, что большая часть мужчин спит с женщинами не потому, что им уж так этого хочется, а потому, что есть интрига, мужики ведь удовлетворяют свое самолюбие не только в кровати, во-первых, не у всех это и получается, а главное, что удалось уговорить.

Наверное, я все-таки ждал ее в первый вечер.

Да, конечно, да, да. Да.

У меня были женщины жуткие совершенно, у меня была одна кабацкая шлюха, такая ... она была совершенно жуткая. Я с ней, самое смешное, и не переспал. То есть мы с ней были вместе. Она была очень пьяна. И я ее спас от изнасилования. Группового причем. К которому сам чуть было и не подтолкнул. Но я в конце концов ее увел от парней, которые хотели ее пустить по кругу, увел к себе и оставил на ночь, а утром она сказала мне, что у нее не было лучше мужчины, ну еще бы, она рассказывала мне свою дикую семейную историю. Такая дикая, ужасная кабацкая проститутка. Она нежно поцеловала меня и ушла на работу. Я взял ее в кабаке по последнему разбору. Никто ее не соглашался брать.

Последующее сильно на меня давит, поэтому мне трудно объективно описать свое состояние, когда я ждал мою девочку, также трудно спокойно описать ее. Полноватая, с низко посаженной фигурой. Слишком медлительная. Кудрявые волосы. Растерянный взгляд больших глаз. Но не тех, не под прекрасными бровями красавицы Рахили. Круглое лицо.

...и впечатление незавершенности, недопеченности, как сырая булка. Если бы она воспитывалась в другой семье, то, возможно, ранняя развращенность или хотя бы опыт смазал бы эту проклятую изумленность, превратив ее в обаятельную черту молодой женщины. Я был бессилен перед этим изумлением.

Потом меня, повсюду настигая, раздражала именно эта черта, и я научился мигом распознавать ее в мальчиках и девочках, едущих в обнимку в метро. Я смотрел на них и думал: чего же, какой малости не хватило им для того, чтобы жизнь вдохнула в их объятия радость, полноту?

Да, ей сразу не хватало полноты во всем, что она делала и что пыталась чувствовать.

Дело не в том, что ей не было шестнадцати и она была моложе меня на восемь лет.

Она стала приходить ко мне и уходить поздно, до появления уборщицы. Так продолжалось до одного замечательного дня, когда меня вызвали в милицию и там спросили не о прописке, не о месте постоянной работы, а о том, знаю ли я такую-то учащуюся.

Ужас, который я испытал, не поддается никакому описанию. Я кинулся к юристу. Я узнал о статьях, которые мне грозили. Мне грозили постыдные статьи, но ничего вообще в том случае, если моя девочка станет отвечать разумно на вопросы в милиции. Я бросился к ней, она заучила ответы.

Последовала серия допросов...

Я не боялся КГБ, мне всегда смешно было предполагать ситуацию, в которой меня вызывают в комитет, моя беспечность некоторое время назад изумляла одну милую умную женщину, знавшую меня. Но милиция вызывает во мне ужас. Именно с тех пор. Я самоуверенный: я надеюсь, что это пройдет с годами. Не скоро.

Они мне посоветовали заранее объясниться с ее родителями, с тем чтобы повестка, которая будет им направлена непременно, не слишком поразила их.

Я поехал к родителям.

Если бы я ее любил, я плевал бы на милицию. Я делал бы, что хотел. Мне было бы все равно, женюсь я на ней или не женюсь, все равно, когда это прекратится и насколько плевать на родителей. Но я не любил ее, а отвращение, которое она вызвала во мне чистотой своей любви, возникло сразу же.

Тем временем любовь ее ко мне росла и крепла.

Она на меня смотрела вот так: расширив зрачки, бегающие от усилия поймать мой взгляд.

Ее имя никакое, все размазанное.

Она полюбила меня безумно. Я мучился догадками: кто написал донос в милицию.

Так начался этот роман.

В принципе она очень неплохая девочка. Я о ней ничего не могу сказать плохого. Но, господи-боже-мой, немножечко недоделанная. Что, что же ей было НЕ ДАНО, чтоб даже нежную любовь д а н о было выразить так, как если бы по стеклу ножом или сосед по купе ночью сладко заскрипел зубами.

Она была, нет, не из вот этих полудурков из детской своры девочек-мальчиков в метро, играющих на чужом уровне услышанной жизни. Это мои сегодняшние догадки. Прошло три года, я почти спокоен, и я могу о чем угодно догадываться...

Она рыдала над стихами, которые я ей давал. Я оградил от нее Мандельштама: я испугался пустить ее читать т о н ч а й ш и х п а л ь ц е в б е л и з н у.

Мне хотелось ее схватить, трясти, затормошить.

Милая отличница, отрок, не созданный для женской любви, любивший меня так, как меня никто не любил и никто никогда не полюбит, надеюсь. На века.

После визита к родителям она немного переменилась. Она была моя: она хотела знать обо мне все, она стала требовательна, она пыталась расцвести. Она любила первый раз в жизни!

Разумеется, я был для нее принцем, да, я был принцем. Девушка, любившая меня до нее, была так умна, что могла иной раз и не выражать своих чувств, совсем не испытывать любви! — хотя была в ее возрасте или даже еще младше. Я готов был бежать к ней плакаться.

Но у нас теперь была ведь ЧИСТАЯ И СВЕТЛАЯ ЛЮБОВЬ!

Так дети требуют от родителей, чтобы они с ними легли в кровать, пока не заснут.

Требовательность ее не была властной, а детской и отвратительной. «Ты с кем-то встречался? Скажи, ты с кем-то встречался? У тебя кто-то был?» Таким быстрым голоском.

Первое объявление о беременности было исполнено в виноватой тональности. Она зашептала: т ы т о л ь к о н а м е н я н е р у г а й с я. Я поволок ее к врачу, который ни черта не смыслил и подтвердил. Я повез ее в больницу, откуда ее выпроводили прямо из операционной. Виноватое шептанье сделалось регулярным.

Она была абсолютно невинна. Она ничего не знала о формах гомосексуальной любви. Она не знала женской физиологии, то обстоятельство, что она сделалась женщиной, кое-как повлияло на ее психику, но не слишком. Она говорила: «Гадости».

Мог бы я ее бросить сразу же, немедленно, после первой ночи, как должен был? Нет. Я хотел скоротать более важное ожидание, идиот. Но — потом? Бросил бы я ее, если бы не анонимный донос?

Во всяком случае, два года это не продолжалось бы.

Я был ее сокамерником, трясущимся от страха перед возобновлением допросов, во время которых я клялся, что люблю и женюсь. Но она воспринимала ситуацию, конечно, иначе.

Я говорил... я дал обещание, я поклялся жениться! Я рассчитывал, что со временем она поймет, как сразу поняли ее родители.

Родители. Типичные советские инженеры. Довольно порядочные, но с узким... с узкой возможностью жизни, с узким представлением о широте, щедрости и шикарности жизни. Поклонники Окуджавы и «Литературной газеты», почитатели «Нового мира», наизусть заучившие статью «Авансы и долги» Шмелева. Мне запомнилась такая деталь: в кухне стояла мебель, которую впоследствии купил и я, симпатичная польская мебель, неприкаянная в их кухне, эта кухня дико меня раздражала. Во всей квартире были вещи, о которых как бы нельзя было сказать ничего дурного, но это было казенно, пошло...

А в этом доме не было и духу тайн, пусть постыдных. ...Я думаю: что такое стыд? Ну, это заведет меня в сторону.

В этом доме плохо готовили мать и дочь, плохо и некрасиво ели, никогда не затевали воскресных обедов, не мучились тоской. Это были очень хорошие люди. Они были в оппозиции! Они ругали Горби!

Я гурман. Я люблю хорошую жизнь. Я люблю бросаться в объятия жизни, не расспросив предварительно ее намерений.

Развивалась ли она? У нее появился опыт страдания, но любовь мешала ей действительно и с п ы т ы в а т ь жизнь. Ее любовь была ровным гулом. Ровный шум на ровной ноте.

Меня в особенности раздражали эти пэтэушные замашки... пэтэушные дела. Зимой согласно этой их идеологии, их стилю следовало ходить без шапки и без теплых штанов.

Опыт общения со мной, с мужчиной, никак не откладывался в ней, и я бы не осмелился утверждать, что сделал ее женщиной.

Я ничему ее не научил.

Невозможно чему-то научить женщину, не любя ее.

Ее мучения были как бы горизонталь-

ны, плоски, не возвышая и не унижая ее, как боль в животе.

Она громко плакала над Ахматовой. Иногда я начинал читать ей из ФАУСТА. Не гетевского, а пушкинского. Раз вдруг впал в ФЕВРАЛЬ Пастернака...

Она слушала, расширив зрачки безбровных больших глаз, ловя мой взгляд.

Два года спустя, когда я уже был связан с другой женщиной, она нашла меня и попыталась вернуть самым верным, как ей казалось способом... да, можно сказать, что она почти преуспела.

Я старался ею хоть немножечко руководить. Одевалась она плохо, то есть никак, как одеваются девочки из советских полубедных семей. Но у нее отсутствовал вкус начисто, как слух. Я говорил: «Посмотри на эту женщину»,— и она затравленно впивалась в эту несчастную женщину глазами, ища в ней разлучницу, ища опасность. Она родилась и жила в столице.

Я не хотел вообще никак не отложиться в памяти, я хотел ей напоследок указать путь. Я стал ей твердить об университете, воображая, что чудесные девушки с филфака обтешут ее, как меня обтесала Москва, я бредил лесными нимфами филфака, я изнывал от почти материнской надежды.

Тюрьма все маячила передо мной, но данное ей слово нисколько не занимало меня. Я понял, что человека, нарушающего слово, мучает не стыд, а страх, что о нем подумают. Я боялся нарушить слово, потому что боялся выглядеть в общественном мнении (ее и ее родителей) подлецом. Но двухгодичный срок, который я отмотал, освобождал меня безусловно.

Родители так и не получили роковой повестки!..

Я понял, что надо рвать.

Я сказал ей об этом. Мы сидели на краешке фонтана, было прохладное лето.

Она упала в обморок прямо в фонтан.

Через полгода я повторил попытку, смалодушничав лишь немного: я написал ей об этом в письме. Я писал, кажется: «Прости, что мне не хватает решимости...» — или что-то в этом роде. Пошлость приема, конечно, занимала меня, беспокоила. Постоянно ведя дневник, я знаю, насколько сложно произнести. Однако произнести и сформулировать важнее, чем собственно испытать.

Мне опыт не в коня корм. Но, если бы я мог сам себя предупредить, я бы заклинал себя: не спи с ней!

Слепое и тупое чудовище любви может очнуться в любой момент. Я понимаю, что чрезвычайная любовь — редкость. Но не застрахован никто.

Я был полумертв, когда стал свободен. Я был выпущен после тяжелейшей болезни. Небеса слепили меня. Женщина, которую я встретил прямо на улице и про которую вначале ничего не подумал, кроме того, что невысока, умна и красива, пригласила меня к себе, я весь дернулся: она сказала, что живет одна...— через полгода я был на ней женат, она, влюбленная, теребила меня, лениво расспрашивая о прежних, я не выдержал и чуть не шарахнул моей историей... чуть было не рассказал, но обмер.

Моя жена уехала в Испанию, я рыдал от страха за ее самолет, несущий ее, представляю: отвернувшуюся от сверкающего окна.

Моя девочка не ответила на письмо, не появилась. Тогда же вышло постановление, лишающее анонимки власти над людьми. Я был последней добычей.

Полгода назад она позвонила мне домой. Мой телефон узнать не составляет труда. Она позвонила, трубку взяла жена... я рванулся на встречу, назначив ее между двумя деловыми. Я вышел к ней из «Интуриста», слишком очевидно богатый (когда-то, пытаясь стать для нее пустым местом, стал было рассказывать о том, как мечтаю об одном — сделаться богатым, и понял, что она будет любить и пошлого идиота). я встретил ее и вернулся с ней в гостиницу, там угостил кофе и хорошим коньяком, потом вывел и посадил в свою машину, повез в другую гостиницу, где у меня также была встреча. Она сидела в холле и ждала, студентка университета... неизменная, не изменившаяся ничуть. Двадцатилетняя женщина, у которой «никого не было».

Я это уже слышал от нее.

С ужасом думаю о противоестественном: у нее мог быть ребенок.

В воображении я дохожу до беспредела, врываюсь в милицию, убиваю милиционера и наконец добираюсь до протоколов.

Я боюсь за свои деньги. Это мужское, сильное чувство. Но дикий страх охватывает меня, когда я представляю себе, будто некто, три года назад написавший донос в милицию, теперь предает огласке постыдные протоколы.

Кто мог ненавидеть меня до такой степени тогда, ненавидит и теперь. Если только не считает, что свел счеты или не остыл к игре.

У него, кто написал, есть уже жертва: не было бы любви, моя дорогая девочка немного подышала бы, пожила».

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПАЛОМНИЧЕСТВУ

Александр НЕЖНЫЙ

Будем всматриваться в такие образы, как лик св. Сергия и св. Серафима, будем носить их в своем сердце, и если мы хотя в малой степени уподобимся им в наших личных и общественных отношениях, нам суждено будет исцелить все раны революции и начать новую светлую страницу русской истории.

Николай ЛОССКИЙ

ПРОВОДЫ

В последнюю неделю июля Москва провожала мощи преподобного Серафима Саровского. В великом множестве сошелся народ к Богоявленскому собору, а кому повезло — проник внутрь и стоял там, стиснутый со всех сторон иногда до перехвата дыхания. Патриарх и сослужащие ему архиереи и священники одеты были в облачения зеленого цвета, которым — в сочетании с желтым и голубым — Церковь обозначает духовный подвиг человека, его стремление к жизни вечной, преодоление греха, страстей и оков низшей воли. Рака с мощами преподобного стояла неподалеку от амвона — и новая эта и младенчески-короткая домовина Серафима Саровского как бы предостерегала весь люд от ложного понимания нетленности и требовательных ожиданий, что прославленный Церковью человек по смерти должен непременно сохранить в целости свою плоть. Святость стяжается жизнью, а кончиной лишь подтверждается; и дорогим останкам мы поклоняемся вне всякой зависимости от того, в каком состоянии они были о б р е т е н ы.

После литургии был перерыв. Во дворе собора прогуливались не приглашенные на обед священники, мелькали озабоченные молодые люди в черных кителях — присланные из Троице-Сергиевой лавры семинаристы, бабушки в белых платочках поглядывали на трех доминиканцев: бритых, с четко очерченными европейскими физиономиями, в серых рясах и сандалиях на босу ногу... Опираясь на посох, важно ходил юродивый лет двадцати пяти с круглой иконкой Богородицы, издали напоминающей панагию, наперсным крестом и четками; прошмыгнула безумненькая с белесыми ресничками, и, отталкиваясь об асфальт двумя желтыми деревянными утюжками, проехал на тележке безногий Игорь, глядя на всех снизу вверх детскими голубыми глазами. Отец Николай, священник из Иванова, погладил его по голове, перекрестил и дал десять рублей. «А у нас событие,— сказал мне отец Николай.— В Шуе вернули собор, начали реставрировать, разобрали одну стенку, а за ней — помещение. И трупы лежат. Скелеты уже». «Царство небесное!— откликнулся я.— Это, должно быть, расстрелянные в двадцать втором... Тогда еще Ленин под большим секретом Молотову писал, что чем больше расстреляют, тем лучше». «Да-а,— вздохнул священник.— И что же с нашей Россией будет в конце-то концов?»

После молебна раку с мощами понесли на улицу. С пением: «Преподобный отче наш Серафиме, моли Бога о нас!» — народ повалил к выходу. Началась давка. «Ходынка!»— ощутив русскую стихию непривычными боками, тотчас припомнил оказавшийся рядом со мной канадский профессор, на что я, оберегая вцепившуюся в меня рязанскую бабушку, ответил исторически более близким сравнением: «Трубная площадь!» «Сынок мой!— приговаривала тем временем бабушка.— Ой, что б я без тебя делала!»

Вслед за ракой с мощами многотысячная толпа медленно поплыла в каменных берегах улицы Карла Маркса. И в который уже раз я поймал себя на мысли, что смутное наше время не без издевки подсмеивается над нами, уничижительно подмигивает, корчит рожи и представляет собой довольно-таки двусмысленное сочетание по крайней мере нескольких действительностей. Улица Карла Маркса, сказавшего о религии, быть может, самые страшные слова, и крестный ход вслед за мощами праведника и чудотворца; портрет Николая II в руках девочки лет двенадцати и выкрашенная под бронзу фигура Владимира Ильича возле школьного здания; словно сошедшие с театральных подмостков редкие казаки в черных папахах и вполне натуральные милиционеры с резиновыми д е м о к р а т и з а т о р а м и наготове — и речи не могло быть тут о какой-либо исторической, духовной и эстетической цельности. Все стремилось врозь — но, как во всякую переходную эпоху, оказывалось в одном времени и пространстве.

И вместе с тем нельзя было не поразиться самому крестному ходу, небывалому в наши дни. Право, я вдруг с какой-то особенной, пронзительной остротой понял, что, как ни топтали народную душу, как ни стремились выкорчевать, вырвать из нее всякий тянущийся к Небесам росток, как ни совращали и искушали ее, как ни пытались заглушить в ней память о православном Отечестве,— в сокровенных глубинах своих она все-таки сумела сохранить в себе верность Христу. Ибо преклонение перед преподобным Серафимом — это преклонение перед человеком, через которого нам является Бог; перед святой жизнью, возможностью которой всегда мучилась Россия; перед светом, ободрявшим нас и в глубокую ночь...

Возле Садового кольца крестный ход рассеялся.

Проехал желто-синий «мерседес» милиции, затем на Садовое завернул зеленый «уазик», в открытом кузове которого стояла рака с мощами преподобного; вслед за ним показался автобус с архиереями и только потом плавно прокатил длинный низкий черный автомобиль Патриарха, сразу оставивший далеко позади тележку с безногим Игорем. Счастливо улыбаясь, Игорь изо всех сил отталкивался о мостовую двумя своими «утюжками» и спешил, спешил вслед за у б о г и м Серафимом.

ЖИТИЕ

Есть люди, которые посвящены Богу от самого дня рождения своего. Я встречал таких среди современных монахов и монахинь, и потому отмеченное в житии преподобного и свойственное ему с детских лет исключительное благочестие вовсе не кажется мне нарочитым преувеличением. Нет, это

свойство вполне естественное — но, правда, лишь избранной натуры. Настоящий монах вообще избран, и судьба его вообще предопределена, а Серафим Саровский более чем монах,— он подвижник веры, житель неба еще на земле, звено золотой цепи, которой Бог удерживает нас, грешных, от окончательного падения. Его тянуло прочь от лавки, где он помогал торговать старшему брату, от родного дома, от любящей — и по счастью — понимающей его *нездешность* матери, от мира — в монастырь, от рассеяния — к самоуглублению, от радостей преходящих — к неиссякаемой радости Богообщения. Из своего родного Курска он сначала отправился в Киев, к старцам Киево-Печерской лавры, в холодный век Синода продолжавшим величайшее дело отца русского монашества Феодосия и его учителя Антония. Один из старцев указал ему Саровскую обитель и благословил оставаться в ней до «скончания земного странствия». В 1778 году, девятнадцати лет от роду, он поступил в Саровский монастырь и восемь лет спустя был пострижен здесь с именем Серафим, что в переводе с древнееврейского означает пламенный.

Имя отвечало сущности, ибо преподобный, по замечанию о. Сергия Булгакова, «явил исполнение первой заповеди, о любви к Богу всем сердцем, всею крепостию, всем разумением». Многолетним (с 1794 по 1825 г.) подвигом отшельничества, добровольными самоиспытаниями столпничества и молчания он возвышал и умудрял свою душу — чтобы затем принять в нее сонм человеческих исповеданий, чтобы ее огнем отогревать страждущие души пришедших к нему за духовной помощью людей. «Радость моя!» — так обращался он к каждому, тем самым как бы закрепляя данную нам от Бога норму человеческих отношений. Еще он говорил (и как молитву нам надо помнить эти слова): «Стяжи себе мирный дух, и тысячи возле тебя спасутся». В его житии мы читаем, что ему двенадцать раз являлась Богородица, причем дважды — со словами: «Этот нашего рода» — помогала Серафиму справиться с тяжелыми недугами; что дикие звери брали пищу из его рук; что едва не убивших его грабителей он простил. По собственному его признанию, восхищенный Господом, он «видел неисповедимую красоту небесную».

Преподобный Серафим углубляет тему святости в русской истории, тему, начатую первыми русскими святыми, Борисом и Глебом. Их подвиг — это подвиг непротивления, «подлинное религиозное открытие новокрещенного русского народа» (Георгий Федотов). Есть и в Серафиме Саровском стремление вольным страданием сопричаститься Христовым страстям (трем напавшим на него в лесу разбойникам сказал, бросив топор и крестообразно сложив на груди руки: «Делайте, что вам надобно»); есть — как и у преподобного Нила Сорского и «заволжских» нестяжателей — глубокая склонность к созерцанию, умной молитве и бедности, подчас смыкающейся с нищетой; есть также и свойственная многим святым нашего Отечества — людям великого духа и не менее великого ума — удивительнейшая — до гениальности — яркость и точность слова. «Истинный пост,— наставлял, например, преподобный Серафим,— состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему». Или: «Иди средним путем. Выше сил не берись. Упадешь, и враг посмеется тебе. Вот что делай: укоряют — не укоряй. Гонят — терпи. Хулят — хвали. Осуждай себя сам, так Бог не осудит. Никогда не льсти. Познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего — ближний твой плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь. А если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти».

И вот — замечательное: «Учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз; а самому исполнять — это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню».

Внешне довольно однообразная (какое в самом деле разнообразие у монаха, на пять лет замкнувшегося в полный затвор!), его жизнь тем не менее полна замечательнейшими событиями, из которых меня неизменно поражает одно. Нет, я даже не о беседах преподобного с его сотаинником Мотовиловым — хотя сами по себе они, конечно же, составляют драгоценный клад православной духовности. История его верного служки Михаила Васильевича Мантурова, принявшего — по слову старца — **самопроизвольную нищету** (а был помещик с имением и крепостными!— все продал — и на вырученные деньги купил в Дивеево землю, на которой впоследствии построен был храм,— а самому иногда приходилось довольствоваться подаянием); его история, но еще более судьба Елены Васильевны, его сестры, красавицы и умницы, в восемнадцать лет пережившей глубочайшее духовное потрясение, в двадцать один год вступившей в монастырь и в двадцать семь скончавшейся,— вот что всякий раз приводит меня в какой-то благоговейный ужас. Ибо Елене Васильевне велел умереть преподобный Серафим — **за** брата, земные сроки которого исполнились, но который еще нужен был для Дивеевской обители. И она умерла, выполнив последнее свое послушание, и за три дня до ее кончины преподобный прислал ей выдолбленный из цельного дуба гроб.

Дивеевские насельницы очень горевали о Елене Васильевне. «Ничего не понимают!— говорил в связи с этим старец.— Плачут! А кабы видели, как душа-то ее летела! Как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились».

Вот странно: ведь я не всякому слову в его житии безоговорочно верю. Мне, например, кажется довольно грубой подделкой история с женщиной, которую скрючило (даже «коленки сведены к груди») с той поры, как она вышла за старообрядца и «переменила крест на двуперстие». Преподобный вмиг излечил ее, велев по-православному сложить персты и помазав елеем. И его слова, обращенные к пришедшему к нему однажды старообрядцу: «Оставь свои бредни» — мне точно так же представляются всего лишь неискусной работой официальной церковной пропаганды. Будучи духовно близок Нилу Сорскому, укрывавшему от преследований даже еретиков, Серафим Саровский вряд ли мог относиться с такой уничижительной беспощадностью к своим православным братьям и сестрам только потому, что они складывают персты так, как вся Русь складывала их шесть с лишним веков — со дня крещения и до никоновских реформ.

Этакой отсебятине я не верю; а кончине Елены Васильевны — верю. Велел ей умереть — и легла в гроб за святое послушание. Тут ясно чувствуется великая тайна; душа дрожит от ее близости и от страшного, вне привычных слов и понятий (как над библейским текстом) сознания, что это — правда и что он был уже настолько угоден небесам, что действительно мог вмешаться в течение человеческой жизни.

Посетивший Саровский монастырь год спустя после прославления преподобного Серафима Василий Васильевич Розанов отметил: «В пору, когда Пушкин писал «Руслана и Людмилу», декабристы зачитывались Ламартином и Байрон пел «Чайльд Гарольда», в эпоху конгрессов, Меттерниха, в эпоху начинающегося социального брожения,— в этих лесах жил человек, явивший изумительное воскресение тех тихих и созерцательных душ, какие во 2-м, 3-м, 4-м веках нашей эры жили в пустынях Ливии, Синая, Сирии. Ни один еще святой Русской земли так не повторял, но без преднамерения, неумышленно, великих фигур, на которых, собственно, как мост на своих сваях, утвердилось христианство». Между тем этой «тихой и созерцательной душе» даны были взлеты необычайнейшие и с горней высоты ей открывался мир далеко за пределами ее земного бытия. Преподобный Серафим предвидел, например, грядущее свое прославление, точно указывая при этом, что случится оно «среди лета». (Так и было: 19 июля 1903 года или, по новому стилю, 1 августа.) Он умер в 1833-м (на коленях перед любимой своей иконой Умиления Божией Матери), но знал, что в недалеком будущем Россию изнурят три державы (через два десятилетия грянула Крымская война), а дальше... «Далее,— со слезами говорил он,— будет такая скорбь, чего от начала мира не было! Ангелы не будут поспевать принимать души».

И я верю, что наш век был ему открыт во всей своей скорбной и страшной наготе.

МОЩИ

Знал, кроме того, преподобный Серафим, что место его последнего упокоения будет разорено.

Шестого июля 1920 года заседала коллегия Народного комиссариата юстиции РСФСР. Слушали в том числе вопрос о мощах. Постановили: «Принципиально остается в силе старое (1919 г.— **А. Н.**) постановление о необходимости ликвидации эксплоатации так называемых мощей... Мероприятия все проводить планомерно и последовательно, не отступая от раз намеченного плана и воздерживаясь от решительных действий, если почва в данной местности недостаточно подготовлена». (ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 4, ед. хр. 444, л. 75). Двадцать девятого июля 1920 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР «по вопросу о ликвидации мощей во всероссийском масштабе постановил:

В принципе утвердить предложения Наркомюста по этому вопросу, поручив Наркомюсту прибавить к ним краткую историю и результаты 58 произведенных вскрытий мощей. Секретарь СНК Л. Фотиева». (ЦГА РСФСР, ф. 353, оп.4, ед. хр. 379, л. 2). Вскоре соответствующий текст был подготовлен (трудился над ним 8-й, ликвидационный отдел НКЮ, которым руководил Петр Ананьевич Красиков, вполне по-ленински ненавидевший религию и добросовестно старавшийся ее уничтожить), и Совет Народных Комиссаров десятого августа постановил: «Принять к сведению проект циркуляра Наркомюста о ликвидации мощей и сообщение т. Курского о том, что момент опубликования циркуляра будет определен им в соответствии с общим политическим положением». (ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 4, ед. хр. 379, л. 33). Что ими двигало? Почему даже гражданская война не заставила их забыть о своем поистине инфернальном стремлении переворошить все дорогие народу гробы? Отчего среди первоочередных задач Советской власти едва ли не самой важной становится задача разоблачения культа мощей?

В механическом сознании больших и малых комиссаров Октября всякий человек от рождения до смерти умещался исключительно на земле, и после него оставался всего лишь труп, который надлежало зарыть, сжечь или выставить в качестве популярного экспоната. Мысль о святости, о том, что среди людей возможен «земной ангел и небесный человек», вызывала у них ненависть — может быть, даже более глубокую, чем к какому-нибудь «классовому врагу». И если в своих святых Россия поднималась к Богу, то в своих большевиках она свергалась в ад.

Все их потуги непременно разоблачить, как они говорили, обман, просветить темный народ и развенчать святость несли на себе неизгладимую печать врожденной пошлости. Нарком-юст, Дмитрий Иванович Курский, через две недели после постановления СНК нашел, что «общее политическое положение» позволяет, и выпустил циркуляр «О ликвидации мощей». «Революционное сознание трудящихся масс протестует против того, чтобы мумифицированные трупы, или останки трупов, или имитация трупов в Советской России могли быть представляемы для эксплоатации масс церковным организациям в их свободное распоряжение в нарушение самых элементарных порядков общежития и к оскорблению чувств всех сознательных граждан»,— так оповещала народ новая власть, каждым словом нечаянно выдавая свои родственные отношения с князем Тьмы.

И до циркуляра товарища Курского был шабаш, а уж после... Я читал их переписку (как правило, **совершенно секретную** и всегда **весьма срочную)** и готов был и хохотать над ней, и горючими слезами плакать... Боже мой, думал я, какие скучные, пошлые люди! Какие воистину мертвые души! Один умный старик недавно сказал мне безжалостно — о себе, но и о них: «Украли жизнь». Эти воры всякий раз разыгрывали скверный водевиль возле священных усыпальниц, приходя в особенное, тупое недоумение, когда под крышкой гроба обнаруживали на самом деле неистлевшую плоть. «Записка по прямому проводу МОРЗЕ. Из Чернигова. Москва, ЦК РКП, Совнарком, Ленину. Совершенно секретно... 18 февраля вскрыты мощи Феодосия, сообщаем проект заключения врачебных экспертов. Предъявленное экспертизе тело, называемое мощами святителя Феодосия Черниговского, есть действительно тело человека в состоянии сухого омертвления — мумификация без признаков гниения. Данные микроскопического исследования ...обнаруживают довольно ясное строение ткани и клеток, в особенности волокнистой ткани, мышечной и красных кровяных телец... Нами организована агиткомпания по научном обосновании мумификации. Необходима высылка в Чернигов специальных экспертов... Ждем дальнейших указаний. 23 февраля 1921 г. Секретарь Губкомпарт Одинцов, врид Предгубисполкома Филатов» (ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 5, ед. хр. 251, л. 25). И закрутилось... Красиков тотчас сообщает в президиум ВЧК: «На основании секретной телеграммы на имя тов. Ленина — VIII отдел НКЮ для экспертизы хорошо сохранившейся мумии Феодосия командирует в Чернигов консультанта, профессора Семеновского, одного из лучших знатоков судебной экспертизы» — и просит дать в помощь профессору двух сотрудников ВЧК (там же, ед. хр. 240, л. 140). Чекисты поехали: комиссар особых поручений Никитин и сотрудник для поручений секретного отдела Штукин. От них и от профессора Семеновского, прозектора Лефортовского морга, в Москву, в ВЧК, пришло сообщение: «1921 г., третьего марта в шесть часов вечера, согласно мандата ВЧК за № 4917—4919 мы отбыли из Москвы в Чернигов, куда и прибыли шестого марта в восемь часов утра» (там же, ед. хр. 252, л. 5).

Итогом их деятельности в Чернигове стало постановление губисполкома: «Предложить губнаробразу в 2-х дневный срок отвести место в музее для помещения трупа Феодосия. После чего поручается предгубчека Биксону произвести изъятие трупа вместе с облачением из церкви. Охрану трупа в музее возложить на Губчека». И через несколько дней: «Труп Феодосия Черниговского в полном архиерейском облачении принял. Зав. отделом Губнаробраза Дорофеев. Труп сдал. Ратченко, комендант Черниговской Губчека» (там же, лл. 1, 3).

Так они ездили по храмам и монастырям, обменивались секретными депешами, вскрывали гробницы, выставляли святые мощи в музеях, тайно — под охраной — перевозили их в Москву... И плевать им было на Патриарха Тихо-

на, просившего главного их вождя воздержаться от оскорбления святынь, на вопль народной души: «К мукам голода, холода и всяческих нестроений для православного русского народа и в частности для православного населения г. Москвы присоединились новые тяжкие терзания: вскрываются гробницы с останками почивающих в храмах святых мощей, чем нарушается их вековой могильный покой, и что недопустимо ни с православной, ни с какой иной точки зрения» (там же, оп. 3, ед. хр. 731, л. 17).

Семнадцатого декабря 1920 года в Саровском монастыре нарушен был покой преподобного Серафима.

Что-то сдерживает меня и не позволяет подробно цитировать найденный мною в российском архиве «Акт вскрытия мощей Серафима Саровского». Сообщу лишь о надписи, выбитой на серебряной, вызолоченной изнутри крышке гроба: «При державе благочестивейшего государя императора Николая Александровича, самодержца Всероссийского создана рака сия... в лето от Рождества Христова 1903 месяца июлия 19 день», о дубовых — внешних и кипарисовых — внутренних стенках гроба и о том, что «на шею надет на цепочке крест медный»,— скорее всего тот самый, которым благословила мать своего покидающего отчий дом сына... Крест этот обнаружен был минувшей зимой при втором обретении мощей преподобного Серафима, что снимает с наших душ невысказанную тяготу некоего сомнения в их подлинности и кладет конец апокрифу об их тайном похищении в двадцатом году и тайном же, по сей день, сохранении среди верных.

Мощи преподобного Серафима находились в Сарове еще семь лет. Двадцать четвертого марта 1927 года на свое очередное заседание собралась Антирелигиозная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) — все страшные двадцатые годы главная руководящая и направляющая сила в той войне на уничтожение, которую вела против храма коммунистическая партия. Возглавлял комиссию Е. Ярославский (Губельман), ее секретарем был Е. Тучков, по основной работе начальник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ. Мертвым своим языком записали они в протокол решение «О ликвидации Саровского монастыря»: «Мощи Серафима Саровского и другие «реликвии» перевезти в Москву для помещения в музей. Для окончательной ликвидации монастыря считать целесообразным передачу всех зданий последнего советским организациям для использования их в качестве домов отдыха, общежитий и т. п. Ввиду наступления весеннего периода, в связи с чем начнется приток паломников, считать необходимым проведение ликвидации монастыря в ближайшее время» (Центральный партийный архив, ф. 17, оп. 113, ед. хр. 353, л. 34).

Прав, тысячу раз прав знакомый мне старик: жизнь украли! А дали взамен какую-то отвратительную подделку, в которой и святые мощи тоже подделаны набальзамированным трупом, день и ночь охраняемым вооруженной стражей.

ДИВЕЕВО

Года три тому назад меня изредка навещала монахиня Калерия, в войну — связистка, в мирной жизни — иконописец. В ту пору она вела изнурительную тяжбу с местной дивеевской властью, добиваясь возвращения Троицкого собора бывшего Серафимо-Дивеевского монастыря, закрытого в двадцатые годы. (В 1927-м на одном из заседаний Антирелигиозной комиссии Е. Тучков сообщил, что после ликвидации Дивеевского монастыря осталось 15 ящиков икон. Постановили: «Принимая во внимание, что никаких заявок от верующих на иконы не поступало, таковые как не имеющие материальной ценности и музейного характера — уничтожить». (ЦПА, ф. 17, оп. 113, ед. хр. 871, л. 2.) Калерия приезжала ко мне за помощью. «Дивеево,— нараспев говорила она,— это же Четвертый удел Божьей Матери на земле! Всемирное покаяние отсюда начнется, по предсказанию преподобного Серафима... А власти — ни в какую. Там у нас Кондырев председателем райисполкома — ничем его не проймешь!»

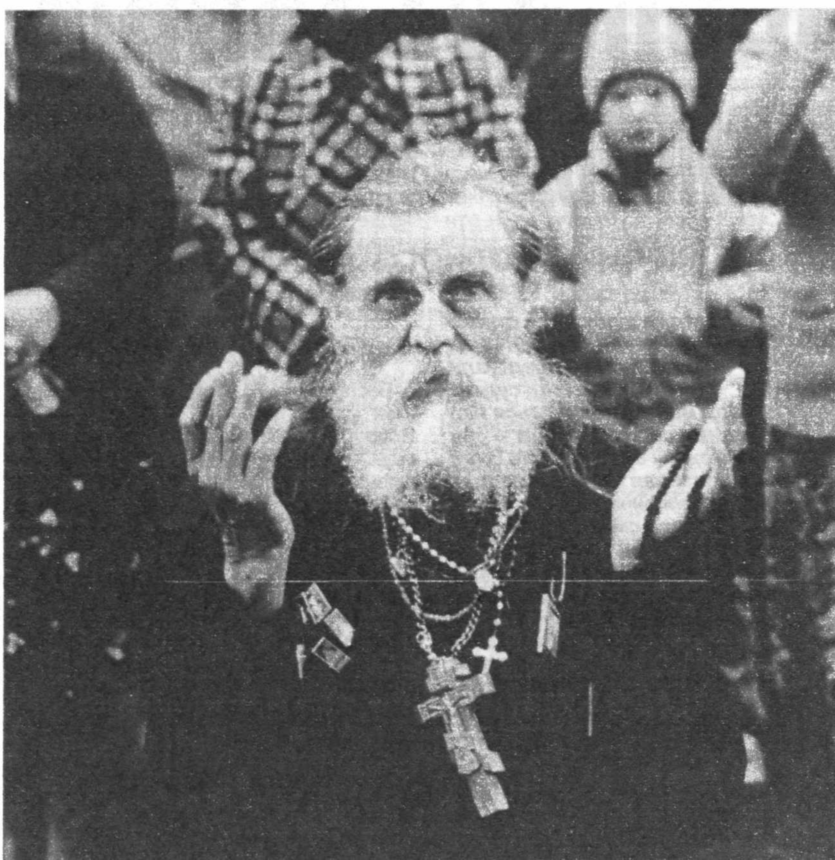
Выбраться тогда в Дивеево я не смог; зато оказался здесь нынешним летом во время встречи прибывшего сюда крестного хода с мощами преподобного Серафима и молился в Троицком соборе возле новой вызолоченной сени, принявшей раку со святыми останками, стоял в густой толпе паломников на монастырской площади, бродил по пыльным улицам этого большого нижегородского села и чувствовал, как день ото дня вместе со светлой радостью накапливается в душе тяжелая печаль... Отчего? Я даже досадовал на себя и сам себе говорил, что мелкие подробности нашего житья-бытья не могут затенить высокое значение небывалого крестного хода. И хотя между годом прославления старца, 1903-м (триста тысяч паломников! Николай II в числе тех, кто нес гроб с обретенными мощами! Пасха, по пророчеству преподобного, прозвучавшая среди лета!), и годом 1991-м, отмеченным удивительной находкой в подвалах Казанского собора, между началом века и его завершением, между двумя надеждами на религиозное просветление России легло два сорокалетия трагических блужданий, разорвавших, казалось бы, все связи с землей покинутой, милым Отечеством и родным преданием, сокровенный человек в нас не истлел и в дни паломничества, как и прежде, вышел на русские дороги встречать

своего заступника. Гляди, говорил я себе, ведь это четвертый — после Иверии, святой горы Афон и Киево-Печерской лавры — жребий Богородицы во вселенной... И как ни оказался он сегодня нищ и убог со своим райисполкомом, где по-прежнему царствует товарищ Кондырев, через великую силу год тому назад уступивший Троицкий собор верующему народу, это земля праведная, земля веры и покаяния. Пусть канавка, «ископанная» некогда по слову старца (а он — страшно молвить! — велел отметить ею путь, которым прошли стопы Богородицы) и сейчас обозначенная высаженными вдоль нее липами и ветлами, пусть она не уберегла, как было бы должно, дивеевскую тишину от примет нашей жизни: от котельной с кучей угля, унылого дома, приютившего детсад с чахлыми детишками, школы, на торцевой стене которой изображены идиотически бодрые и румяные молодые люди с летящими над их головами белыми лебедями,— все равно: нельзя уничтожить молитвенную память и пресечь святую нить. Каждый год наезжал в Дивеево народ, особенно приноравливаясь попасть на день прославления преподобного, и молился, и прикладывался к священным ветлам, и терпел жестоко разгонявшую его милицию. Это сегодня чуть ли не впервые за семь десятилетий никто не мешает милому юноше со светлым лицом смиренно и благоговейно осенять себя крестным знамением возле каждого дерева; и бабушке лет, наверное, семидесяти в резиновых калошах, надетых на белые шерстяные

Фото Олега КАПЛИНА и Павла КРИВЦОВА

носки, в черной юбке и белом платке, прикреплять образок преподобного Серафима к темно-серой, в глубоких морщинах коре... Откуда в тебе, матушка, решимость такая взялась, чтобы собраться с духом, последними силами и скудными рублями и отправиться в дальний путь? И спать на дощатом настиле в армейской палатке? И питаться случайным куском? И опустошать тощую мошну в виде завязанного узелком носового платочка тратами на свечи, на поминание близких усопших, на храм, на книжечку с житием преподобного, за которую парень в прикатившем из Москвы автобусе-магазине ломит здоровую цену? И какие тебе сны, старая, снятся, когда, отстояв литургию и молебен, задремлешь ты прямо здесь, возле Троицкого собора, в березовой тени? ...Дай Господь, чтобы в тонком твоем сне явилась тебе, как преподобному Серафиму, Матерь Божия и одарила тебя святым своим утешением!

Но коли так — откуда печаль? Ведь не соседство Троицкого собора со свежепобеленным Лениным, рукой указывающим в противоположную от собора сторону, угнетало меня, и не **партийно-хозяйственный** актив района, обсуждавший — как сказано было в местной газете — проблемы, связанные с перемещением святых мощей и не торжественное слово высшего руководителя села Дивеева товарища Кондырева, с которым обратился он к Патриарху и в котором указал, что прибытие мощей преподобного Серафима поможет развитию Нечерноземья. (С провинциальной простотой он обнаружил едва ли не главную черту советского руководителя — его абсолютную безнравственность. Был Савлом — стал Павлом, по сути своей оставшись подпорченным мужичком, до которого дошло, что попов нынче давить не велено, а надо, напротив, водить с ними дружбу. Вчера еще рог в землю втыкал, упираясь возвращать верующим Троицкий собор, и мне отвечал, что нельзя, что в самом центре и что райком рядом... А теперь — с хлебом-солью навстречу Патриарху, да еще с надеждой, что всечестные останки преподобного немедля подхватят когда-то обещанный партией, но вполне бесславно рухнувший подъем сердцевинных российских земель.) Раньше все это глубоко уязвило бы меня, но ко всему привыкаешь. И с некоторых пор я всего лишь с горькой усмешкой разглядываю фреску сегодняшней нашей жизни, шепча про себя: «Ну это же бред... Бред!» В конце концов время становится смутным именно тогда, когда исчезает благородная ясность понятий, безусловное уважение к истине и непоказное почитание святыни; когда дряхлая ложь объявляет себя родной сестрой только что народившейся правды и когда во всеобщем маскараде непросто различить искреннее лицо.

С дивеевской жительницей, Софьей Владимировной, сидели на лавочке возле ее дома, наискось от монастырских построек. «Тут нас пугали, пугали,— рассказывала Софья Владимировна и старалась разглядеть меня сквозь очки с очень сильными стеклами.— Говорили сначала — два миллиона народа будет... Потом — полтора. Убивать будут. А мы говорим: что ж, так, значит, на роду написано.— Она засмеялась.— А чего нас убивать? Мы и сами скоро помрем».

Ей шестьдесят пять; отец был священник, его забрали в тридцать четвертом, он умер; и дед тоже был священник, и его тоже забрали и увезли в Бурреполом, и он тоже умер. «У нас тогда половину дома отняли, мы ввосьмером всюду спали: и на полатях, и на печке... Жили без храма. Какие праздники или кто помрет — дома молились. Да-а... А сейчас собор. У нас у дьякона,— вдруг сказала она,— голос сильный, но бестолковый. У него слуха нет музыкального. А дьякон-то в основном всю службу ведет». «А вы, Софья Владимировна, сегодня-то в храм ходили?» «Нет... Там толпа. Казаки, милиция... Куда я. Он ведь у нас здесь пожизненно останется. В любое время можно приложиться. А Патриарх,— помолчав, спросила она,— где остановился? У нас тут ему, говорят, покои приготовили». «А вон, Софья Владимировна, как раз его машина поехала... Он где-то в доме отдыха остановился».

Патриарший лимузин — тот самый партийно-правительственный ЗИЛ, на котором Его Святейшество сопровождал мощи по нищей России,— вот что еще от Москвы смущало меня. Была тут, на мой, быть может, чрезмерно взыскательный взгляд, некая мучительная несовместимость — бедных дивеевских изб вкупе с образом святого бессребреника, у кого, как известно, напавшие на него в лесу лихие люди не нашли и копейки, и этой вельможной машиной, к которой бойкий московский народ давно прилепил членовоза. Необходимая для всякого рода представительских целей (поехать, к примеру, в Кремль, к одному из двух президентов или к обоим сразу), здесь, в Дивееве, да еще в сопровождении вороньей стаи черных «Волг», она больно резала не только глаза, но и самую душу.

А охрана?! Ладно — милиция, тем более при ожидавшемся вначале грандиозном — до миллиона и более — скоплении народа. Дивеевские обыватели испуганно вздрагивали, рисуя в воображении своем страшные картины опустошения, которым грозило их и без того скудной жизни нашествие паломников. (Обошлось; шарили, правда, по огородам, и одна дивеевская хозяйка, заметив человека, выдирающего из грядки морковь, и спросив: «Чего ты здесь делаешь?», услышала в ответ: «А мне Бог велел». «А мне,— сказала она, взяв в руки палку,— Бог вот это велел!»)

Однако в главный день торжеств, первого августа, на соборной площади, где Патриарх служил литургию, собралось не более четырех тысяч человек, и на две трети были пусты поставленные армией на окраинах села палаточные городки. Тем не менее четыреста милиционеров — причем не только обычных, но в черном, в тельняшках и беретах — особого назначения — всякий раз выстраивались в две шеренги или обороняли входы в собор, или полукольцом охватывали ЗИЛ, когда в него садился Патриарх. В Арзамасе они стояли на паперти между колоннами собора в классической позе штурмовиков партайгеноссе Рема: голова набычена, руки за спиной, ноги расставлены...

Его Святейшество — даже и в хра-

ме — неотступно сопровождал человек лет тридцати с небольшим, высокий, плечистый, с шеей борца и тем сосредоточенно-туповатым выражением лица, которое отличает хранителей тел высокопоставленных особ. Это и в самом деле был, как выяснилось, личный телохранитель Патриарха. В услужливом жесте государства Его Святейшество не разглядел беспощадной иронии истории, семьдесят лет спустя повторившей трагическую тему пленения Патриарха Тихона сотрудниками ГПУ на довольно-таки двусмысленный мотив охраны Патриарха Алексия II лейтенантом КГБ.

Помимо телохранителя, милиции и ОМОНа, нагрянули в Дивеево еще и казаки числом три сотни: донские, кубанские, терские, забайкальские — с нагайками, шашками, крестами и медалями, извлеченными Бог знает из каких сундуков, со своими подъесаулами, есаулами и атаманами всех мастей. Они должны были охранять то ли раку с мощами преподобного, то ли Патриарха, то ли нести всеобщий почетный караул и наблюдать за порядком — трудно сказать. Встречали Патриарха, выстлали ему путь зеленым ковром из травы, вынесли любимую икону преподобного Серафима — Божией Матери Умиления и золотые хоругви, тотчас ослепительно засиявшие на ярком солнце. Армейский подполковник с усталым лицом твердил в рацию: «Памир, Памир... Запроси, где находятся?» Выстроились в две плотные шеренги, освободив пространство для крестного хода, сначала омоновцы, а за ними — казаки; и внутри выхаживал журавлем очень высокий казачий полковник и, обращаясь к полковникам милицейским, говорил: «Я... я скомандую!»

Казаки в папахах, фуражках, в черно-красных черкесках и защитного цвета гимнастерках гуляли по улицам Дивеева, фотографировались с местными девушками, пили пиво из бочки, привезенной на торжества бойкими кооператорами, и несли вахту в соборе, где их было, по-моему, едва ли не больше, чем верующих. (Была в их рядах и казачка, одетая, надо сказать, совсем не по-церковному: в брюках с лампасами, перепоясанная под грудью ремнем, с непокрытой головой и накрашенными глазами.) «Дедушка,— допытывались молодые забайкальские воины у старика в валенках и пиджаке,— вы в Красной Армии служили или в Белой?» Дедушке, Трофиму Герасимовичу Коноплеву без года сто лет. Здесь, в Дивееве, в 1903-м видел царя: Мафусаил! «А вам приходилось встречать забайкальских казаков?» «Нет,— ясно отвечал Трофим Герасимович.— Такой срядки не было. А служил в конной разведке, у красных». «Редкий дед,— отзывались затем казаки.— Дай Бог здоровья... Жаль, что у красных служил». А в палаточном лагере, часть которого занимали казаки, ужасной грозой налетел на меня с моим товарищем-кинорежиссером кубанский походный атаман, Александр Александрович — очень смуглый, в черной кудрявой папахе и с маленькими, карими, медвежьими глазками. «Что за люди?! — гремел он.— Сыпанут тут, понимаешь, какой-нибудь порошок — и тиф!» «Виноват, господин полковник!»,— неумело изображая струну, тянулся перед ним сотник забайкальского войска, в миру — экономист. Когда же Александр Александрович услышал, что я из «Огонька», то мгновенно превратился в южнокурильский вулкан Тятя, готовый сжечь мерзкий журнал вместе с его главным редактором и остальными щелкоперами. «Нагаек бы!» — мечтательно крикнул на прощание Александр Александрович.

Кубанская же казачка Марфа Федоровна, та самая старуха Марфа, которая вот уже два года несет почти бессменную вахту в Чистом переулке, напротив ворот Московской Патриархии, в напрасной пока надежде, что в конце концов ей удастся рассказать Патриарху о краснодарских церковных бедах,— Марфа Федоровна махнула рукой: «Какие казаки! Кагэбэшники да милиционеры бывшие, вот кто они».

И была еще натуральная черная сотня — сто молодых людей, пятьдесят местных, нижегородских, вида, надо признать, не столь унифицированного и объединенных исключительно рубашками черного цвета, хотя и не одинакового пошива; и пятьдесят московских, похожих друг на друга, как пятаки: в черных же и на сей раз совершенно одинаковых рубашках, зеленых брюках типа галифе с накладными карманами на ляжках и в черных же сапогах с укороченными голенищами. Когда они, вздымая пыль на дивеевских улицах шагали строем, или грозно охраняли подступы к Троицкому собору, или несли свою службу внутри храма, по каким-то им одним ведомым признакам пропуская паломников или выталкивая их взашей, видно было, что это ребятки усердные. Они принадлежат к движению, именующему себя «Русским национальным единством», подчеркивают свое историческое родство с прославившимся еврейскими погромами «Союзом русского народа» — и во всем этом нет, увы, ничего удивительного. У больной жизни — и дети уроды.

Удивительно другое. Они не желают понять, что между ними и православием, между ними и Серафимом Саровским, называвшим еврейский народ священным и любезным Богу, нет ничего общего. Удивительно, непостижимо и горько, что Русская православная церковь сочла для себя нравственно возможным пригласить их на великое торжество в качестве силы порядка и сочетать белую свою ризу с их черной рубашкой.

Всякое здоровое религиозное и национальное чувство должно было возмутиться при виде всей этой всплывшей на поверхность и облепившей раку со святыми мощами пены. И как раз в том и заключалась для меня главнейшая скорбь, что некоторым из собравшихся в Дивееве епископам, может быть, даже грели душу омоновцы у порога храма, казаки и черные ребятки — внутри его. Хотя бы кого-нибудь потрясла вдруг простая и такая естественная вблизи мощей и образа Серафима Саровского мысль: а ну, как он встанет сию минуту во исполнение предсказанного им в великой и страшной дивеевской тайне? И напомнит свои слова про архиереев, нечестием своим превзошедших «архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего» и переставших веровать «главнейшему догмату веры Христовой»? И спросит, готовы ли к покаянию?

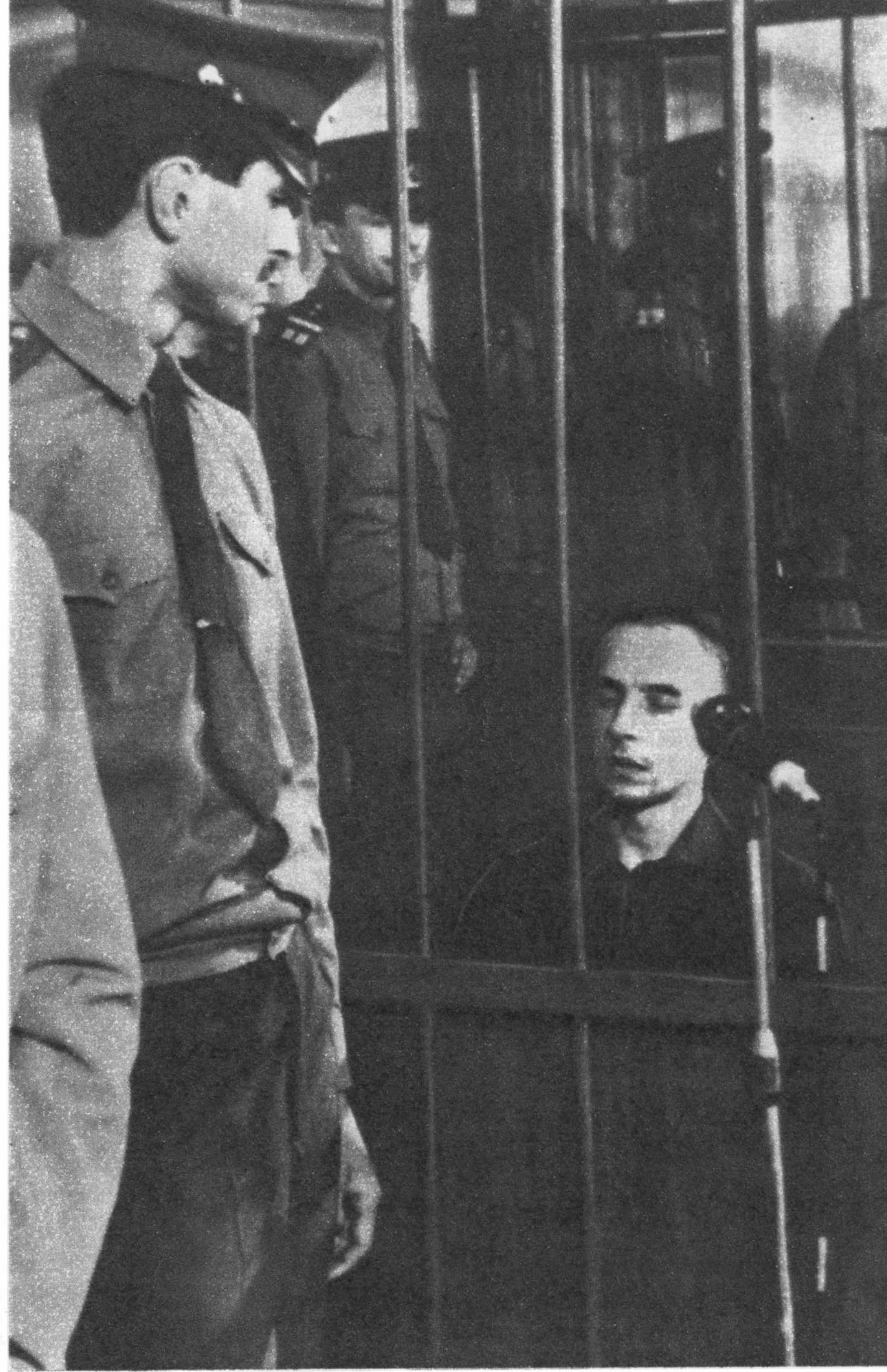
Умалчивать — стыдно; лгать — бессмысленно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Святой Серафим вернулся... Правда, не в Саровскую обитель, в которой подвизался, которую прославил своими подвижническими трудами и в Успенском соборе которой стояла рака с его мощами. Гримаса советского образа жизни превратила Саров с его дивным монастырем в секретный военный город Арзамас-16, где работали и продолжают работать над созданием ядерного оружия и где из девяти храмов кое-как сохранились лишь два.

Мощи преподобного Серафима покоятся теперь недалеко отсюда, в Дивееве: источник добра, любви и света рядом с источником смертельного зла, ненависти и тьмы.

Он вернулся — и, может быть, его возвращение отмечено будет на небесах какими-то переменами в судьбах России, и хочется верить, что к лучшему. Во всяком случае, каждый из нас знает теперь дорогу к Серафиму Саровскому. А он просил: «Когда меня не станет — вы ко мне на гробик ходите! И чем чаще, тем лучше. Все, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне, да все горе с собой-то и принесите на мой гробик! Как живому, все и расскажите! Как бы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть и буду вовеки!»

Семко. Страшно ему...

Фото В. СКОКА.

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

ОБЫКНОВЕННЫЕ УБИЙСТВА

Замира ИБРАГИМОВА,
собственный корреспондент
«Огонька»

ХРОНИКА ОДНОГО ПРОЦЕССА

Трое полгода держали в страхе полуторамиллионный Город. Когда они наконец предстали перед судом, Город мог бы посмеяться над недавним своим страхом — так ничтожны оказались те, кого перепуганная молва наделяла черной мифической силой. Но Городу было не до смеха — слишком много слез, слишком много горя успел накопить Город за те месяцы, что позволял троим безнаказанно развлекаться в многолюдной своей пустыне.

Сколько же мы дали им натворить!

1. «РАЗЫСКИВАЕТСЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШАЯ»

Воспроизвожу сообщения, наполнявшие город тревогой, тоской, ужасом. Попробуйте запомнить элементы одежды — вещам суждена впечатляющая жизнь.

«Управлением внутренних дел Новосибирского облисполкома разыскивается без вести пропавшая Исаенко Елена Антоновна, 1963 года рождения, которая ушла из дома 24 августа 1989 года и не вернулась. Ее приметы: рост 177 см, среднего телосложения, волосы русые, средней длины, брови дугообразные, была одета — юбка из джинсо-

вой ткани «варенка», свитер серого цвета... При себе имела сумку красного цвета в черный горошек...»

«13 ноября 1989 года в 21 час несовершеннолетняя Артюшенко Лена на Красном проспекте возле ВПШ села в легковую машину... Приметы пропавшей: на вид 17—19 лет, рост 164 см, худощавого телосложения... Была одета: шапка-формовка из меха рыжей лисы...»

«...Разыскиваются пропавшие без вести Калюжная Виолетта Владимировна, 1971 года рождения, и Китаева Лариса Владимировна, 1966 года рождения, которые 1 марта 1990 года около 20 часов вышли из парикмахерской по улице Коммунистическая с целью поймать такси и поехать домой и пропали.

Приметы Калюжной: на вид 16—17 лет, рост около 150 см, худощавого телосложения, одета — черное кожаное пальто с песцовым воротником, спортивные брюки темно-синего цвета «Адидас»...

Приметы Китаевой: на вид 18 лет, рост 153—155 см, среднего телосложения, одета — на голове шарф белого цвета, коричневая дубленка с меховым воротником...»

Телеэкран подолгу держал фотографии пропавших. Эффектная, цветущая женщина. Прелестная юная первокурсница. Две милые девушки — задорная и задумчивая. Жизнь в моментах безмятежного запечатлевания — и шоковая информация.

Пропали без вести?! В тысячеглазой городской толчее?!

Труп Леночки Артюшенко был обнаружен выехавшим с семьей на отдых горожанином в лесопарке возле села Мочище в воскресенье, 19 ноября.

На трупы Китаевой и Калюжной наткнулся 27 марта прохожий в перелеске Академгородка.

Трупы кричали: убийцы (или убийца?!) не только насильники, но и алчные грабители — не пренебрегли даже старенькими женскими брюками «Адидас»...

Елена Исаенко исчезла бесследно. Экстрасенсы сказали безутешной матери: дочери нет в живых, искать надо недалеко от города, там, где березы, березы, березы...

Но в городе, в одном из частных гаражей, милиция нашла красную сумочку в черный горошек. С косметичкой, портмоне, зонтиком, продуктовыми талонами. Мать в рыданиях опознала вещи потерявшейся дочери.

Скоро найдется и дочь — точнее, ее останки. За городом, в березах.

2. «НИЧЕГО ОПАСНОГО ОТ НИХ НЕ ОЖИДАЛА...»

Зачитывая с телеэкрана сообщения о без вести пропавших, капитан милиции Владимир Чеплыгин, известный новосибирцам как ведущий «уголовной хроники» в местной программе «Панорама», настойчиво призывал женщин не садиться в частные машины.

При дурном состоянии городского транспорта пользы от таких предупреждений немного, но милиция с тревожным значением просила и просила горожанок быть осторожнее с частниками. Горожанки пугались у домашних экранов, а на улицах после долгого нервозного топтания на остановках с беспечной благодарностью впархивали в любезно тормознувший автомобиль.

Об убийствах знал весь город.

Мелкие происшествия иного свойства милиция огласке не предавала — щадила женщин, переживших то, о чем не кричат на каждом углу. Да и отношение, по-видимому, к этим происшествиям у милиции было неоднозначное.

Поступают такие, к примеру, заявления. (Фамилии потерпевших, разумеется, не называю. И подробности надругательства опускаю — противопоказано этой мерзости тиражирование.)

Двадцатилетняя Галя:

— Около 24 часов стояла на остановке... Голосовала. Остановились «Жигули» — белого или бежевого цвета. Трое парней согласились меня подвезти. Один, назвавшийся Максимом, предложил мне выпить за прошедший праздник Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота. Я согласилась. Меня в жизни никогда не обижали, и я в тот период ничего опасного от них не ожидала. Сначала выпил парень в красной куртке. Он постоянно говорил, что ему в этой жизни ничего не надо, кроме как выпить, он любит весело пожить. Потом Максим налил водки мне в стакан. Там было граммов пятьдесят, я выпила и скоро почувствовала слабость, меня прошиб холодный пот, стала бить лихорадка, я заплакала. У меня было такое состояние, что я ничего не соображала и не понимала... Разбудили они меня у моего общежития. Я была в каком-то тумане...

Когда я проснулась, то увидела, что у меня исчезли золотые украшения...

Двадцатилетняя Марина:

— Возвращались с подругой из гостей около полвторого ночи. Увидели «Жигули» светлого цвета. Стали махать руками, машина остановилась. За рулем мужчина, лицо худощавое, вытянутое, назвался Олегом, второй, рядом, сказал: «Максим». Мы с Викой сели на заднее сиденье. Вика предложила пригласить парней ко мне, выпить-посидеть, кто-то из них ей понравился. Я согласилась, мне было все равно... Когда я и Вика выпили по стакану вина, Максим сказал, что он работает в цирке и может показать фокусы. Для фокуса он попросил шапку... Мы с Викой еще выпили вина — налил Максим, и скоро я почувствовала слабость, сонливость... Когда проснулась, во рту сухо, голова дурная... У нас исчезли деньги, шапки, вещи другие, плащ черный...

Не испытывала милиция ни потрясения, ни большого сочувствия к заявительницам — их собственное легкомыслие было очевидным, а розыски шапок и колечек не вдохновляли правоохранителей на подвиги. Ссылки же потерпевших на «слабость, сонливость, невменяемость» воспринимались, возможно, даже не без снисходительной усмешки — перебрали девочки...

Незнакомцы, конечно, мерзавцы, но если гоняться за мерзавцами, то кто же будет ловить негодяев?

3. «ЛЕЗВИЕМ ТОПОРИКА ПО ШЕЕ...»

Тридцатилетняя Светлана:

— В половине девятого вышла с работы. Села в «Жигули» возле оперного театра. В машине трое. Поехали. Сворачивают не туда. Чувствую — беда. Попыталась на ходу открыть дверь — не открывается. Стекло не открывается. Начала бить в стекло. Они были очень агрессивны. Один ударил меня сначала по лицу — заставлял водку пить. Я вообще не пью... Напоили силой... Останавливались на каком-то пятачке... Я уснула... потом какая-то стройка... Первым насиловал водитель... Он очень долго меня мучил... Потом тот, который назвался Федей... Выставили на улицу. Попросила отдать шапку — на улице холодно. А, говорят, так ты ничего не поняла?! Я поняла, что надо спасаться, пока жива... В машине, когда от меня требовали гнусностей и я отказывалась, кто-то из них проводил мне лезвием топорика по шее...

Тридцатисемилетняя Наталья Сергеевна:

— ...машина проехала нужный поворот. Я заволновалась. Водитель не останавливался. В какой-то момент неожиданно услышала голос с заднего сиденья. «Закрой окно»,— требовательно сказал мужчина сзади. Удивилась. Сколько ехали, не ощущала присутствия в машине кого-то еще. Хотела повернуться, но сидящий сзади схватил меня за шею и стал душить. Я не могла даже оглянуться. А второй мужчина навалился на меня и вытащил нож... Потом водитель снял с меня украшения... Второй выбросил меня из машины... выкинул сапоги... шуба и сумка остались в машине...

Нина, двадцати восьми лет:

— Села в машину в начале второго. Заставили выпить водки. Не хотела. Тогда получила кулаком в челюсть. Потеряла сознание. Очнулась от свежего воздуха. Выбросили где-то у забора. В больницу меня доставили в начале пятого...

Дела возбуждались, приостанавливались и прекращались — «в связи с неустановлением лиц, совершивших преступление».

4. ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Город и дня не живет без происшествий, но эти, множась, выстраивались в цепочку случаев не случайного сходства. А обесчещенные и ограбленные гражданки в описаниях автомобиля и преступников были неточны, сбивчивы, противоречивы. Унижение, бессилие, страх, стыд лишали наблюдательности.

Следствие по делу об исчезновении Елены Исаенко было прекращено 14 марта 1990 года, следствие по факту убийства Елены Артюшенко приостановлено 20 марта. А 28 марта областная прокуратура приняла постановление о создании следственной группы в связи с убийством Китаевой и Калюжной.

В тот день, когда город узнал еще о двух трупах, милиция получила очередное заявление от некоей Ольги.

По сути происшедшего заявление не отличалось от предыдущих.

Ольга сообщала:

— ...Когда я поняла, что везут меня в другую сторону, стала возмущаться: что за дела? Куда едем? Покатаемся, говорят. Попыталась открыть окно — ручек не было. Выехали на колыванскую трассу, шел дождь, погода мерзкая. Я ни выйти, ни кричать — все закрыто. Съехали с трассы, поехали по каким-то полям. Но машина застряла, и они остановились. Водитель говорит: «Давай!» Я ему говорю: «Зачем так, столько женщин стоит у дорог?!» Он говорит: «Когда сами хотят, неинтересно». Достали пистолет, стали угрожать: «Раздевайся!» Водитель говорит: «Если добровольно дашь, то мы тебя по очереди, а если будешь сопротивляться, то мы тебя всяко-разно...» Что мне было делать?! Сначала водитель — мерзко, долго... Второй быстренько... Водитель хотел продолжать... И тогда я сказала: «Поедем ко мне домой, в машине неудобно. Дома нет родителей, есть две сестры. И спиртное». Они колебались. Я уговаривала. Поверили... Когда открыли дверь, я успела заскочить и захлопнуть ее перед носом поднявшегося со мной водителя...

По сути, ничего нового, но последняя жертва оказалась человеком решительным, находчивым и в стрессе мобилизующимся. Потом, во время суда, Ольга скажет мне, что у нее хорошая зрительная память. А тогда она смогла добавить к заявлению нечто для следствия более существенное, чем ее собственные оценки и ощущения: описала преступников увереннее и точнее других.

Но и следствие, приостанавливая дела, осмысливало «материал». Переварив заложенные в нее данные, ЭВМ выдала относительно небольшой список подозреваемых «Жигулей».

30 марта в автомобиле ВАЗ 21-063 были задержаны Олег Семко и Максим Олешко.

Потерпевшая Ольга «прямо указала на Семко как на совершившего в отношении нее изнасилование».

Олешко она не знала.

Семко назвал соучастника, но его надо было искать. Александр Ишимов находился в «бегах» — в деревне, у родственников. Там его и арестовали 9 апреля.

5. ПЕКЛО

Апрель 1990-го стал соединением многих дел в одно — уголовное дело № 18.

Следствие длилось больше года. Его итог — семнадцать пухлых томов. Плюс многочасовые видеозаписи.

Сошлись в этих томах недуги общества, чувствующего себя скверно, да не знающего, от чего и как лечиться — то ли зуб выдрать, то ли сердце заменить, то ли наголо остричься.

Об этом, впрочем, рассуждать да рассуждать, а вот когда на процессе сошлись люди, не владеющие собой — от горя, от страха, от ужаса непоправимости, зал суда показался адом.

Рассуждают ли в аду?

Родители убитых. И родители убийц. Чья доля невыносимее?

Мать убиенной Китаевой не дожила до процесса — умерла вскоре после похорон дочери.

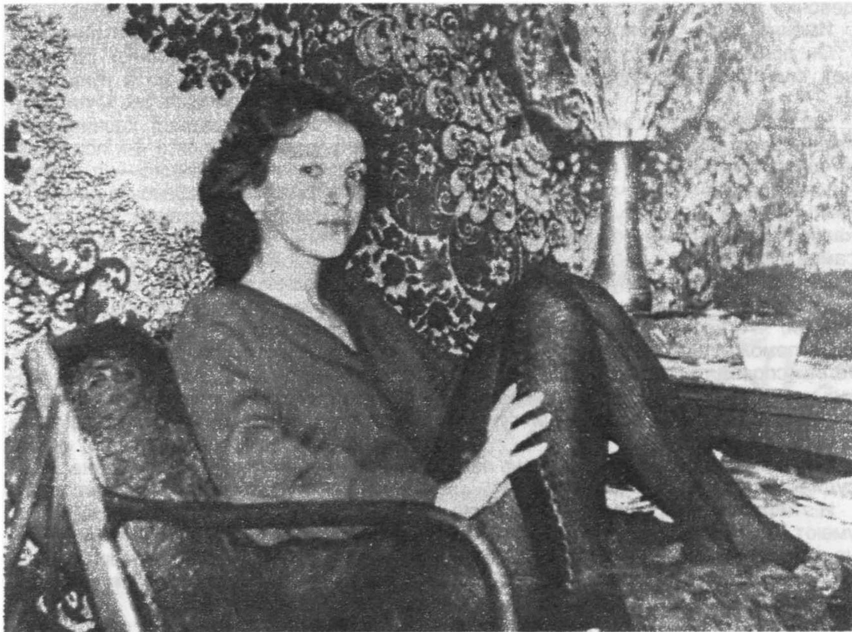
Отец убивавшего Олешко застрелился за год до суда — после того как побывал у следователей, узнал, в чем обвиняется сын, поговорил с сыном.

Эти двое нашли для себя выход в смерти.

Другие истерзаны безвыходностью жизни.

У Елены Исаенко осталась маленькая дочка. И, собираясь во второй класс, она говорит бабушке: «Давай отвезем маме на могилку швейную машинку, она мне платьице сошьет, ее же не до конца убили». Бабушка горстями глотает лекарства, но нет таких, что

Леночка Артюшенко. В последний раз отец сфотографировал ее за день-два до исчезновения.

смирили бы ее со случившимся. Она кидается на клетку с подсудимыми, но железные прутья и конвой берегут их от самочинной расправы. У них есть и защитники, обстоятельство, которое приводит бабушку в неистовство, и она кричит на адвокатов, она обвиняет их в продажности, она возмущена самим правом убийц на защиту, и судья вынужден удалять ее из зала, исполняя закон, перед которым равны все — и те, кто сеял горе, и те, кто его пожинает. Тогда в коридоре она бросается на мать сидящего в клетке сына, и две немолодые женщины, сцепившись, воют от свинцовой тоски отпущенной им нерасторжимости.

Мать Ишимова, давая суду показания, твердит еле слышно: «Саша не может убить, Саша не может убить». А Саша к концу процесса объявляет «явку с повинной» — подробно рассказывает, как они убивали и закапывали молодого мужчину, которого ограбили и без трупа которого его, Сашина, «преступная деятельность выражена не в полном объеме».

Глуховатый отец Семко, то и дело переспрашивающий судью, отвечающий невпопад, исполненный суетливой готовности служить правосудию и в то же время уходящий от конкретных вопросов в ворчливые реплики и нелепое резонерство, производил бы, пожалуй, впечатление комического персонажа, когда бы не почерневший от трагедии отец юной Леночки Артюшенко.

Он не кричит, он мало говорит, Геннадий Иосифович Артюшенко, так страшно потерявший единственную, горячо любимую дочь, но исходит от него такое неизлечимое страдание, что любая попытка сострадания кажется фальшивой и неуместной.

На своем стареньком «Запорожце» неутешный отец ездит к месту убийства Лены и оставляет ромашки под сосной, безмолвной свидетельницей предсмертных мучений дочери. Он хорошо знает эту дорогу и этот лесопарковый массив — сюда возил крохотную Леночку по выходным, помнит солнечную поляну, где ребенок впервые увидел теленка, безошибочно выходит к грибным пятачкам и ягодникам, доставлявшим девочке столько радости.

Именно здесь, именно здесь...

Он приходит на суд один — у жены нет сил слушать подсудимых, видеть их.

Надо бы подойти к нему и пробормотать: «Не ходите сюда, довольно с вас, не выдержит сердце». Но останавливают его глаза — глаза человека, обрекшего себя на медленную, мучительную казнь. За то, что не уберег. Не уберег самое дорогое.

Он скажет суду — глухо и раздельно:

— Когда я нес ее из роддома, все боялся, что уроню... Выронил...

Да поможет небо осиротевшим родителям справляться с обрушившимся на них несчастьем — тщета иных упований очевидна. И самый праведный суд не оживит погибших.

Но на весах правосудия — жизнь подсудимых.

И эти родители сражаются за нее как умеют. Три матери, два отца — никто не сказал о себе: «Выронил». А самоосуждение у всех ограничивалось недоумением — неужели?! Откуда?!

Движимые охранным родительским инстинктом, они как бы не слышат предъявленных сыновьям обвинений и несут со свидетельской трибуны нечто чудовищно несовместимое ни с обстановкой судебного расследования, ни с характером расследуемых деяний.

— Меня никогда не обижал, парни у него прекрасные, девочки прекрасные,— с уст старой (восьмой десяток) матери Семко слово «прекрасные» не сходит, и мать Елены Исаенко опять срывается в истерический крик: «Сил нет смотреть на вас! Лучше бы вас вообще на свете не было!»

Но они есть — и убийцы, и их родители, и для них этот процесс — не возмездие за прошлое, а шанс на будущее. Родители подсудимых не просят у потерпевших прощения за сыновей, не приносят никому соболезнования — они спасают своих детей, безрассудно пытаясь отвести нависшую над ними опасность.

Отец Ишимова: — Сын на убийство не способен, это я вам скажу точно... Когда маленьким был, всегда за хлебом сходит.

Мать Олешко явилась на процесс, длившийся два с половиной месяца, один раз, по вызову, и заметно тяготилась ролью допрашиваемой. И она тоже, как могла, защитила сына: «Мы держали его строго... занимался в спортивной секции... был неплохим солдатом... дома чужих вещей не было». И спросила судью по завершении своих скупых ответов: «Могу быть свободна?»

Она не пришла и в день приговора, накануне которого подсудимый Семко тяжело ранил заточенной ложкой подсудимого Олешко.

Конвой на миг соединил их в автозаке. Семко достало и мига для нового преступления...

Как ни грустно, но эти непарламентские «герои нашего времени» заслуживают персональных справок.

Должны же мы хоть что-то знать о тех, кого боимся.

6. «МИХАЛЫЧ»

Так его звали — в том пространстве, где, едва познакомившись, легко пускаются в совместные предприятия. Не имя даже — репутация человека, понимающего толк в радостях жизни и готового разделить их с каждым, до этих радостей охочим.

Олег Михайлович Семко, 1957 года рождения, четырежды судимый, почти половину жизни «отбывал наказание». В пестром наборе заслуженных им статей — 144-я (кража), 195-я (похищение или повреждение документов); 89-я (хищение государственного или общественного имущества), 212-я (угон автомототранспортных средств), 146-я (разбой). В 1985-м убил в тюрьме человека. Осужден по статье 103 (умышленное убийство).

Из акта судебно-психиатрической экспертизы (январь 1986-го) по делу Семко О. М., обвиняемого в убийстве:

«Родился в семье рабочих. Отец длительное время страдает хроническим заболеванием, лечился в 4-й психбольнице (со слов испытуемого — с диагнозом шизофрения)... Ребенок в развитии от сверстников не отставал. Учился посредственно. Имел хорошие способности к рисованию... Последнюю судимость объясняет тем, что хотел проверить душевные качества жены и удостовериться в том, что она будет ждать его... Правонарушение совершил в состоянии кратковременного болезненного расстройства душевной деятельности, по типу реакции короткого замыкания, которому предшествовало интенсивное аффективное напряжение... Состояние сопровождалось расстройством сознания, аффектом злобы, ярости, агрессией, импульсивными автоматическими действиями, выразившимися в нанесении жертве множества жестоких ножевых ранений».

Словом, его отправили лечиться, а полечив, дали свободу. Амнистия.

Его мать старше отца на одиннадцать лет, и разошлись они давно, когда сыну не было четырнадцати.

Мать об отце: «Что попало делал, злой, боялась — меня, детей зарежет. Больной человек!»

Отец о матери: «Ничего хорошего сказать не могу. Ни одного доброго слова. Правда, она труженица, работала поваром в столовой, там все в порядке, а дома ненадежный человек. Ты дурак, и больше ничего. Они с ее братом постарались меня заткнуть в дурдом».

Отец готов часами говорить о себе, бывшей жене, сыне. Выбираю существенное: «Встретился я с его матерью на Дальнем Востоке. Забеременела от меня, и мы поехали сюда, чтобы плод сохранить. Мне сразу сказали: нужен аборт, я никоим случаем не согласился. Ей тридцать восемь лет, на 38-м году — когда рожать?! Я детей очень любил. Была двойня. Девочка задохнулась при родах. Девочку я похоронил. А сын вышел как фронтовик — с подавленной головой, его клещами тянули. Но вышло ничего, нормально. Очень способный был малыш — во всем. С раннего детства стал хитрить, очень хитрить. В третьем классе, а уже до утра с девчонками просиживает. Художник он стал природно — рисовал буквально все. Он у меня был любимым сыном, симпатичным, умным, способным. Свое детство провел в колонии, там и нахватался. Не в силах я был с этим обществом поставить его на ту дорогу, как я желал бы... Отдаю ему последний долг».

Последний долг в виде кульков с колбасой и помидорами.

Когда сын освободился в последний раз, родители дали ему деньги на машину. Мать — две тысячи: «За то, чтобы жил прекрасно». Отец — «шесть тысяч. Договорились так — будешь человеком, больше не будешь садиться».

Деньги эти «машинные» в деле об убийствах и разбое жили своей мелкой, но назойливой жизнью. Выяснялось и выяснялось, кому же все-таки принадлежит машина, которую журналисты прозвали «ночной ловушкой».

Освободившись, «Михалыч» быстро женился — первый брак расторгла жена, которую он «испытывал» длительным тюремным заключением.

Вторая его жена — Лариса Никоненко — называет его то мужем, то сожителем: брак зарегистрирован не был, но в апреле 1989-го, почти за год до последнего ареста, у них родилась дочь.

Мать Ларисы, В. С. Причина, работала в райкоме партии в одной из туркменских провинций. К 50-летию ей в качестве подарка сослуживцы преподнесли право на внеочередное приобретение «Жигулей».

Так в конце лета 1988-го сваливается на «Михалыча» личный автомобиль. То, о чем честняги мечтают или даже мечтать не могут, уголовнику-ветерану дается как бы само собой.

А теперь вот тяжба: чья же это машина? По этому поводу отец Семко высказывается изумительно кратко: «Машину брала ее мать, деньги давал я, а они хотят ее присвоить».

Что ж... Суд судом, а машина — вещь ценная, металл и все прочее, дорожает, кормилец выбыл из строя...

Кормилец?

Лариса: «Сколько зарабатывал Олег, не знаю, но деньги у него всегда были, без денег он меня не оставлял. Когда я спрашивала у Олега, где он бывает, то он всегда говорил, что какая мне разница, он же работает, зарабатывает деньги».

Как? Близких это не очень занимало.

Поддельная запись в трудовой книжке, поддельные водительские права, уклонение от явки в кожно-венерологический диспансер... Это все он, «Михалыч», но это лишь «штрихи» к портрету «художника», чья поисковая натура отмечена печатью незаурядной криминальности. ... Будь они прокляты, родовспомогательные щипцы?!

7. «ИШИМ»

Его тоже никто, кроме родителей, не называл Сашей.

Александр Валентинович Ишимов, 1965 года рождения, образование среднее, судим в 1988 году по статьям 148 (вымогательство) и 117 (изнасилование). Три с половиной года лишения свободы.

Но тюремной администрации «Ишим» понравился — как «вставший на путь исправления», и она ходатайствовала о его условном освобождении, с направлением «на стройки народного хозяйства». Освобожден в августе 1989-го, работал на ТЭЦ-5 плотником, бетонщиком, жил в спецкомендатуре Октябрьского района г. Новосибирска.

«Химия», одним словом.

Спецкомендатура — учреждение, оказывается, не такое строгое, как ему надлежит быть. Можно оформить увольнительную — «прошу разрешить находиться у родителей», для этого всегда найдутся основания: то свадьба (женитьба «химика» способна, видимо, растрогать и самые огрубевшие сердца), то день рождения, то тоска по молодой жене. А можно и без оформления после вечерней проверки отправиться в ночную самоволку. Через окно общежития, зарешеченное не настолько, чтобы быть непроходимым. А под окном «всегда его ожидала машина «Жигули». Ишимов пролазил между решетками, пока их не заварили».

Поздно их заварили, прямо скажем. «Ишим» успел насладиться ночной свободой. А днем вроде как был на глазах у государства, но ненавязчиво. Прораб участка, где работал Ишимов, пишет о нем: «Особого рвения к работе не проявлял, но старался работать так, чтобы к нему не было замечаний, был малозаметен». Но и днем государство смотрело за ним сквозь пальцы. «Несколько раз не являлся на работу, т. е. отсутствовал весь день, после чего говорил мне, что отработает этот день. Если была возможность, он отрабатывал...»

Не «химия», а льготный контракт. Прогул-другой не побуждал «воспитателей» хотя бы поинтересоваться, а где же все-таки отбывает наказание условно освобожденный Ишимов. Лишь на одном из его прошений об отпуске домой есть виза начальства: «Отказать». Но не по причине прогулов, а потому, что «приходит в спецкомендатуру в нетрезвом состоянии».

Отношения в спецкомендатуре способны прямо-таки умилить неформальностью. Из показаний дежурного: «Когда я менялся, то Ишимов собрался уходить, но я ему сказал, чтобы он ждал сменщика. Но Ишимова ждала автомашина, и он стал нервничать, кричать на меня. И дежурный, сменивший меня, отпустил Ишимова, так как у него не было ограничений».

Во время процесса на Ишимове появился крестик. Я спросила Ишимова: «Вы верующий?» Ответил: «В общем-то, да». Попробовала поговорить о вере и раскаянии. Не получилось. Не хочу, объясняет, показывать своим видом, что раскаиваюсь. А не «видом»? В ответ — с детской обидчивостью: «У меня всего одно убийство, а судья говорит...» На вопрос «Давно ли верует?» отвечает опять: «В общем-то, да». Но может ли верующий делать то, что делал он? Размышляет вслух: «В последнее время совершил, например, разбой... Но я же не делал человеку физическое насилие». Возражаю: «Вы же слышали — потерпевшая С. говорит, что вы били свирепее других». Искренне изумляется: «Она же сопротивлялась!»

Что тут скажешь... Его седая миловидная мама даже под потоком саморазоблачений сына пытается убедить всех, что «Саша добрый и уравновешенный, занимался водным поло...». А сын объясняет суду, что занимался разбоем, чтобы добывать средства к существованию.

Учился в радиомеханическом СПТУ. Работал грузчиком в магазине. Искал себя. Обрел.

Окончание следует.

ВАМ надо только позвонить и...

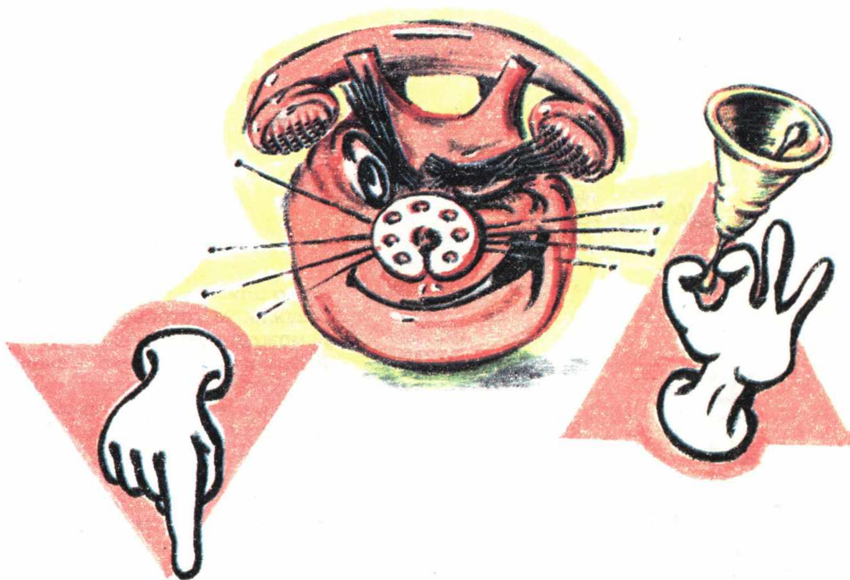
ТЕЛЕ · МАРКЕТ *ДЛЯ ВАС*

строительные материалы	/095/972-59-18
сырье	972-59-28
оргтехника	972-59-38
видео и аудиотехника	972-59-38
товары ширпотреба	972-59-48
электробытовая техника	972-59-58
оборудование для пищевой промышленности	
игровые автоматы	972-59-68

ТЕЛЕ · МАРКЕТ

ЗАЯВКИ НА СДЕЛКИ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ИЗ ЛЮБОЙ ТОЧКИ СТРАНЫ.

самые лучшие товары станут ВАШИ!

ТРАДИЦИИ, ПРОВЕРЕННЫЕ ВРЕМЕНЕМ

В душе каждого из нас есть тонкая, невидимая нить. Нить, связывающая нас с прошлым. В обыденной жизни не помнишь о ней, но наступает момент, когда что-то заденет ее, и тогда возникнет пронзительное, щемящее чувство, и перед глазами встанут незнакомые образы, живущие в глубинах вашего подсознания. Это связь времен на уровне ощущений, это предыдущий опыт, который не приходит со знанием, а является частичкой крови. Как умиротворение, возникающее при виде храма, или сладкая тоска, вдыхаемая с ветром осеннего поля. Есть вещи, приводящие в движение струны души. Она откликается и говорит: да, это было так, это действительно не фальшиво.

Мир печальных образов картин Михаила Алдашина пришел к нам из давно ушедшего времени. Времени, когда ангелы ходили по земле и смотрелись в лужи. Когда вели степенные разговоры умудренные жизнью мужики, знавшие заранее, через что предначертано им пройти в этом мире. Тогда небо

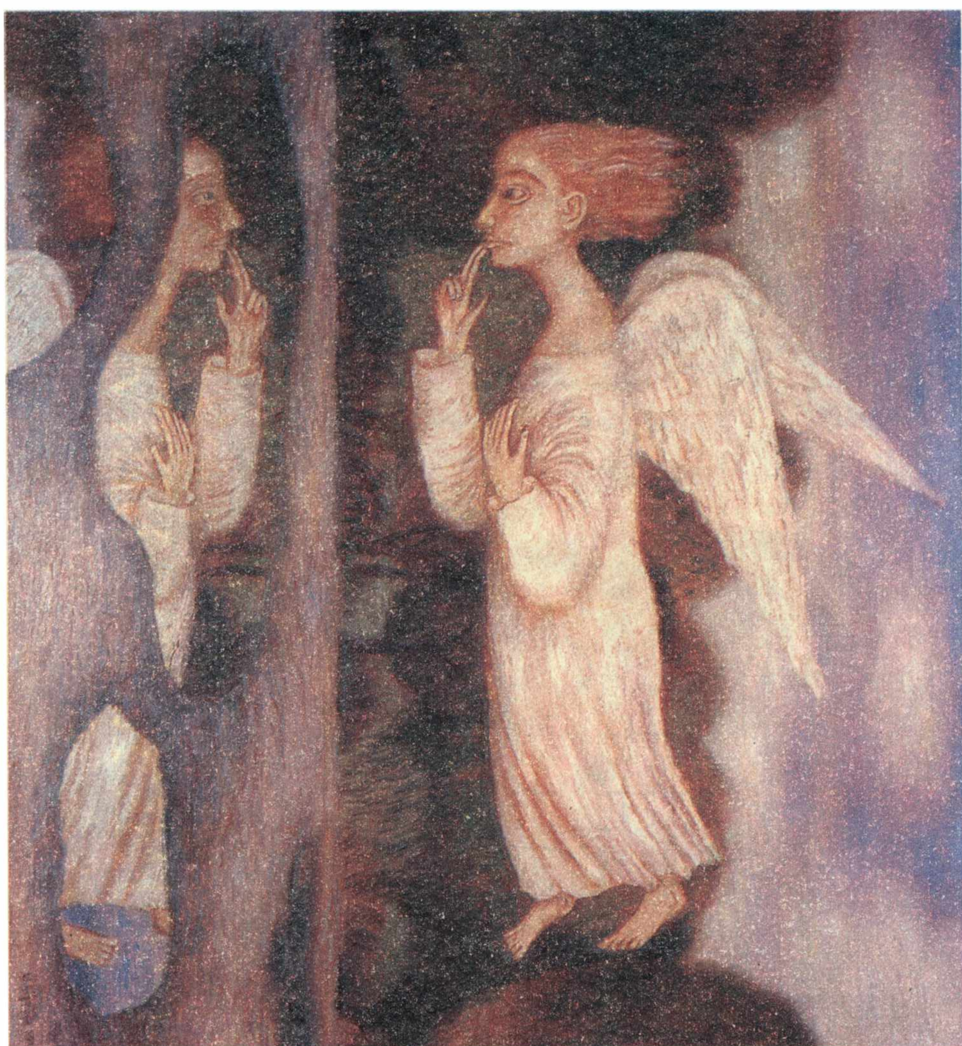
МУЖИК И АНГЕЛ ГРЕЮТСЯ У КОСТРА.

было ближе к людям, и ангел грелся у одного костра с мужиком, готовый разделить его тяготы или забрать с собой изможденную душу. Печаль в глазах образов Михаила Алдашина — это печаль знания о том, что наступит завтра, которое может превратиться в долгое небытие. И небо ушло ввысь, и место крепких крестьянских подворий заняли вечно голодные колхозы.

Картины Алдашина — тонкий мостик через пропасть духовного небытия, пришедшего с тем перемоловшим людей и ангелов завтра. Глядя на них, испытываешь нежную боль и неожиданно ясно осознаешь, что ты причастен к тому далекому миру.

И еще одно, о чем хотелось бы сказать. Даже сегодня, или особенно сегодня, из-за неразберихи жизни мы начинаем терять многих по-настоящему талантливых людей.
К открытию выставки Михаил Алдашин прилетел из Лос-Анджелеса, где он благополучно работает по заказу американских партнеров. Многие из тех, кто уезжает, делают это из-за невозможности быть увиденными дома. Искусство должно принадлежать народу. Но как оно может ему принадлежать, если художник не в состоянии осилить аренду зала и многое другое, связанное с вернисажем?

Слава Богу, после трех четвертей века безвременья у нас вновь появились меценаты. Всероссийский биржевой банк, оценив по достоинству живопись Алдашина, широко рекламирует творчество художника.

АНГЕЛ, ЛЕТЯЩИЙ НАД ЛУЖЕЙ.

АНГЕЛ НА КАЧЕЛЯХ.

Марк ПОПОВСКИЙ

НАША ЭМИГРАЦИЯ В ТРЕХ ЗЕРКАЛАХ

Уже несколько лет я ищу ответ на вопрос, который задал самому себе: что представляет собой то общество, к которому я принадлежу? Я — эмигрант из Советского Союза, один из сотен тысяч бывших советских граждан, которые хотя и нелегко, и непросто, но получили возможность покинуть страну своего рождения. Нас таких в Соединенных Штатах сейчас, очевидно, тысяч двести. Как эта армия выглядит по возрасту, полу, образованию, по заработной плате? Как относимся мы к приютившей нас стране? Довольны ли своей судьбой, не тоскуем ли по оставленной родине?

В прошлом году я принялся за социологическое исследование нашей колонии. Разослал более тысячи анкет. Хотя и не без труда, удалось получить достаточное число заполненных анкет обратно. На знаменитом нашем Брайтоне многие даже в руки брать мои бумажки боялись. Спрашивали испуганно: «А это куда пойдет? В КГБ или в ЦРУ?» В конце концов довольно толстые пачки заполненных анкет (в каждой — 25 вопросов) оказались у меня на столе.

Собранная мною информация заинтересовала психолога Леонида Ямпольского, программиста Виктора Каменского и специалиста по математическим методам анализа Илью Мучника, и они предложили просчитать все данные, заложив их в компьютер, и прокомментировать результаты на современном, так сказать, социологическом уровне. Эти трое провели машинные расчеты, а затем мы встретились и обсудили выявившиеся закономерности. Социологическая картина, выйдя из рук специалистов, обрела широту и глубину, наполнилась многочисленными интересными деталями. Итак, попробуем обозреть себя в трех зеркалах. Кто же мы?

ЗЕРКАЛО ПЕРВОЕ

До Октябрьской революции мужчин и женщин в России было поровну. Все 70 лет существования советской власти, наоборот, отмечены резкой нехваткой в стране мужчин. Массовые аресты и расстрелы тридцатых годов, а затем вторая мировая война привели к тому, что в 50-х годах в СССР разница между числом женщин и мужчин составила уже 21 миллион.

Мы привезли с собой примерно то же соотношение полов, что существует сегодня в Москве. В среде эмиграции 47,6 процента мужчин и 52,4 процента женщин. Найти мужа в таких обстоятельствах непросто, тем более что, судя по брачным объявлениям в русской нью-йоркской газете, мужчины наши требуют, чтобы их избранница была непременно изящной, без детей, интеллигентной и хорошо устроенной.

По своему возрастному составу эмиграция отличается от населения метрополии. Средний возраст нашей колонии — 50 лет с хвостиком. Примерно четверть мужчин и женщин — люди немолодые, за шестьдесят. Эта закономерность подтверждается и возрастом детей. Половина опрошенных имеет уже взрослых детей и внуков. У четверти нашего состава — дети от 16 до 22 лет. Семьи с маленькими детьми — от новорожденных до 15 лет — составляют всего лишь 27 процентов.

Семейный портрет наш выглядит со стороны весьма добропорядочно: 63 процента эмигрантов являются членами полной семьи, в которой есть муж и жена. Правда, опять-таки на советский лад, среди нас изрядно (15 процентов) безмужних мам с ребятишками. Немало и бездетных одиночек обоего пола — 22 процента, почти четверть!

Попробуем разобраться в нашем происхождении, откуда именно мы приехали и каково наше образование. Народ мы, оказывается, в массе своей просвещенный. На это и американцы в своей прессе постоянно обращают внимание. Иногда эмигранту даже работу по этой причине бывает трудно найти, отвечают «оверквалифай», то есть «слишком ты много знаешь». Две трети опрошенных нами — 76 процентов — действительно оказались владельцами университетских и институтских дипломов. А шесть процентов имеют даже ученые степени.

Догадываюсь, что цифры эти не совсем точны. Обилие людей с высшим образованием в наших расчетах вызвано тем, что простая публика, как я уже говорил выше, побаивалась брать в руки нашу анкету, а откликались на призыв в основном образованные, интеллигентные люди, понимающие, что такое социологическое исследование. Из-за этого и возник перекос. Но даже если считать, что высшее образование имеет лишь половина взрослых эмигрантов, то и тогда колония российская окажется одной из самых просвещенных и образованных среди других эмигрантских потоков, вливающихся в американский котел.

Интересна и другая деталь: откуда мы приехали. Оказывается, в массе своей публика наша столичная — 61,3 процента выехали из больших городов. Из районных городков до Америки добралось только 6 процентов, а из села — никого. Нет среди нас деревенских жителей, все горожане.

Считается, что эмиграция наша по национальному составу — еврейская. Это не совсем правильно. Ответы на анкету показали, что 17 процентов тех, кто выехал по израильской визе, евреями не являются. Да и в еврейских семьях много русских мужей и жен. Так что в целом процент неевреев в нашей эмиграции достигает 24 с лишним процентов. Это ни хорошо, ни плохо, а только статистический факт.

Итак, исследование наше показывает, что наиболее распространенный тип эмигранта — человек немолодой, с высшим образованием, приехавший из большого города, чаще всего из Москвы или Ленинграда. Люди эти в основном имеют полную семью и взрослых детей. Попробуем копнуть поглубже и еще более детализировать этот образ.

ЗЕРКАЛО ВТОРОЕ

Мы отправились в чужую страну. Зачем? Почему? Судя по полученным ответам, главная причина, побудившая наших соотечественников покинуть свою родину,— неприятие политической системы. Так заявило 60,3 процента опрошенных. Цифра эта входит в противоречие с точкой зрения, которую я постоянно встречаю на страницах советской прессы. Там нас именуют не иначе как «экономической эмиграцией», намекая, что поехали мы за «сладкой жизнью». Так ведь и сам факт эмиграции во все времена означал только одно: люди уходят от плохого к хорошему. Во всяком случае, в своих надеждах. С другой стороны, я не раз слышал уже в Америке, что наш отъезд не имел других причин, кроме антисемитизма. С этим тоже трудно согласиться. Цифры показывают, что национальный конфликт погнал за рубеж лишь 27,3 процента беженцев. Жалобы на религиозные притеснения заявило и вовсе ничтожное число эмигрантов: 3,7 процента.

На втором месте после «политических» по числу заявлений стоят люди, объясняющие свой отъезд «личными обстоятельствами». И действительно, во многих семьях сначала выезжали взрослые дети, а родители следовали или с ними, или вслед за ними. Личные обстоятельства возникали и тогда, когда человек оставался в стране один после выезда всех родных.

Выезд по личным обстоятельствам охватывает 37,3 процента наших эмигрантов. Боюсь, что сюда же придется отнести и тех, кто двинулся в путь, захваченный массовым (лучше даже сказать «стадным») энтузиазмом. Должен отметить, что в ряде анкет названо несколько причин отъезда, из-за этого сумма причин превышает сто процентов.

Хотя многие из нас живут в Америке уже 10—15 лет, средний срок пребыва-

ния эмигрантов в этой стране в массе составляет восемь с половиной лет. За это время люди успевают как-то освоить язык, устроиться на работу и даже получить американское гражданство. Как же воспринимают они свое сегодняшнее положение на другой стороне планеты? На вопрос: «Удовлетворены ли вы своим служебным положением (статусом)?» — 83,8 процента, то есть абсолютное большинство, заявило «да». Но когда дело доходит до частностей, у нас возникает множество претензий к Америке. Страна эта оказалась, очевидно, не похожей на тот идеал, который мы себе выстроили, отправляясь в путь.

Заработком своим недовольны 25,7 процента работающих. Скучно на рабочем месте каждому третьему. А еще одна треть (29,4 процента) убеждены, что их привезенный из Советского Союза опыт, знания значительно выше, нежели те, что им приходится проявлять на своей американской службе. «Мы стоим большего» — как бы говорят эти люди. Возможно, что они правы, и со временем они обретут более достойную их службу. Но не исключаю в данном случае и излишнего самомнения.

В целом, однако, устроение наше в Америке превосходит устроение многих других эмигрантских колоний. Об этом пишут и американцы, это явствует и из наших подсчетов. Достаточно сказать, что 57,6 процента наших соотечественников имеют устойчивую постоянную работу. Еще 11,6 процента владеют собственным предприятием (бизнесом). Таким образом, около 70 процентов взрослых обеспечивают себя и свои семьи собственным трудом.

Тех, кто приехал совсем недавно — 5 процентов,— поддерживают еврейские организации. Еще два с половиной процента учатся, приобретая профессию. Деньги на учение дают в долг банки. Пожилые и больные люди, которые уже не могут работать (таких насчитывается 17,6 процента), получают особый вид материальной помощи. Таким образом, три четверти новоприезжих из Советского Союза находятся при деле и не только не утруждают Америку заботами о себе, но, наоборот, поддерживают приютившую их страну, ибо сами платят государственные налоги.

В своих журналистских поездках по городам, где живут наши, мне случалось встречаться с миллионерами, видел я и бедных людей (разумеется, на американский манер — с квартирой и прожиточным минимумом). Как же с точки зрения своих доходов выглядит наша эмиграция в целом? Похоже, что кое-каким имуществом мы здесь обзавелись. Собственные дома имеют 26,1 процента, собственные квартиры — 9,4 процента. Дом за городом или квартира в городском здании — изрядная ценность. И, как видим, владеют этими ценностями более трети эмигрантов. Еще более обеспеченные (их пока немного: 4,3 процента) обладают и другим имуществом — землей, магазинами, промышленными предприятиями. Предметом, в какой-то степени отражающим материальный уровень новоприезжих, может считаться и автомобиль. Хотя чаще всего это просто «средство передвижения», без которого невозможна нормальная американская жизнь. Так или иначе машинами располагают 57 процентов наших соотечественников.

Я не назвал бы сообщество эмигрантов из России богачами. По американским стандартам мы в массе своей — люди среднего достатка. Что несомненно: большая часть из нас, оставаясь в Советском Союзе, не могла бы и мечтать о тех материальных благах, которых мы добились своим трудом за океаном. Но тут, извините, и работать приходится не так, как там...

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА и Григория КАЦМАНА

ЗЕРКАЛО ТРЕТЬЕ

Поселяясь в чужой стране, человек, хочет он этого или не хочет, вынужден укореняться в новой для него социальной, культурной, политической среде. Давайте посмотрим, насколько «обамериканились» за годы эмиграции наши «русские». Если верить анкетам, три пятых из нас (60,3 процента) читают американские книги. Еще большее число — 71,7 процента — ежедневно знакомятся с англоязычными газетами. И почти все — 87,4 процента — смотрят американские фильмы, очевидно, чаще всего по телевидению.

А общение с местными жителями? Как у нас обстоит дело с американскими друзьями? Тут дело посложнее. Шестьдесят четыре процента эмигрантов считают, что американские друзья и приятели у них есть. Но хорошо себя чувствуют в американском обществе только 40 процентов «русских». Сказывается разница культур, привычек, вкусов. Русско-американские контакты чаще ограничиваются любезными телефонными звонками, ничего не значащи-

ми чаепитиями. Того духа единения, которым наполняли нас встречи на московских, киевских и харьковских кухнях, здесь, увы, ощутить многим из нас почти не удается.

Америка — страна верующих. Восемь из десяти американцев постоянно посещают церкви, молитвенные дома и синагоги. А мы? Атеистами считают себя более чем треть эмигрантов. Но в синагоге никогда не бывали 55 процентов. Еще 38,2 процента вспоминают о Боге Авраама, Исаака и Иакова лишь один-два раза в год, по большим праздникам. И только маленькая группка — 6,7 процента — новоприезжих продолжают чувствовать себя людьми религиозными и посещают синагогу постоянно. У христиан положение примерно такое же, хотя в массе своей христиане все-таки более склонны посещать храм по воскресеньям.

Одним из печальных следствий американского укоренения является то, что дети и внуки наши теряют язык, привезенный родителями и дедами. Большинство родителей стесняется открыто говорить об этом с посторонними. Тем не менее, по нашим данным, лишь около 30 процентов детей школьного возраста говорят, читают и пишут по-русски сколько-нибудь прилично. Основная масса школьников разговаривает кое-как, а писать и читать по-русски уже не умеет. Три процента детей потеряли русский язык полностью.

НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ? (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Как известно, полностью довольным человек не бывает никогда. Чем же недовольны наши соотечественники, перебравшиеся в Америку? Многим.

Состояние здоровья волнует каждого третьего эмигранта — 35 процентов. Это неудивительно, если напомнить, что колония наша состоит в основном из людей старшего возраста. С жильем у подавляющего большинства все в порядке, и тем не менее 12,2 процента жалуются: им пока не удалось наилучшим образом разрешить свою квартирную проблему. Связано это не с недостатком жилья в Америке, а с его дороговизной. Кроме того, пожилым и не слишком богатым гражданам здесь полагается особая форма социальной помощи, когда государство берет на себя большую часть квартирной платы. Те, кто еще не успел обзавестись этим благом, тоже относят себя к «неустроенным».

Есть беспокойства и более серьезно обоснованные. Так, среди работающих почти каждый пятый — 18 процентов — опасается потерять свою работу. Сейчас, в период экономического спада, такая опасность вполне реальна, хотя не станем забывать, что всякий теряющий работу получает пособие по безработице. Расстраивает многих и то, что они толком так и не выучили английский. Это обстоятельство мешает успешному развитию служебной карьеры, да и в обыденной жизни «безъязыким» быть нелегко.

Кстати, на недостаток общения в Америке жалуются 22 процента эмигрантов, в основном опять-таки люди пожилые и не владеющие английским. Добрая четверть эмигрантов, как уже говорилось выше, недовольна своим доходом. Ну, это уж дело вечное, лежащее, очевидно, в самой сущности человеческой породы. И, наконец, ностальгия. Тоска по родине, по прошлой жизни мучает не столь уж многих из нас. Но примерно каждый десятый (9,4 процента) об ушедшем и прошедшем тоскует.

В последнем вопросе анкеты я попытался все-таки выяснить, считают ли мои земляки свой отъезд в Америку благом или злом для себя, ошибкой или жизненным успехом. И тут впервые возникла цифра, свидетельствующая о полном единении нашем: 93,7 процента эмигрантов заявили, что, выехав на Запад, поступили совершенно правильно.

ПРОЗА ЖИЗНИ

ФРЭНЧ, СПИНЖАК, А ТАКЖЕ ГАЛИФЕ

можно купить на столичном Тишинском рынке. Если, конечно, повезет...

**Константин БАРЫКИН,
фото Марка ШТЕЙНБОКА**

На рынке два дурака. Один дешево продает, другой дорого покупает. Но чтобы первому добраться до второго, придется как-то перейти через миргородских стандартов лужу. Вброд ее не одолеть, вода по щиколотку, а мостик — доска — один на всех. Горбыль-доска, вперевалочку, нога с нее соскальзывает и норовит угодить в воду. Эти вот добры молодцы с гиком-посвистом проскакивают, а старушка — божий одуванчик никак пройти не может. И так и эдак приноравливается, потом обреченно машет рукой, отступает, идет туда, откуда только что вошла,— к сужающейся горловине входа-коридора, по сторонам которого шумит торг. Не основной, «вступительный». Здесь товар свой, мелкий, на ходу. Десяток шпилек-заколок, пенальчики губной помады неведомой «фирмы», бутылки с водкой, с «аперитивом», с «коньяком» — три картофельные звездочки.

— Вы, вижу, человек интеллигентный, купите бутылку хереса,— предлагает кому-то посудину с сомнительной этикеткой местная «винотесса» (тут, на Тишинке, свои прозвища-определения; по товарной, так сказать, принадлежности).— Крепость 18 градусов, сахара, видите, целых восемь процентов.

И добавляет:

— Где вы при нынешнем дефиците сахара такой сладкий херес купите? Только у меня!

— Сигаретки — прима. Россыпью. Только что доставлены. Тепленькие.— Шустрый, неопределенного возраста мужичонка держит лоточек с папиросами и сигаретами.

Фабрика «Дукат» в нескольких минутах ходьбы, да и до «Явы» недалеко. Не оттуда ли товар?

— А если и оттуда? Ты из ментов? Чего интересуешься? — Он потерял ко мне всякий интерес. И не намерен тратить время на выяснения.— Сигареты — прима и спички на ять!

— А у меня табачок-первачок! Да и махорка знатная...

Тишинский и прежде был отмечен веселыми, находчивыми продавцами. Да и покупатели в карман за словом не лезли. «У него голос на деньги хороший», как говорили встарь. «Ума на рынке не купишь» (Владимир Даль), за умом сюда и не идут. И никогда не шли. Но вот студенты-филологи, говорят, прежде наведывались: вслушивались, записывали меткое слово. Сейчас, похоже, сочность речи ушла, ее вытесняет матерная унифицированность. Хотя попадаются уникальные, из давности продавцы. Вот тот, что махоркой торгует, готов и спички предложить. Чиркает, любуется. «Сначала вонь, потом огонь. Налетай, подорожало».

— Да ты что, дед, подорожало. Говори, подешевело,— поучает его кто-то.

— Нет, милок. Сейчас на дешевый товар охотника не найти: рыночный, понимаешь, менталитет.

Ого! Вот тебе и блошиный рынок...

Тишинский рынок, Тишинка, своими традициями уходит в давность. Это всегда был рынок бедноты. Помнится, сразу после войны, да и в последние, тоже голодные ее месяцы тут продавали хлеб, американскую тушенку и яичный порошок; можно было примерить крепкие, сносу нет, «бульдоги» — ботинки американской пехоты; присмотреть и обсудить достоинства настоящей солдатской суконной шинели, что в ту пору многим заменяла цивильное пальто.

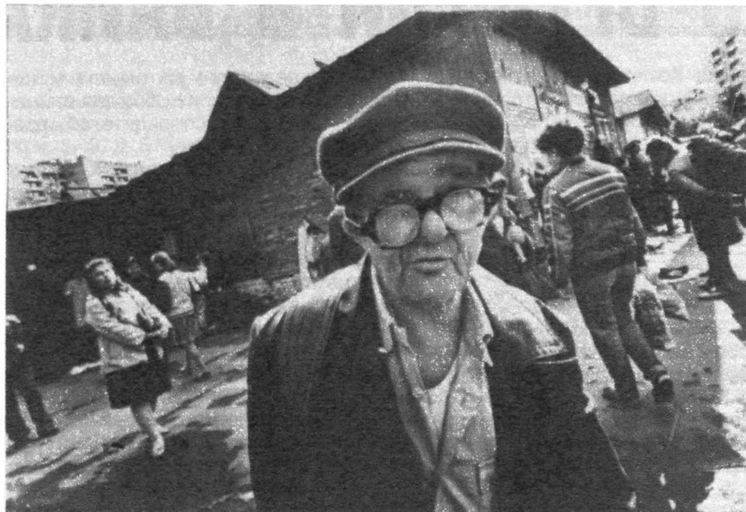
Были и ряды ношеных, но аккуратненьких, стираных вещей и вещиц. Сейчас мало что изменилось. Только место тушенки заняли банки (американского! 15 рублей штука) пива, жвачка, другой подобный импорт.

Тишинка особой чистотой никогда не отличалась. Но то, что творится тут сейчас... Обрывки газет, скомканные картонные коробки, кучи мусора, объедки, битые бутылки, обшарпанные стенки павильончиков, распахнутая створка ворот, ведущих на «хоздвор», вход на который, понятное дело, «категорически запрещен», но на который забегают те, кому лень искать туалет. Скособоченные, спотыкающиеся вывески над входами в ларьки и магазинчики.

Старьевщик — фигура на рынке уважаемая. Ему можно дать заказ, и через неделю он, «будьте спокойненьки», выполнит его с достойной приближенностью. Если вам потребовались болты «ноль-пять», он принесет именно такие. Может доставить банки из-под пива. Что это такое? Вовсе не «утильсырье». Это новый объект собирательства. Похоже, на Тишинке центр «пивобаночников». Торговля (и обмен! коллекционеры!) ими идет в особом ряду, что не исключает нескольких случайных банок на газетке-прилавке, расстеленном где пришлось.

Обычные, сколоченные прилавки отданы на рынке под фрукты и овощи, соленья и маринады, под грибочки первого посола и мясные ряды. А основной, вещевой рынок начинается от плакатика-объявления «Продажа вещей с рук запрещена. Штраф 10 рублей». Главный торг идет на земле. Кругами, спиралью опоясывает весь рынок — сперва по периметру, потом круги сужаются, еще и еще, и выходят, наконец, в центр. Здесь собираются завсегдатаи. Крутые ребята. В мягких, не комиссарского кроя кожанах, с кастетами в карманах

(если вы войдете в доверие, кастет вам продадут). Тут же подторговывает и заезжий купец. В одиночку они сюда уже не приезжают, научены. И сегодня здесь три молодца и две девицы. По-русски ни бум-бум, объясняются на пальцах и с помощью мини-калькулятора. Вы спрашиваете: «Сколько?» Быстро щебечущая по-китайски девушка отбивает на экранчике калькулятора: 450. Это за красивую, модную кофточку «ангора». Выбор большой, разного цвета и размера. Торговля идет хорошо. Можно и поторговаться, тогда на экранчике могут появиться другие цифры — 425, а то и 400. Из соседнего, такого же огромного, длиною в метр баула вынимают, встряхивают, чтобы товар заиграл, кожаные блейзеры. Взрослый, мужской — четыре ровно, дамская кожаная же куртка — три пятьсот, детская, элегантная курточка шла в этот день за две тысячи пятьсот рублей. Две и двое — при баулах, при товаре, а пятый — метрах в трех, в стороне от них. Плотный такой парень, стоит спокойно, нунчаком поигрывает. Очень наблюдательный молодой человек.

Интересные иностранные негоцианты, весьма...

...Если нет дождя, «прилавки» расстилаются прямо на грязный асфальт. Раскладывается всякая разность: старые щипчики для колки сахара, куски провода, дряхлый электросчетчик, примус, зачитанные книжки, «почти что новые» бигуди, пакетики лекарственных трав, а то и лекарства. Упаковки таблеток, которые следовало списать за давностью. Никто не обращает внимания на дату выпуска.

«От головы-то что есть?» Берут, чуть поторговавшись.

— Простите, а у вас рецепт есть?

Удивленно поднял глаза. Пожилая дама спрашивает покупательницу.

— Не могу же я продать без рецепта. Это же лекарство, можно и навредить.

И чудаками не обойден Тишинский рынок...

Аптечный рядок невелик, чаще лекарства продают вперемежку с другим залежалым товаром, рядом с коробками растворимого кофе, бутылками шампанского (полусладкое — 30 рублей, сухое — по 25, могут отдать и за двадцатку), шторами, замками без ключей, коробками конфет «Ассорти», электровыключателями, огрызками цветных карандашей, давно не пишущими «шариками», графинчиками «под хрусталь», откровенно украденными, еще в заводской упаковке гранеными стаканами, ветошью.

В самом начале нынешнего столетия была в России переведена и издана «Коммерческая энциклопедия» — «настольная справочная книга по всем отраслям коммерческих знаний». Один из ее заграничных авторов писал: «Москвичи отличаются особенной склонностью к мелкой торговле: почти каждый москвич чем-нибудь торговал, хотя большею частью лишь в самых незначительных размерах...»

Тишинка подтверждает: не сошла на нет эта практика. Хотя, признаться, бедняцкий это рынок, скорее скорбное торжище, чем коммерческое. Старики и старушки, пенсионный народ приходят сюда, чтобы добавить к своей пенсии несколько рублей. Приносят то, что долго сберегалось. Или что удалось купить при случае. Накинут трешку — пятерку и продают. Но случаются тут и редкие вещицы. То, что сохранилось у старых московских коммунальных квартирантов в сундучках и на комодах. Утром сегодня продали две чашки кузнецовской мануфактуры — отменный фарфор, тонкая работа. За бесценок, само собой. На такой товар тут мгновенный хваткий покупатель. И не один. Те лихие молодцы, что заменили говор московского торжка на приблатненную фразеологию. Они, если я не ошибаюсь, разделили рыночную территорию на сферы влияния. И когда я увидел дикую, досками, драку, вполне мог допустить, что она затеяна из-за дележа именно сфер влияния.

Да и товар распределяется тут довольно четко. Ряд — инструментальная мелочевка. Ряд — кружева, застиранные пледы, стираные же рубашонки, чепцы, колготки, детские рейтузики. Много обуви. Ношеной, ремонтированной, но есть и со стоптанными набойками — кому очень надо, сам подобьет...

Одежный ряд. Фасонистый. Говорят «спинжак», потому что закрывает пиджак прежде всего спину. Тут вы найдете и «фрэнч», «пóльты», а вот салопчик почти что новый, неношеный, с ностальгическим нафталинным запахом... Но в нарушение товарного расклада вдруг вижу среди старых телефонных аппаратов небольшое объявление-рекламу: «Шинель парадная. Полковника артиллерии. Сшита по заказу. Со всеми регалиями. Размер 48—50».

Цена не указана.

— Сначала посмотрите изделие! Потом поторгуемся...

Рассказывали мне и показывали даже, но я их не различаю — все на одно лицо и на одну нечесаную гриву,— и шепотком: «рок-звезда»! Зачем сюда? А та самая шинель парадная, рваненький «фрэнч» очень даже подходят для нонешней эстрады. И еще наметилась фарца — такое отрепье довольно охотно, с интересом покупает и заграничный человек! Гжель можно приобрести и в Париже, матрешками под завязку забит весь Арбат и все прилегающие к нему переулки, а тут «спинжак» образца 1937 года.

— Это тебе не хухры-мухры,— объяснил мне внимание к своему товару молодой человек вполне европейского стандарта, в кожане, в саламандеровских туфлях, с «ролексом» (поддельным) на руке. Мы с ним очень мило беседовали о проблемах бизнес-барахолки, он жаловался, что за товаром все чаще приходится ездить на вещевые рынки Нечерноземной зоны («где сейчас распродают все, что накопили за долгую и жухлую жизнь»), что химчистки разучились чистить так, чтобы придать вещице пристойный вид: «Иностранцы грязное не покупают»,— заметил он. И вдруг, на полуслове, прервал наш разговор и повернулся очень услужливо.

Подходили двое. Для меня они не были отличимы от десятков, сотен москвичей. Но у моего собеседника взгляд был настроен особо. И он обратился на английском:

— Советую. Недорого...

Достал из чемодана офицерские сапоги с блестящими стоячими голенищами.

— За СКВ или СКЖ. Со скидкой... А галифе?

Сделка, однако, не состоялась. «Ну и хиляйте отсюдова»,— сказал он уже по-русски. Сапоги вернулись на свое место в чемоданы. А я поинтересовался: что такое СКЖ?

— Свободно конвертируемая жидкость,— медленно, как школьный учитель, ответил он мне. И пояснил: — Это может быть шотландское виски, коньяк «Наполеон», «Мартини» или что-то в этом роде.

...Чтобы не идти через лужу возле главного входа на Тишинский рынок, я решил воспользоваться вторыми воротами, выходящими прямо на колосс-обелиск в честь большого грузинского юбилея.

Здесь был отдел кустарников и саженцев, семян и прочего земледельческого товара. И скарба. Молотки, грабли, гвозди, старые напильники. Надфили приглянулись моему попутчику. Он спросил продавца:

— Сколько просишь за два?

— Сколько сам дашь?

— Два за трешку?

На том и порешили. Так и торгует Тишинский рынок.

Не таким ли будет наш большой, общемасштабный рынок? Где полунищий продает нищему?

Или — наоборот...

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В БАЙКАХ

РАССКАЗЫ О ГОСПОДАХ И ТОВАРИЩАХ

Во все времена существовало два вида истории. Одна — писанная, составленная учеными-историками по документам и серьезным мемуарам. Такая история всегда пишется спустя столетия после событий и отражая, если так можно выразиться, букву времени, в гораздо меньшей степени отражает его дух.

Другая история — устная. Это разного рода рассказики, байки и анекдоты о реальных, часто еще живых людях, рисующие их с неожиданной, если угодно, неофициальной, стороны. Ради красного словца байка может и приврать, приукрасить или, напротив, принизить человека или событие, но в отличие от официальной истории-байка всегда насыщена духом времени.

Давайте вспомним, по каким источникам большинство из нас представляет Возрождение? Да, конечно же, по блестящим новеллам Боккаччо и Маргариты Наваррской Франко Сакетти, Чосера и Антуана де Ла Саля. И разве, когда хотим мы почувствовать истинный вкус античности, мы обращаемся к Геродоту или Тациту? Скорее уж открываем Лукиана и Апулея. Макс Фасмер — автор единственного достаточно полного «Этимологического словаря русского языка» — находит корни глагола «баять» в дорийском «голос, молва», и это действительно отражает подлинное лицо байки.

Байка может быть веселой и грустной, изысканной и грубой, доброй и страшной. Одного не дозволено байке: быть скучной.

Сегодня мы начинаем публикацию рассказов наших современников о наших современниках или, во всяком случае, людях, живших в одном с нами веке. Надеемся, что вам будет интересно читать эти маленькие новеллы, но и рассчитываем на вашу помощь в составлении подборок этой рубрики.

Присылайте нам забавные истории, происходившие с вами и вашими знакомыми, байки, которые вы от кого-то слышали, и мы обещаем непременно опубликовать самые интересные из них.

Итак, помолясь, приступим.

Леонид ПРУДОВСКИЙ

Редакция убедительно просит не относиться к байкам как к достоверным фактам и воспринимать их просто как забавные факты из нашей и ненашей жизни.

Байка 1
О ДИПЛОМАТИИ СМИРНОВА-СОКОЛЬСКОГО

Первый директор театра Эстрады (который тогда — в середине пятидесятых — размещался возле гостиницы «Пекин», а позже в этом здании был театр «Современник», а теперь — пустое место, занятое автостоянкой) блестящий актер Николай Павлович Смирнов-Сокольский был тонким дипломатом. Когда ему нужно было выхлопотать ставку или звание для своих коллег, он, зная, что в некоем министерстве культуры сидят звериные антисемиты, всегда с порога начинал так: «Ну, эти жиды опять себе напозволяли!» При слове «жиды», которое в этом здании являлось как бы паролем, по какому опознавали своих, лица чиновников светлели и они принимали Николая Павловича за компаньона по этой теме.

После чего Смирнов-Сокольский поворачивал разговор таким образом, что всегда уходил с подписанной ставкой или званием, зачастую для тех самых «жидов».

Байка 2
О СУЕВЕРИЯХ ИВАНА КОЗЛОВСКОГО

Эта история рассказана «самим» — уникальным тенором Иваном Семеновичем Козловским. Дело в том, что он очень суеверный человек. На все концерты он ездит с портфелем, с которым когда-то начинал. Естественно, сейчас этот портфель, весь перевязанный веревочками и скрепленный проволочками, являет собой реликвию, и Иван Семенович не расстается с талисманом.

Выходя из машины, Козловский непременно похлопает себя по шляпе и поправит бабочку.

А еще один из ритуалов, соблюдаемых певцом,— то, что он всегда кладет на рояль двадцать копеек.

И вот однажды, выступая в Георгиевском зале Кремля перед правительством, Иван Семенович, как всегда, положил на рояль двадцать копеек, и вдруг монетка соскользнула и покатилась по полу. Козловский поднял глаза и с ужасом увидел, что эту катящуюся монетку провожает взглядом сам Сталин.

Кое-как закончив номер, Козловский вышел в помещение артистов и похолодел: к нему направлялся начальник личной охраны Сталина генерал Власик.

Ожидая самого худшего, артист стал что-то бормотать, оправдываться, но Власик похлопал его по плечу и сказал:— Товарищ Козловский, не беспокойтесь. Мы давно заметили, что вы — с закидоном.

Байка 3
О ТОМ, ЧЕГО НЕ ЗНАЛ Л. О. УТЕСОВ

В Одессе Леонида Осиповича Утесова просто обожали и иначе, как Лёдей, не называли. «Наш Лёдя»: гордились одесситы.

И вот в один из приездов в Одессу к Леониду Осиповичу на улице подошел какой-то одессит и сказал:

— Лёдя, у вас такой талантливый сын!

— Но позвольте, — изумился Утесов,— у меня нет сыновей. У меня только дочь Эдит!

— Он мне будет рассказывать! — экспансивно воскликнул одессит.

Рассказал Б. БРУНОВ.

Байка 4
О ТОМ, КАК НАТАН АЛЬТМАН ХАРАКТЕРИЗОВАЛ В. И. ЛЕНИНА

Художник Н. Альтман говорил так: «Я вообще не любил этого человека. Во-первых, он был ужасно сварлив. Во-вторых, он никого не слушал и никому не давал говорить. И это все сказки о том, как он слушал ходоков и так далее. А в-третьих — он... вообще человек не нашего круга».

Байка 5
О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ, ПРОИСШЕДШЕМ НА ЮБИЛЕЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Александр Николаевич Вертинский любил рассказывать прекрасную историю о Л. Н. Толстом. Когда в 1898 году готовились праздновать его семидесятилетие, были предложения провести торжества в Петербурге, но Лев Николаевич категорически настоял, чтобы юбилей проходил в Ясной Поляне.

И вот подготовили школу. Вымыли, вычистили, украсили цветами и поставили лавки для гостей.

Первые два ряда Софья Андреевна приказала оставить для особо почетных гостей, и два молодых человека с хризантемами в петлицах были поставлены охранять их от посягательств.

И вдруг незадолго до начала в зал вошли крестьянки и, не обращая внимания на протесты распорядителей, расселись на этих местах.

Распорядители бросились к Софье Андреевне. Та вскипела:— Немедленно выведите их с этих мест! Сейчас приедет князь такой-то, граф такой-то! Наконец, если не станут слушать, скажите, что эти места оставлены для самых близких Льву Николаевичу людей!

Распорядители со всех ног бросились исполнять приказания.

— Господа, господа, просим вас освободить эти места! Они предназначены для самых близких людей графа!

В ответ на это поднялась нестарая еще крестьянка в платочке и сказала:

— А мы и есть самые близкие люди. Ведь у каждой из нас от Льва Николаевича дети.

Байка 6
О ЧУВСТВЕ ЮМОРА, ПРИСУЩЕМ МИХАИЛУ ЗОЩЕНКО

После известного постановления ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград», заклеймившего Михаила Зощенко и Анну Ахматову, они остались практически без средств к существованию.

Время было страшное — 1948 год. За неосторожно сказанное слово сочувствия к человеку, вызвавшему неудовольствие властей, можно было угодить в тюрьму и уж во всяком случае получить большие неприятности.

Несмотря на это, друзья собирали опальному Зощенко деньги на жизнь, а отвозил их писателю артист эстрады Леонид Усач. Зощенко протестовал против этой помощи, понимая, чем она может грозить его друзьям, и даже звонил Игорю Ильинскому:— Игорь, прекрати это немедленно. Я всю жизнь жил скромно и даже, когда получал по 50 тысяч, больше тысячи в месяц не тратил!

Но, несмотря на протесты, помощь продолжала идти.

И вот однажды Леонид Усач привез Зощенко очередную порцию денег и рассказал ему какой-то анекдот.

Зощенко сразу как-то поскучнел и сказал:— Это очень глупый анекдот. Вы его больше никому не рассказывайте. У нас здесь, в Петрограде, хорошие анекдоты рассказывают. Вот Аверченко был высокий профессионал-юморист. И для того, чтобы его сотрудники в «Сатириконе» немножко размялись, он придумал к новому году конкурс на самый глупый анекдот. Были объявлены очень хорошие призы, а сам конкурс проходил под девизами, чтобы невозможно было определить, кто какой анекдот на него представил.

Вообразите, что этот конкурс выиграл сам Аверченко вот с каким анекдотом: «Прибежал мальчик домой и кричит:— Папа, папа, наш Соломон попал в соломорезку! На что папа ответил:— Теперь это уже не соломорезка, а соломонорезка!».

И тут Зощенко начал хохотать, и кричать, и радоваться.

Вот чувство юмора, присущее великому русскому писателю Михаилу Михайловичу Зощенко.

Байка 7

О ТОМ, КАК В. И. ЛЕНИН ОТЧИТАЛ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Эту историю рассказывал Натан Исаевич Альтман, замечательный художник, известный, в числе прочего,

И АНЕКДОТАХ

и тем, что первым рисовал Ленина, а Альтману эту историю, в свою очередь, рассказал ближайший соратник вождя В. Д. Бонч-Бруевич.

Дело было так: 1919 год. Лето. В стране гражданская война, голод, а в Кремле сидят народные комиссары и едят сало. Причем по случаю жары окна открыты, а происходит этот пир на первом этаже.

Естественно, через 5 минут на стол Владимира Ильича ложится анонимный донос.

Разгневанный вождь приказывает немедленно вызвать к нему виновников происшествия и, расхаживая, почти бегая по кабинету, начинает на них кричать:

— В стране голод, разруха, положение архипоганое, и в это же самое время народные комиссары сидят и едят сало! Как не стыдно! Ведь вы же все большевики с дореволюционным стажем! Конспираторы! Неужели нельзя было занавеску задернуть? Народ не все должен знать!

Байка 8

О ТОМ, В КАКИХ ЕДИНИЦАХ Н. П. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ ИЗМЕРЯЛ ВРЕМЯ

При большевиках в стране перманентно было недоедание, временами переходящее в голод. Николай Павлович Смирнов-Сокольский, желая обозначить время какого-то события, обычно говорил:

— Это событие произошло за два голода до нынешнего.

Байка 9

ОСТРОУМНЫЙ ОТВЕТ Ф. Н. ПЛЕВАКО НА ХИТРОСТЬ ОДНОГО КУПЦА

Плевако рассказывал А. Н. Вертинскому, как к нему обратился какой-то богатый купец и попросил быть его адвокатом в тяжбе по имущественному делу.

— Надо бы дать аванс,— сказал Плевако.

— А что это такое — аванс? — прикинулся дурачком купец.

— Задаток знаешь?

— Задаток?.. Задаток знаю.

— Ну, так это в два раза больше.

Рассказал Л. УСАЧ.

ПО ОПЕРАТИВНЫМ СВОДКАМ

Кривая преступности, все круче забирающая вверх,— это температурный лист социальной болезни общества. Вдумаемся: на территории в пределах формальных границ СССР ЕЖЕДНЕВНО СОВЕРШАЕТСЯ БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, регистрируемых органами внутренних дел, а УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДЛЕЖИТ КАЖДЫЙ СОТЫЙ ЖИТЕЛЬ. При этом ВЫЯВЛЕНО МЕНЕЕ ПОЛОВИНЫ НАРУШИТЕЛЕЙ ЗАКОНА — и то в основном по мелким делам.

Еще не забыты гневно звучавшие на съездах и сессиях филиппики народных депутатов против коррупции, мафии, организованной преступности. Но скамья подсудимых для их главарей так и осталась пуста — похоже, они считают Фемиду лишь фигурой для игры в жмурки.

Редакция планирует, начиная с этого номера, ежемесячно знакомить читателей с криминогенной ситуацией как в Российской Федерации, так и в соседних суверенных республиках, рассказывать о розыске и задержании особо опасных преступников.

А сегодня — краткий обзор криминальных тенденций текущего года.

Статистические данные об уголовной преступности в СССР за январь—сентябрь (в скобках указан процент прироста по сравнению с тем же периодом прошлого года)

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО КОМПЕТЕНЦИИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА	**1 809 534 (25,0)**
в том числе тяжких	**297 184 (11,8)**
ГРАБЕЖИ	**94 753 (23,5)**
КРАЖИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА	**359 996 (51,8)**
КВАРТИРНЫЕ КРАЖИ	**296 932 (44,8)**
ВЫЯВЛЕНО ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	**1 032 931 (7,1)**
в том числе несовершеннолетних	**157 746 (4,9)**
женщин	**142 413 (1,7)**
трудоспособных, но не работающих	**200 719 (23,3)**

РАСКРЫВАЕМОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЛИНИИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА — 44,6 процента.

ИЗ КРИМИНАЛЬНОЙ ХРОНИКИ МВД

Сентябрь и октябрь — два первых месяца жизни при новом политическом и экономическом государственном устройстве. Но оперативная информация, поступающая в дежурную часть центрального Министерства внутренних дел, по-прежнему удручающа: преступность по всем наиболее опасным для общества видам количественно возрастает, а качественно становится все более циничной и жестокой.

ХИЩЕНИЯ ОРУЖИЯ (в настоящее время на руках у криминогенного контингента находится свыше 12 тысяч огнестрельных стволов; в текущем году нападений с применением оружия совершено почти 6 тысяч).

6 сентября, Омск. При проверке хранения оружия на складе войсковой части выявлена недостача 208 пистолетов и 14 автоматов. В ходе расследования установлено, что шестью военнослужащими оружие продавалось на сторону.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНТРАБАНДА (новый вид преступлений).

15 сентября в аэропорту «Шереметьево-1» при прохождении спецконтроля задержан коммерческий директор ассоциации «ДальнейАГРО», у которого при досмотре багажа обнаружены 24 иконы, 700 коллекционных монет, старинная фотоаппаратура и валюта. Все это правонарушитель намеревался вывезти на территорию Литовской Республики.

ХИЩЕНИЯ В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ (присвоено за первое полугодие ценностей и средств на 117 686 тысяч рублей, возвращено государству почти 90 миллионов рублей).

21 сентября, Москва. Пресечена деятельность преступной группы «белых воротничков» в составе бухгалтера управления валютных операций государственного коммерческого Промстройбанка СССР, ведущего экономиста управления внешнеэкономических связей того же банка, генерального директора СП «Дом Бируни» и начальника отдела маркетинга МП «Акмеист». Вступив в сговор, соумышленники провели незаконную операцию с инвалютными рублями, принадлежащими Промстройбанку. Переводя средства с заблокированного внебалансового счета на балансовый и используя подложные документы, преступники получили с расчетного счета во Внешэкономбанке наличными 156 720 долларов, причинив прямой ущерб государству на сумму свыше 5 миллионов рублей.

Редакция журнала «Огонек» учредила специальную премию в размере 100 тысяч рублей. Ее получат за раскрытие наиболее тяжкого и сложного преступления года коллектив оперативно-следственной группы, а также граждане, оказавшие ей существенное содействие. Мнение читателей при определении претендентов на премию будет учтено наравне с мнением работников МВД.

ИЗ КРИМИНАЛЬНОЙ ХРОНИКИ. НЕРАСКРЫТЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

УБИЙСТВА (ежедневно гибнет около 70 человек).

5 октября, Тюменская область. В поселке Лянтор Сургутского района житель Барнаула В. Мельчаков выстрелами из охотничьего ружья убил свою бывшую жену, в соседней квартире ранил хозяйку и нанес смертельные ранения сыну, а в другой квартире насмерть уложил владелицу и ранил ее дочь. На улице преступник застрелил идущего навстречу пешехода, рабочего стройуправления. Расследование продолжается.

12 октября, Республика Беларусь. В г. Поставы при смене караула обнаружено исчезновение постового у склада на территории военного городка. При розыске труп солдата был обнаружен в озере. Автомат и два магазина с боеприпасами отсутствовали. Нападавшие скрылись.

ИЗНАСИЛОВАНИЯ (точной статистики нет, многие случаи потерпевшими скрываются; официально регистрируется до 2000 покушений в месяц).

21 сентября, Республика Молдова. В поселке Дурлешты ночью в своем доме неизвестными изнасилована и убита 84-летняя пенсионерка.

28 сентября, Республика Беларусь. На территории витебской средней школы в рогожном мешке обнаружен с признаками удушения и изнасилования труп третьеклассницы. Преступник не установлен.

РАЗБОИ (особенно «популярны» в последнее время — до 100 ежемесячно — нападения на автолюбителей с последующим захватом машин).

10 октября в Буйнакском районе Дагестанской Республики на трассе Ростов—Баку пятеро преступников, следовавших на «Жигулях», под угрозой холодного оружия высадили из собственного автомобиля председателя кооператива из Азербайджана и отобрали у него 30 тысяч рублей. Подозреваемые разыскиваются.

Сводки, сводки, сводки... За каждой строкой—безмерное горе людей, уставших от насилия и беззакония. Однако и скрывать от общества ситуацию нельзя. Горько признавать, но пока политическое положение не стабилизируется, криминогенная обстановка будет ухудшаться. Сколько бы ни принималось замечательных постановлений по усилению борьбы с преступностью — все они перечеркиваются решениями о переподчинении правоохранительных органов республиканским властям. Ведь уголовному миру незнакомо понятие национальной независимости, для него не существует государственных границ и законов о гражданстве. Так что же, пришло время создавать межреспубликанский Интерпол?

Розыск начался. Следим за результатами

СУДЕЙ... ПРИГОВОРИЛИ?

— Ничего, ничего,— успокаивали сослуживцы молодую судью Анастасию Никифорову,— нам всем угрожают, всех пугают расправой. Это как профессиональный риск. Если хочешь продолжать работать — преодолевай страх.

И Настя пыталась преодолеть, тренируя в себе еще щупловатое мужество.

А наглеющий преступный мир Твери, пополняющийся теперь и лобастыми молодыми людьми с высшим образованием, и мускулистыми спортсменами, наводил в городе свои порядки, повергая жителей в ужас дотоле неслыханными пытками захваченных заложников.

Уже и со скамьи подсудимых веселящиеся рэкетиры, выслушав обвинительное заключение, кричали судье:

— Душка, да это же приговор тебе!

В пятницу Настя задержалась на работе, попутчики ее ушли, а кого-то просить проводить она постеснялась — ведь страх надо преодолевать...

Ее нашли утром во вторник. Даже не нашли — ранние прохожие наткнулись на демонстративно брошенный у кучи мусора истерзанный труп.

Преступление пока не раскрыто, убийство из мести — одна из версий. Но тверичи поняли — это вызов. И недавно он был повторен — около общежития, где в ожидании квартиры третий год обитал еще один судья, на него совершено групповое нападение.

Местные власти пообещали в течение месяца принять меры по обеспечению личной безопасности судей и улучшению условий их работы. Месяц истек — не сделано ничего.

А третья жертва, возможно, уже намечена. Успеют ли ее защитить?

Подготовил Владимир ПАРИЙСКИЙ.

Написать письмо меня вынуждает статья Леонида Радзиховского «Пессимистическая комедия» о Владимире Жириновском («Огонек» № 37, 1991 г.). В общем, там все правильно, но насколько медленно, робко и, надо сказать, с некоторым почтением к герою идет процесс распознавания этого человека... Ведь не с Луны же он к нам явился! Есть же люди, которые знают его как облупленного! И невооруженным глазом видно, что это ничтожество, наспех выдрессированное и выпущенное на сцену выборов Президента России теми четырьмя сотнями в Верховном Совете, чтобы сделать балаган и внушить нам, что демократия и есть этот балаган.

Два с половиной года тому назад В. Жириновский, работая незаметным (и неважным) юрисконсультом издательства «Мир», на общей волне демократического подъема начал выступать против консервативно настроенного административного и партийного руководства издательства. Однако к марту 1989 года, когда мы выбирали директора и он выставил свою кандидатуру, сотрудники издательства уже раскусили его, и выборы он проиграл (30 голосов из 600).

Несколько раз он пытался собрать небольшую группу своих сторонников под действительно либеральными и действительно демократическими лозунгами в стенах издательства, и я, как председатель СТК, разделяющий идеи либерализма и демократии, ему в этом способствовал, но администрация и партбюро довольно эффективно ему в этом препятствовали.

И вдруг, когда я в очередной раз предложил Жириновскому помещение для такого собрания, он оповестил меня, что больше ему от издательства ничего не нужно, что он организует не что иное, как учредительный съезд Либерально-демократической партии России, и не где-нибудь, а во Дворце культуры имени Русакова в Сокольниках под охраной органов правопорядка. Тут же, как по команде, пошли телевизионные репортажи и публикации в печати о Жириновском и этом событии. Я понял, что он нашел себе могущественных покровителей и, судя по быстрой эволюции его взглядов и поведения, умелых режиссеров.

Даже при нашей, еще столь молодой и неопытной демократии без этой поддержки карьера Жириновского как политика закончилась бы его неудачами на выборах в райсовет и на пост директора издательства. Разоблачите тех, кто надувает этот мыльный пузырь, и он сам собой лопнет.

Ю. ВОРОНОВ
Москва

В «Огоньке» № 34, 1991 г., опубликовано интервью Леонида Сапожникова с зав. кафедрой статистики Московского института народного хозяйства имени Плеханова, доктором экономических наук, профессором Б. И. Искаковым «Эффект Болеслава Пруса...». В этом интервью затрагивается чрезвычайно важная проблема оглупления нашего общества и рассматриваются причины этого прискорбного процесса. Многие положения интервью не вызывают особых возражений, другие спорны, но привлечение некоторых понятий генетики для объяснения феномена оглупления проделано некорректно и требует комментариев.

Из контекста интервью ясно, что генофонд понимается профессором Б. И. Искаковым просто как сумма генов, которыми обладает население. Уменьшилось население вдвое — и его генофонд уменьшился соответственно. Такое понимание неправильно. Генофонд — это прежде всего разнообразие генов в популяции. Сокращение численности населения, даже значительное, как правило, не сказывается на генофонде, и разнообразие генов в популяции сохраняется.

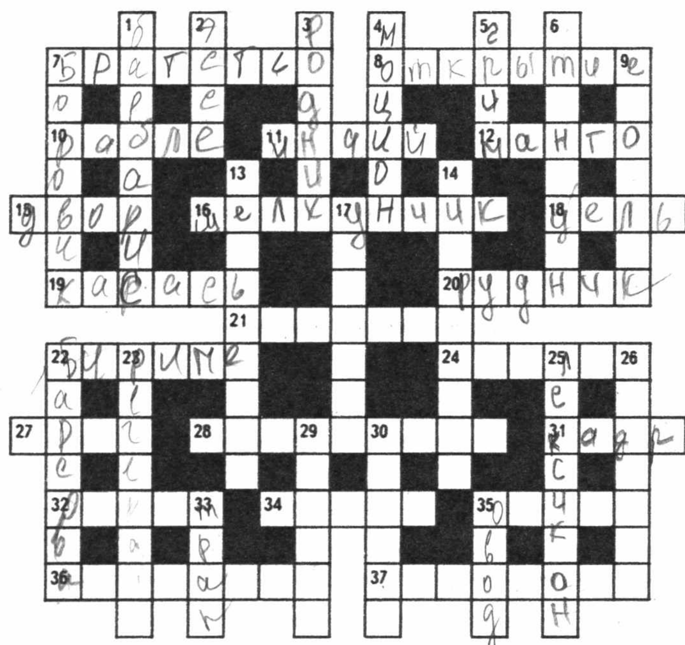
Второе, на что надо обратить внимание профессора Б. И. Искакова,— это на некорректную оценку роли наследственных факторов в патологии человека. Хорошо известно, что с возрастом растет заболевание хронической патологией, что в старших возрастных группах абсолютное большинство людей страдает теми или иными заболеваниями, но с точки зрения генетической они здоровы. У них нет генов с патологическим эффектом.

Совершенно одиозно с точки зрения генетики звучит так называемый «Закон трех поколений», согласно которому «генетический сдвиг нации можно спрессовать в три поколения, в течение жизни которых страна, народ, цивилизация доходят до полной деградации и вырождения». Вообще-то до деградации и вырождения народ можно довести за одно поколение, если, например, его морить голодом, но генетический сдвиг здесь ни при чем.

Из сказанного следует, что с точки зрения генетики наша популяция сохранила свой потенциал и может давать таланты и рождать гениев, но для этого действительно должны быть созданы подходящие социальные условия, которые могут способствовать, а могут препятствовать появлению талантов и гениев.

В заключение необходимо отметить, что трагические страницы истории нашей страны и прежде всего массовые репрессии и Великая Отечественная война, несомненно, имели генетические последствия — сузили разнообразие генотипов (но не генофонда), и восстановление всего генотипического разнообразия, конечно, требует времени. Но, может быть, значительно более драматическим является разрыв в культурном наследовании, случившийся после Октябрьской революции, который для нормального существования социума играет роль не меньшую, чем биологическое наследование.

Е. ГИНТЕР,
директор Института клинической генетики
и профилактики наследственной
патологии ВНМГЦ АМН СССР, профессор

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Содружество. 8. Новое достижение в научном познании. 10. Французский писатель-гуманист XVI века. 11. Химический элемент, металл. 12. Широкое дамское пальто. 15. Участок земли с постройками при доме. 16. Балет П. И. Чайковского. 18. Заранее намеченный результат деятельности. 19. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 20. Предприятие по добыче полезного ископаемого. 21. Прием в исполнении на музыкальных инструментах, придающий звукам особую выразительность. 22. Стихи на заданные рифмы. 24. Советский шахматист, международный гроссмейстер. 27. Целесообразная деятельность человека. 28. Город в Ростовской области. 31. Снимок на кинопленке. 32. Вид гравюры. 34. Красная утка. 35. Экваториальное созвездие. 36. Органический краситель. 37. Сказочная птица на старинных русских лубочных картинах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Декоративный ягодный кустарник. 2. Жанр литературно-критической, художественной, публицистической литературы. 3. Источник, ключ. 4. Лечебная ходьба, прогулка. 5. Косметическое средство. 6. Актер и режиссер МХАТа, народный артист СССР. 7. Белый гриб. 9. Река в Ставропольском крае. 13. Павильон, круглая надстройка над зданием. 14. График изменения расхода воды в створе реки, канала. 17. Город в Тамбовской области. 22. Певица, народная артистка СССР. 23. Химическое превращение вещества под действием ионизирующих излучений. 25. Запас слов, выражений у определенного человека. 26. Минерал, поделочный камень. 29. Действующее лицо в комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 30. Морское млекопитающее. 33. Судовая лестница. 35. Роман Э. Л. Войнич.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Эскорт. 4. Сорока. 7. Куна. 9. Бандура. 10. Курсант. 11. «Дьяволиада». 13. Футбол. 15. Луфарь. 16. Идиома. 18. Адажио. 20. Флобер. 21. Вяхирь. 24. Вернадский. 27. Ступица. 28. Ноктюрн. 29. Репа. 30. Брусья. 31. Атлант.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Скалозуб. 3. Ртуть. 5. Отряд. 6. Канистра. 7. Канва. 8. Акция. 11. Добролюбов. 12. Амфибрахий. 14. Лиотар. 15. Лавров. 17. Элеватор. 19. Тригорин. 22. «Анчар». 23. Осина. 25. Есиль. 26. Иркут.

1 руб. Индекс 70663